

ISSN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 1(11) | No. 1(11)
МАРТ | MARCH | 2024

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

 +7 (495) 252-67-88

www.nicrus.ru

institut@nicrus.ru

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 1(11) | No. 1(11)
МАРТ | MARCH 2024

18+

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты. Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2024

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Слава Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12

Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84

www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»

Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1,

Korobeynikov Lane, Moscow, 119034

Russian Federation

Website: <https://www.russia-world.ru/jour>

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2024

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2024

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P. Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В.
От главного редактора..... 14

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

Комлева В.В.
Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран
Южного Кавказа 20

Скворцова Н.А., Абазов Д.А.
Коммуникационный режим Грузии: диалог в условиях разорванных
дипломатических отношений 38

Айвазян Д.С.
Внешнеполитические векторы Азербайджанской Республики..... 54

Гагиева А.Л., Комлева В.В.
Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования..... 66

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы
Политическая социология

Егоров В.К.
К вопросу об актуализации архаики..... 86

Карапетян А.А.
Популярность и использование социальных сетей
среди армянских пользователей 102

Цихелашвили Н.Ш., Гикашвили Г.В., Сихарулидзе А.Т., Хотивришвили А.А.,
Цопурашвили Г., Рцхиладзе Г.
Общественные процессы в современной Грузии: есть ли потенциал для развития
российско-грузинского сотрудничества? 124

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Барахвостов П.А.
Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства) 142

Кобахия К.Д.
Особенности общественно-политических процессов в Абхазии (Абхазской АССР)
в 30–40-е гг. XX в. 158

Одинаев А.Н.
Искандеркульская экспедиция 1870 г.: вклад российского востоковеда
А.Л.Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской
экспедиции» А.Мустаджира173

Погосян В.А.
Влияние холодной войны на состояние афганского общества 187

CONTENTS

Naumkin V.V.
Editor-in-chief Foreword 14

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Komleva V.V.
Dynamics of Friendliness of Communication Regimes
in the South Caucasus Countries 20

Skvortsova N.A., Abazov D.A.
Communication Regime in Georgia: Dialogue in the Context of Severed Diplomatic
Relations 38

Ayvazyan D.S.
Foreign Policy Directions of the Republic of Azerbaijan..... 54

Gagieva A.L., Komleva V.V.
Russia and South Ossetia: Factors Influencing Cooperation in the Field of Education..... 66

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Egorov V.K.
On the Actualisation of Archaics..... 86

Karapetyan A.A.
Popularity of Social Networks Among Armenian Users 102

**Tsikhelashvili N.Sh., Gikashvili G.V., Sikharulidze A.T., Khotivrishvili A.A.,
Tsopurashvili G., Rtskhiladze G.**
Social processes in Modern Georgia: Is There any Potential for the Development of Russian-
Georgian Cooperation? 122

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Barakhvostov P.A.
The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity)..... 142

Kobakhia K.D.
Features of Socio-Political Processes In Abkhazia (Abkhaz ASSR)
in the 1930–1940s 158

Odinaev A.N.
Iskanderkul Expedition of 1870: Contribution of the Russian Orientalist A.L.Kuhn
to the Preparation and Editing of the «Diary of the Iskanderkul Expedition»
by A.Mustajir 173

Poghosyan V.A.
The Impact of the Cold War on the Afghan society..... 187

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Academician of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-chief of the journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Первый выпуск нашего журнала в 2024 году содержит, кроме собственных научных исследований наших авторов, материалы исследований Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК, издателя журнала «Россия и мир: научный диалог»). Эти материалы отражают результаты ежегодного мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран и результаты исследований участников программы международной академической мобильности, которую ежегодно организует НИИРК для молодых ученых зарубежных стран.

Наши публикации открывает статья В.В.Комлевой, руководителя мониторинга коммуникационных режимов. Автор представляет общий рейтинг постсоветских стран по итогам 2023 года и акцентирует внимание на динамике дружественности коммуникационных режимов в странах Южного Кавказа. Статья содержит количественные показатели и качественные характеристики профилей дружественности Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Южной Осетии и основные выводы относительно их отношений с Россией. Автор аргументирует усиление формирования общего коммуникационного пространства с Россией у Южной Осетии и Абхазии; усиление прагматичного подхода и повышение роли экономического фактора коммуникаций с Россией в Азербайджане и Грузии; попытки политической элиты Армении сформировать недружественную позицию страны в условиях отсутствия глубокой антироссийской позиции в сознании армянского общества.

Анализ проблематики коммуникационных режимов продолжается в статье Н.А.Скворцовой и Д.А.Абазова. Авторы рассматривают факторы развития отношений России и Грузии, отмечая ряд особенностей коммуникационного режима Грузии в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений и неразрешенных противоречий вокруг Южной Осетии и Абхазии. Авторы раскрывают основные вызовы и угрозы в коммуникациях двух стран, латентные проблемы коммуникационного режима Грузии, обращают

EDITOR-IN-CHIEF FORWARD

Dear readers!

The first issue of our journal in 2024 contains our authors' own scientific research, as well as research materials from the National Research Institute for the Communications Development (NIIRK, publisher of the journal "Russia&World: Scientific Dialogue"). These materials reflect the results of the annual monitoring of communication regimes in post-Soviet countries and the results of research by participants of the international academic mobility program, which is annually organized by NIIRK for young scientists from foreign countries.

The issue opens with an article by V.V.Komleva, the Head of Monitoring communication regimes. The author analyzes the overall rating of post-Soviet countries based on the results of 2023 and focuses attention on the dynamics of friendliness of communication regimes in the countries of the South Caucasus. The article contains quantitative indicators and qualitative characteristics of the friendliness profiles of Abkhazia, Azerbaijan, Armenia, Georgia, South Ossetia, on the basis of which conclusions are drawn about their relations with Russia. The author shows that a common communication space with Russia is being formed in South Ossetia and Abkhazia; the pragmatic approach is being strengthened and the role of the economic factor in communications with Russia in Azerbaijan and Georgia is increasing; there are attempts by the political elite of Armenia to form an unfriendly position for the country in the absence of a deep anti-Russian position in the consciousness of the Armenian society.

The analysis of the problems of communication modes continues in the article by N.A.Skvortsova and D.A.Abazova. The authors examine factors in the development of relations between Russia and Georgia, noting a number of features of Georgia's communication regime in the absence of official diplomatic relations and in the situation of contradictions around South Ossetia and Abkhazia. The authors show the main challenges and threats to communication between the

two countries, latent problems of the communication regime of Georgia, draw attention to the polarization of the country's political forces and the increasing role of extra-regional actors influencing the Georgian political discourse regarding Russia.

The potential of Russian-Georgian cooperation became the subject of an expert discussion held by NIIRK. The most interesting materials are presented in the collective article by N.Sh.Tsikhelashvili, G.V.Gikashvili, A.T.Sikharulidze, A.A.Khotivirshvili, G.Tsopurashvili, G.Rtskhiladze. As factors contributing to the development of friendly communications, the authors consider the deep spiritual ties between Georgians and Russians, the historical and cultural conditionality of Russian-Georgian relations. At the same time, the authors of the article note that under the influence of Western ideologies, a large part of modern Georgian youth have no idea about the commonality of the Russian and Georgian peoples. The article contains a number of proposals for the development of civil and business communications between Georgia and Russia.

Issues of development of a joint South Ossetia and Russia communication space are discussed in the article by A.L.Gagieva and V.V.Komleva. On the example of cooperation in the education sphere, the role of Russia in strengthening the human potential of South Ossetia is shown, problems which solution is necessary for the innovative development of the country are discussed. The authors believe that international educational and scientific communications are one of the tools for expanding international communications for South Ossetia.

In the process of monitoring the communication regime of the Republic of Azerbaijan, an article by D.S.Ayvazyan was prepared, devoted to the analysis of the country's foreign policy communications. Considering the main foreign policy partners of Azerbaijan (Russia, Turkey, Iran, USA, and European Union), the author comes to the conclusion that Azerbaijan's foreign policy towards Russia is economically pragmatic. The country is interested in regional transport communications and intensifying economic cooperation with its closest neighbors. The author noted that in the field of security and military-political cooperation, relations with the Republic of Turkey are deepening. The formation of a common political space with Turkey is supported by the ideology of brotherhood and unity of the cultural and civilizational basis.

Let us note that almost all post-Soviet countries use this technique to justify their foreign policy. From these positions, the articles of a member of the editorial board of our journal V.K.Egorov and the Belarusian author P.A.Barakhvostov are very interesting. In search of deep, spiritual, cultural foundations for the transformation of social reality, in understanding the role and meaning of reproducing archetypes, scientists turn to civilizational theories, concepts of actualizing archaism.

V.K.Egorov examines the dominant approaches to understanding the phenomenon of actualization of the archaic in Russian humanitarian studies. He

в отечественной гуманитаристике. Критический авторский анализ касается концепций, концентрирующихся на поиске «точек отсчета», универсальных ключевых факторов, определяющих тенденции развития стран, народов, цивилизаций; концепций, рассматривающих актуализацию архаики как часть актуализации культурно-исторического, культурно-национального наследия народов с учетом своеобразия их культурно-цивилизационного развития. В рамках этих подходов осмысливается модернизация ценностей культурного наследия, включая архаику, в политике, экономике, социальной сфере, и влияние на эти процессы этноконфессиональных и цивилизационных особенностей, характерных для различных регионов мира. Особый интерес представляют авторские размышления о наиболее перспективных путях развития рассматриваемых явлений.

П.А.Баракхвостов акцентирует внимание на цивилизационных различиях Востока и Запада, внимание к которым активизировалось на фоне геополитических трансформаций последних десятилетий. Один из подходов, объясняющих эти различия, апеллирует к расколу христианской церкви на римско-католическую и православную. Автор полемизирует с представителями подхода, согласно которому религия вычленяется из социальной системы и анализируется как первичный фактор, запускающий выделение цивилизации. Автор предлагает рассматривать возникновение новой цивилизации с позиций институционального подхода, «как процесс формирования сложной институциональной структуры, состоящей из комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе религии». На примере раскола единого христианского мира автор рассматривает этот процесс, используя институциональный и матричный подходы. Он аргументирует необходимость как укрепления доминантных институтов в институциональном ядре, так и создания балансирующих (комплементарных институтов) для устойчивого развития цивилизации.

Как уже было сказано, в этом выпуске журнала мы представляем ряд статей, подготовленных в рамках программы международной академической мобильности НИИРК. Находясь в Москве, участники программы смогли поработать с ведущими российскими исследователями в научных институтах РАН, МГУ, Дипломатической академии МИД.

В статье участника программы из Армении А.А.Карапетыан рассматриваются особенности онлайн и/или офлайн коммуникационных предпочтений, причины выбора социальных сетей, мотивация онлайн-коммуникаций. Статья содержит материалы авторского социологического опроса армянских пользователей социальных сетей. Другой участник программы академической мобильности из Армении В.А.Погосян провел исследование влияния холодной войны на состояние афганского общества. В представленной статье автор заключает, что холодная война сверхдержав оказала прямое влияние на внутривнутриполитическое развитие Афганистана. Внутривнутриполитическое

critically analyzes concepts that focus on the search for universal key factors that determine the development trends of countries, peoples, and civilizations; concepts that consider the actualization of the archaic as part of the actualization of the cultural-historical, cultural-national heritage of peoples, taking into account the uniqueness of their cultural and civilizational development. Within the framework of these approaches, the modernization of cultural heritage values, including archaics, in politics, economics, and the social sphere; and the ethno-confessional and civilizational characteristics of different regions of the world that influence on these processes are comprehended. Of particular interest are the author's reflections on the most promising ways of developing the phenomena under consideration.

P.A.Barakhvostov focuses on the civilizational differences between East and West, interest in which has intensified against the backdrop of geopolitical transformations in recent decades. One of explanations for these differences appeals to the split of the Christian Church into Roman Catholic and Orthodox. The author argues with representatives of this point of view, according to which religion is isolated from the social system and analyzed as the primary factor that triggers the formation of a type of civilization. The author proposes to consider the emergence of a new civilization from the perspective of an institutional approach, "as a process of formation of a complex institutional structure consisting of a complex of interconnected and interdependent economic, political, socio-cultural institutions, including religion." Using the example of a split in the united Christian world, the author examines this process using institutional and matrix approaches. He argues for both the need to strengthen dominant institutions in the institutional core and the creation of balancers (complementary institutions) for the sustainable development of civilization.

As already mentioned, in this issue of the journal we present a number of articles prepared within the framework of the NIIRK international academic mobility program. While in Moscow, program participants were able to work at scientific institutes of the Russian Academy of Sciences, Moscow State University, and the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs with leading Russian researchers.

In an article by program participant from Armenia A.A.Karapetyan discusses the features of online and/or offline communication preferences, reasons for choosing social networks, motivation for online communications. The article contains materials from the author's sociological survey of Armenian users of social networks. Another participant in the academic mobility program from Armenia V.A.Poghosyan conducted a study of the influence of the Cold War on the state of Afghan society. In the presented article, the author concludes that the "Cold War" of the superpowers had a direct impact on the internal political development of Afghanistan. The internal political unity of Afghan society did not develop, since the Afghan elite was unable to form an ideology of national unity,

единство афганского общества не было обеспечено, так как афганская элита не смогла сформировать идеологию, выражающую национальное единство, а отдельные ее части предпочли служить интересам того или иного игрока, не поддерживая общенациональные интересы Афганистана.

Молодой абхазский исследователь К.Д.Кобахия сконцентрировалась на сложной проблематике влияния сталинских репрессий на общественно-политические процессы в Абхазии (Абхазской АССР) в 1930–40-е годы. В статье рассматриваются состояние политической и культурной элиты Абхазии, изменения этнического состава населения, грузино-абхазские взаимодействия в указанный период.

Историческое исследование было представлено и участником программы мобильности из Таджикистана А.Н.Одинаевым. Его статья посвящена анализу Искандеркульской экспедиции 1870 года и ключевой роли востоковеда А.Л.Куна в подготовке «Дневника Искандеркульской экспедиции» мирзы муллы 'Абд ар-Рахмана, сына Мухаммада Латифа Мустаджира. Искандеркульская экспедиция и «Дневник» А.Мустаджира представляют собой значимые источники для исследования истории, этнографии, духовной культуры и социально-экономических аспектов верховий Зарафшана во второй половине XIX в. Автор подчеркивает актуальность сотрудничества между российскими и таджикскими исследователями для изучения и сохранения культурного наследия Средней Азии.

Уважаемые читатели, надеемся, что материалы нашего журнала будут интересны и полезны для вас. Следуя миссии журнала, мы продолжаем публиковать совместные исследования российских и зарубежных авторов и приглашаем вас и ваших коллег поделиться результатами таких исследований на страницах нашего журнала.

С уважением,
Академик РАН Виталий Наумкин

and some of its parts preferred to serve the interests of one or another player without supporting the national interests of Afghanistan.

Young Abkhaz researcher K.D.Kobakhia focused on the complex issue of the influence of Stalin's repressions on socio-political processes in Abkhazia (Abkhazian Autonomous Soviet Socialist Republic) in the 1930s–1940s. The article examines the state of the political and cultural elite of Abkhazia, changes in the ethnic composition of the population, Georgian-Abkhaz interaction during this period.

Historical research was also presented by A.N.Odinaev, a participant in the mobility program from Tajikistan. His article is devoted to the analysis of the Iskanderkul expedition of 1870 and the key role of the orientalist A.L.Kun in the preparation of the "Diary of the Iskanderkul Expedition" by Mirza Mullah Abd ar-Ra Haman, son of Muhammad Latif Mustajir. The Iskanderkul expedition and A.Mustajir's "Diary" are significant sources for the study of history, ethnography, spiritual culture and socio-economic aspects of the upper reaches of Zarafshan in the second half of the 19th century. The author emphasizes the relevance of cooperation between Russian and Tajik researchers for the study and preservation of the cultural heritage of Central Asia.

Dear readers!

The editorial board of the journal hopes that the materials of the issue will arouse your interest and that you yourself will become one of our authors in the future. Following the mission of the journal, we continue to publish joint research by Russian and foreign authors and invite you and your colleagues to share the results of such research on the pages of our journal.

Sincerely,
Academician of the Russian Academy of
Sciences
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

...В странах, движущихся в сторону недружественности, негативизация России и русских иницируется не населением, а правящей политической элитой. Политические решения детерминированы корпоративными и личными интересами, пристрастиями и представлениями элит об «идеальном типе» политического развития страны.

Комлева В.В.

Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа

В контексте Грузии следует подчеркнуть, что коммуникационный режим в стране... подвергается существенному воздействию внешних центров управления, стремящихся глобализировать сферу коммуникаций и преодолеть национальные границы в этом измерении.

Скворцова Н.А., Абазов Д.А.

Коммуникационный режим Грузии: диалог в условиях разорванных дипломатических отношений

...Повесткой дня регулярных внешнеполитических переговоров России и Азербайджана на двустороннем уровне и в многостороннем формате выступают: разграничение морских границ и нефтегазовых ресурсов Каспийского моря, экономическая деятельность на Каспийском море; урегулирование конфликта вокруг статуса Нагорного Карабаха.

Айвазян Д.С.

Внешнелитературные векторы Азербайджанской Республики

Сфера образования является показательной для многих других направлений как пример успешного развития интеграционных процессов между Южной Осетией и Россией.

Гагиева А.Л., Комлева В.В.

Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 355.451

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37)

Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа

Валентина Вячеславовна Комлева✉

Национальный исследовательский институт развития

коммуникаций, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Аннотация. В статье представлен Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран за 2023 г. Автор акцентирует внимание на странах Южного Кавказа, показывает тенденции развития коммуникационных режимов, степень их дружелюбности в отношении России. Коммуникационный режим определяется как система правил, норм, условий и возможностей коммуникации государственных и негосударственных акторов. Для определения дружелюбности анализируются правовые, политические, социокультурные условия развития 12 видов межстрановых коммуникаций. Аргументируется усиление формирования общего коммуникационного пространства с Россией у Южной Осетии и Абхазии. В Азербайджане и Грузии фиксируется усиление прагматичного подхода к развитию коммуникаций с Россией и усиление роли экономического фактора. На примере Армении показывается, как политическая элита усиливает движение в сторону недружелюбности в условиях, когда в сознании армянского общества отсутствует глубинная антироссийская позиция. Автором составлены профили дружелюбности коммуникационных режимов для каждой страны и раскрываются их особенности. В статье используются материалы ежегодного мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. Мониторинг проводится Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва) под руководством автора данной статьи.

Ключевые слова: коммуникационный режим, дружественные страны, рейтинг дружелюбности, Южный Кавказ, российско-грузинские отношения, российско-азербайджанские отношения, российско-армянские отношения, Абхазия, Южная Осетия, международные коммуникации, международное сотрудничество

Для цитирования: Комлева В.В. Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 20-37, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37)

Political Sciences

Dynamics of Friendliness of Communication Regimes in the South Caucasus Countries

Valentina V. Komleva✉

National Research Institute for the Communications Development,
Moscow, Russia

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984.ru>

Abstract. The article presents a Rating of the friendliness of the communication regimes of post-Soviet countries for 2023. The author focuses on the countries of the South Caucasus, shows the trends in the development of communication regimes, the degree of their friendliness towards Russia. The communication regime is defined as a system of rules, norms, conditions and opportunities for communication between state and non-state actors. To determine friendliness, the legal, political, and socio-cultural conditions for the development of 12 types of cross-country communications are analyzed. The strengthening of the formation of a common communication space with Russia in South Ossetia and Abkhazia is argued. In Azerbaijan and Georgia, the strengthening of a pragmatic approach to the development of communications with Russia and the strengthening of the role of the economic factor are being recorded. The example of Armenia shows how the political elite strengthen the movement towards unfriendliness in conditions when there is no deep anti-Russian position in the consciousness of the Armenian society. The author has compiled profiles of the friendliness of communication regimes for each country and reveals their features. The article uses the materials of the annual monitoring of the communication regimes of post-Soviet countries. Monitoring is provided by the National Research Institute for the Communications Development (Moscow) under the guidance of the author of this article.

Keywords: communication regime, friendly countries, friendship rating, South Caucasus, Russian-Georgian relations, Russian-Azerbaijani relations, Russian-Armenian relations, Abkhazia, South Ossetia, international communications, international cooperation

For citation: Komleva V.V. Dynamics of Friendliness of Communication Regimes in the South Caucasus Countries. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 1(11): 20-37, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-20-37](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37)

Введение

В условиях развития информационного общества, цифровизации общественно-политических процессов, информационных и когнитивных войн анализ и прогнозирование динамики норм и правил коммуникации внутри страны и с другими странами становится критически значимым для принятия управленческих решений, и прежде всего внешнеполитических. Концепция коммуникационных режимов была разработана в Национальном исследовательском институте развития коммуникаций (НИИРК) как новый подход для анализа и прогнозирования внутривостановых и межстрановых коммуникаций. С 2020 г. НИИРК опубликовал ряд научных статей [4, 7–9], провел пилотный мониторинг, серию научных дискуссий, представил аналитические доклады.

Коммуникационный режим рассматривается как система норм, правил, условий и возможностей для межстрановых коммуникаций государственных и негосударственных акторов. Мониторинг дружелюбности коммуникационного режима предполагает анализ правовых, политических, организационных и иных возможностей и условий коммуникаций с Россией, содержания информации, общественного и политического дискурса в отношении России.

Дружелюбность коммуникационного режима выражается в наличии правовых, политических и социокультурных условий для неконфликтного развития разного вида межстрановых коммуникаций, для свободного и справедливого обмена информацией государственных и негосударственных акторов. Дружелюбность предполагает преимущественно взаимно благожелательные отношения стран, основанные на взаимном уважении, принципах дружбы и добрососедства, взаимных интересах и ценностях мирного сосуществования в многополярном мире.

В 2021 г. НИИРК провел первый мониторинг коммуникационных режимов в 14 постсоветских странах и опубликовал Первый Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов. В 2022 г. НИИРК провел второй мониторинг и составил Второй Рейтинг дружелюбности. В 2023 г. НИИРК расширил выборку стран и включил в мониторинг частично признанные государства: Республику Абхазия, Республику Южная Осетия. Дополнительно был проанализирован особый тип коммуникационного режима в Приднестровье. Кроме того, в 2023 г. был расширен перечень показателей для оценки дружелюбности коммуникационных режимов стран.

Учитывая, что этот выпуск журнала «Россия и мир: научный диалог» посвящен странам Южного Кавказа, в данной статье представлены результаты мониторинга в Абхазии, Азербайджане, Армении, Грузии, Южной Осетии.

Материалы и методы

В процессе подготовки статьи были использованы материалы мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран, проводимого под руководством автора данной публикации. Методика мониторинга описана в отчетных материалах НИИРК [10]. Анализ и оценке подвергались 12 групп коммуникаций по 74 показателям. Анализировались внешнеполитические, экономические, межрегиональные, образовательные, научные, культурные, молодежные, религиозные и межрелигиозные коммуникации, медиакоммуникации, коммуникации НКО, отношение к Российской Федерации, россиянам, этническим русским внутри исследуемых стран, особенности визового режима и иностранного гражданства.

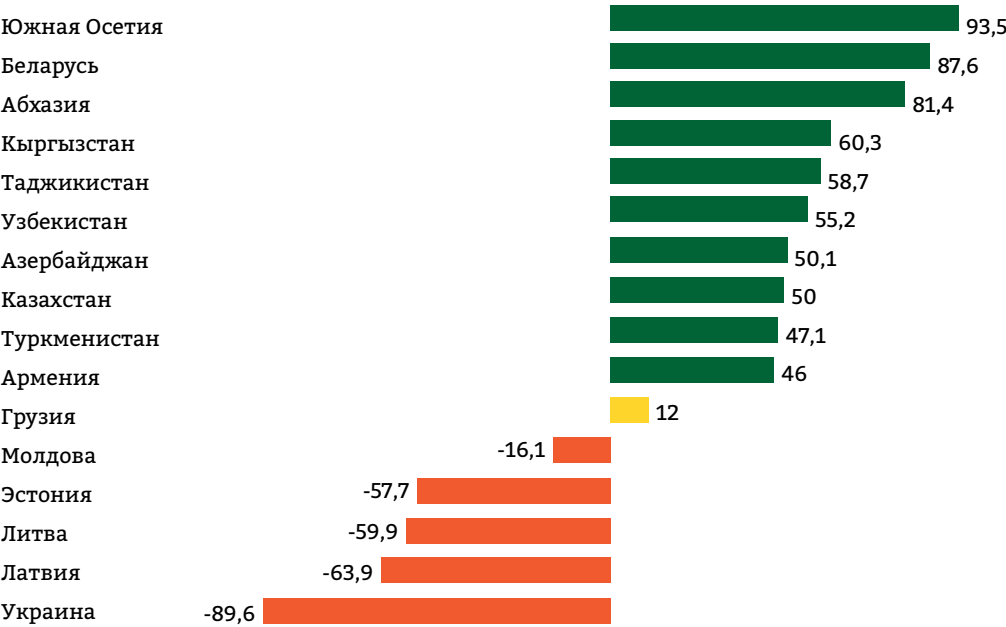
Эмпирическую базу составили: нормативно-правовые акты, государственные стратегические документы, выступления, заявления глав государств, актуальные практики (решения и действия) участников коммуникаций; воспроизводящиеся в современных условиях традиции, обычаи, привычные паттерны и нарративы, материалы страновых массмедиа, социальных сетей; статистические данные, результаты социологических опросов, экспертных интервью. Основными методами были анализ документов, контент-анализ, ивент-анализ, опрос экспертов. Нами были проанализированы сотни государственных документов, десятки выступлений государственных лиц и опрошено 225 зарубежных экспертов, 50 российских экспертов, 78 участников научных дискуссий, проведенных НИИРК. Материалы научных дискуссий были использованы при подготовке данной статьи. В частности, материалы, касающиеся стран Южного Кавказа [2, 5, 13].

Результаты исследования

По результатам мониторинга 2023 г. 10 постсоветских стран вошли в группу дружелюбных коммуникационных режимов, в том числе Южная Осетия (первое место в Рейтинге дружелюбности), Абхазия (третье место), Азербайджан (девятое место), Армения (десятое место). В группу недружелюбных коммуникационных режимов не вошло ни одно государство Южного Кавказа, хотя по показателям внешнеполитических коммуникаций максимально приближена к этой группе Грузия. Однако Грузия была оценена как относительно дружелюбное / недружелюбное государство.

Общий Рейтинг дружелюбности по итогам мониторинга представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Количественные показатели Рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран по итогам 2023 г. (в баллах от +100 баллов («максимально дружелюбный») до -100 («максимально недружелюбный»)
Figure 1. Quantitative indicators of the Rating of friendliness of communication regimes of post-Soviet countries by the end of 2023 (in points from +100 points (the most friendly) to -100 (the most non-friendly))

Динамика дружелюбности / недружелюбности представлена за 2022 и 2023 гг. (показана в таблице 1).

Итоги мониторинга в 2023 г. показали, что в дружественных странах Россия рассматривается как союзник и партнер. В Южной Осетии и Абхазии Россия безоговорочно рассматривается как стратегический союзник. Среди других стран Южного Кавказа – преимущественно как партнер.

Грузия во внешнеполитическом плане продолжает рассматривать Россию как угрозу. Возросла недружелюбность Армении. Армения (как и Молдова) в 2023 г. были показательны как примеры раскола позиции общества и позиции власти (население в большинстве своем продолжает выступать за сохранение дружеских отношений с Россией). Власть, понимая это, усилила цензуру медиаконтента, ограничила возможности работы информационных каналов с альтернативной информацией, увеличила число провластных медиа и попыталась внедрить в общественное сознание антироссийские нарративы и стереотипы. По сути, в 2023 г. в Армении мы наблюдали уже не информационную, а когнитивную войну с собственным населением.

Таблица 1. Динамика дружелюбности коммуникационных режимов
Table 1. Dynamics of friendliness of communication modes

Место	Страна	2023 год Рейтинговый балл (маx 100)	2022 год Рейтинговый балл (маx 100). В скобках – место в рейтинге	Динамика
Дружественные коммуникационные режимы				
1.	Южная Осетия	93,5	-	
2.	Беларусь	87,6	88,4 (1)	≈
3.	Абхазия	81,4	-	
4.	Кыргызстан	60,3	60,6 (2)	≈
5.	Таджикистан	58,7	57,9 (6)	≈
6.	Узбекистан	55,2	59,3 (3)	≈
7.	Азербайджан	50,1	57,0 (7)	↓
8.	Казахстан	50	58,4 (4)	↓
9.	Туркменистан	47,1	47,1 (8)	=
10.	Армения	46	58,3 (5)	↓
Относительно дружелюбные/недружелюбные коммуникационные режимы				
11.	Грузия	12	24,2 (9)	↓
Недружелюбные коммуникационные режимы				
12.	Молдова	-16,1	8,3 (10)	↓
13.	Эстония	-57,7	-51,8 (13)	↓
14.	Литва	-59,9	-49,0 (12)	↓
15.	Латвия	-63,9	-45,8 (11)	↓
16.	Украина	-89,6	-83,6 (14)	↓

Далее мы подробнее рассмотрим профили дружелюбности коммуникационных режимов в каждой стране и дадим краткое резюме. Детальное описание по каждой стране представлено в полном отчете НИИРК о результатах мониторинга 2023 г. (отчет размещен на сайте nicrus.ru).

Профиль дружелюбности коммуникационного режима Республики Южная Осетия

Республика Южная Осетия в 2023 г. впервые участвовала в мониторинге дружелюбности коммуникационных режимов. Страна заняла первое место в Рейтинге (93,5 балла из 100 возможных). На изображении профиля дружелюбности видно, что по всем группам коммуникаций оценки Южной Осетии приближены к максимальным значениям.

Рисунок 2. Профиль дружелюбности коммуникационного режима Южной Осетии (в баллах)
Figure 2. The profile of the friendliness of the communication regime of South Ossetia (in points)

Коммуникационный режим Южной Осетии является наиболее дружелюбным из всех постсоветских стран. Нормы, правила коммуникаций во многом синхронизированы с российскими подходами и развиваются в направлении формирования единого информационного, социально-экономического, культурно-исторического пространства, на основе взаимной внешнеполитической поддержки и союзнических отношений. Южная Осетия приняла решение направить добровольцев в зону боевых действий СВО и оказывает России всестороннюю поддержку.

Накопленный опыт становления своей государственности, правовая и материальная база, созданная в сотрудничестве с Россией, дают возможность ставить новые задачи: развитие внутренних ресурсов, выгодное использование геоэкономического потенциала, активизация человеческого капитала Южной Осетии для повышения эффективности использования потенциала страны. Инструментами входа в широкий круг международных коммуникаций являются образовательные и научные коммуникации Южной Осетии, но для полноценного использования этих инструментов

требуется качественное улучшение базы и кадрового потенциала научных и образовательных учреждений страны.

Анализ выступлений политических лидеров, анализ проектов и планов развития страны позволяет прогнозировать в 2024 г. усиление развития единого общественно-политического и социально-экономического пространства Южной Осетии и России, усиление сотрудничества в рамках Союзного государства России и Беларуси и других межгосударственных форматов с участием России.

Профиль дружелюбности коммуникационного режима Республики Абхазия

Республика Абхазия, как и Южная Осетия, в 2023 г. впервые участвовала в мониторинге дружелюбности коммуникационных режимов и заняла третье место (81,4 балла из 100 возможных). Практически по всем группам коммуникаций оценки Абхазии приближены к максимальным значениям.

Рисунок 3. Профиль дружелюбности коммуникационного режима Абхазии (в баллах)
Figure 3. The profile of the friendliness of the communication regime of Abkhazia (in points)

Нормы и правила коммуникаций, сложившихся в Абхазии, во многом схожи с российскими и способствуют формированию общего экономического, информационного, гуманитарного, политического пространств Абхазии и России. Будучи одной из стран Черноморского региона, Абхазия хотела бы более выгодно использовать этот потенциал и выстроить отношения не только с Турцией, но и с черноморскими странами ЕС. Периодически возвращаясь к этой идее, Абхазия наталкивается на неизменную позицию непризнания со стороны стран ЕС. ЕС считает Абхазию «оккупированной территорией», как и Южную Осетию, что создает угрозу внешней экспансии на территории этих стран. Переговоры в рамках Женевских дискуссий не приносят желаемых результатов. Расширение спектра международных коммуникаций Абхазии возможно в рамках научных и образовательных международных проектов, но для этого требуется укрепление материальной базы и кадрового потенциала научных и образовательных учреждений страны.

Контент-анализ заявлений и внешнеполитических документов Абхазии в 2023 г. показал усиление антизападной риторики. Изменения коммуникационного режима в 2023 г. касались усиления контроля за НКО с иностранным финансированием, расширения спектра русскоязычных медиаресурсов (портал «Абхазия.рф», газета «Вестник Абхазии»), увеличения возможностей для российско-абхазских молодежных коммуникаций. В 2024 г. высока вероятность большей интеграции с Россией и большей включенности во взаимодействия в рамках Союзного государства России и Беларуси и других межгосударственных форматов с участием России.

Профиль дружелюбности коммуникационного режима Азербайджанской Республики

Азербайджанская Республика заняла седьмое место (50,1 балла из 100 возможных) в Рейтинге дружелюбности коммуникационных режимов. Визуализация профиля дружелюбности на рисунке 4 наглядно демонстрирует, для каких групп коммуникаций в стране созданы наиболее благоприятные условия. Это экономические, межрегиональные, религиозные, молодежные коммуникации. Свобода передвижения в целом оценена высоко, хотя были случаи ограничения на въезд некоторых лиц армянской национальности.

Анализ ситуации в 2023 г. показал, что коммуникационный режим Азербайджана в большей степени синхронизирован с Турцией, чем с Россией. Сравнение проектов и программ сотрудничества Азербайджана с этими странами показывает сугубо прагматичную политику Азербайджана и стратегические союзные отношения с Турцией. Отношение к России, к русским в 2023 г. колебалось и в ряде случаев было детерминировано событиями в Нагорном Карабахе.

Внешнеполитические коммуникации были наиболее динамичными и противоречивыми. Режим внешнеполитических коммуникаций Азербайджана начал меняться исходя из новой ситуации на Южном Кавказе. Коммуникации культурного, образовательного, информационного характера в 2023 г. продолжили выстраиваться

Рисунок 4. Профиль дружелюбности коммуникационного режима
Азербайджана (в баллах)
Figure 4. The friendliness profile of Azerbaijan's communication regime (in points)

на основе четкого понимания Азербайджаном своего места и роли в цивилизационном стратегическом партнерстве с Турцией, странами региона и странами тюркского мира. Высока вероятность того, что режимные изменения в 2024 г. коснутся именно этих сфер коммуникации.

Профиль дружелюбности коммуникационного режима Республики Армения

Республика Армения заняла десятое место (46 баллов из 100 возможных) в Рейтинге дружелюбности коммуникационных режимов. Коммуникационный режим Армении показал наибольшую динамичность из всех постсоветских стран. С пятого места в 2022 г. страна переместилась на десятое место в 2023 г., усилив недружелюбность в области внешнеполитических коммуникаций с Россией.

По результатам мониторинга 2022 г. Армения была отнесена к дружелюбным, но флуктуирующим режимам. Мы прогнозировали движение страны в сторону не-

Рисунок 5. Профиль дружелюбности коммуникационного режима Армении (в баллах)
Figure 5. The friendliness profile of Armenia's communication regime (in points)

дружелюбности, при этом отмечалось отсутствие глубинной «анти-России» в сознании армянского общества. В 2023 г. прогнозы подтвердились.

Анализ документационной базы и практики коммуникаций показал, что в 2023 г. появились случаи ограничения возможностей сотрудничества по линии СМИ, НКО, культурных коммуникаций. Усилился контроль за международными коммуникациями вузов Армении. Были отмечены ситуативные всплески антироссийских настроений в связи с войной в Нагорном Карабахе. Но глубинных негативных, антироссийских настроений в армянском обществе не выявлено.

Тем не менее Армения в 2023 г. стала ярким примером того, как правящая элита, используя властный ресурс, может изменять режим коммуникаций даже вопреки общественной позиции. Речь идет о введении новых правил режима коммуникации: блокирование в рейтинговых СМИ информации, не соответствующей позиции правительства; ограничение работы российских СМИ при публикации альтернативной точки зрения; ограничение на въезд в страну лидеров общественного мнения из России; усиление обвинений России в проблемах Армении, реально возникших

из-за ошибок и просчетов самой армянской власти. Условия и возможности для коммуникаций с Россией менялись исходя из узкокорпоративных представлений элит об идеале этих коммуникаций. В то же время армянское общество показало, может ли оно быстро изменять свое мнение под влиянием массированных информационных атак.

В ходе мониторинга было выявлено, что для Армении характерно несколько расколов: 1) раскол общества и элиты при оценке правильности выбранных внешнеполитических приоритетов; 2) раскол внутри общества по отношению к России и к решениям армянской власти; 3) раскол бизнеса при оценке экономических выгод от выбранных внешнеполитических приоритетов; 4) раскол внутри «силовиков», а также раскол «силовиков» и политической элиты при оценке реальной способности (и желания) новых внешнеполитических партнеров обеспечить безопасность Армении. Высока вероятность, что именно эти расколы будут способствовать сохранению в 2024 г. противоречивости и непоследовательности коммуникационного режима Армении.

Профиль дружелюбности коммуникационного режима Грузии

Грузия заняла одиннадцатое место (12 баллов из 100 возможных) в Рейтинге дружелюбности коммуникационных режимов. Второй год подряд режим коммуникации Грузии демонстрирует двойственность и полностью не может быть отнесен ни к недружелюбным, ни к дружелюбным.

С одной стороны, страна может быть отнесена к недружелюбным, так как существенно ограничены все виды коммуникаций по причине разрыва дипломатических отношений с Россией. Грузия остается приверженцем евроинтеграции, ориентируется на НАТО и осуждает внешнюю и внутреннюю политику России. Антироссийская риторика Грузии на международных площадках в 2023 г. только усилилась.

С другой стороны, в 2023 г. продолжили развиваться торгово-экономические отношения с Россией (несмотря на рекомендации Запада уменьшить «зависимость» грузинской экономики от России), обсуждаются транспортно-логистические проекты. Не запрещены диаспоральные контакты, религиозные коммуникации, появились культурные проекты. Часть грузинской молодежи заинтересована в участии в российских молодежных проектах и получает образование в российских вузах. В этой связи Грузия балансирует между недружелюбными и дружелюбными коммуникационными режимами и в полной мере не относится ни к первым, ни ко вторым.

Как видно на рисунке 6, в минусовом поле находятся внешнеполитические коммуникации, недостаточно благоприятных условий для развития медиакоммуникаций, коммуникаций НКО. Вместе с тем режим экономических и гражданских коммуникаций улучшился благодаря увеличению торгового оборота, сотрудничеству бизнес-миссий, открытию авиасообщения и др. Внутри грузинской политической

Рисунок 6. Профиль дружелюбности коммуникационного режима Грузии (в баллах)**Figure 6.** The friendliness profile of Georgia's communication regime (in points)

элиты и бизнеса наблюдается раскол в оценках политической и экономической целесообразности отношений с Россией. В этой связи выборы в Грузии 2024 г. приобретают особое значение для динамики режима коммуникаций государственных и негосударственных акторов России и Грузии.

Обсуждение результатов

Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа частично отражает динамику всех постсоветских стран, но и имеет свою специфику. Эта специфика, не раз обозначаемая в исследованиях 2023 г., связана с «междержавной конкуренцией» [11], нарушением баланса в регионе [1, 6, 12], рядом территориальных споров и конфликтов. Все это снижает возможности выработки взаимно приемлемых правил межстрановых коммуникаций. В отношении России

сформирован ряд особых общественных ожиданий относительно ее роли в обеспечении региональной безопасности и ее экономической роли для стран региона Южного Кавказа. С учетом этих особенностей формируются коммуникационные режимы и выстраиваются коммуникации государственных и негосударственных акторов.

Среди общих тенденций развития коммуникационных режимов, характерных для всех стран постсоветского пространства (с разной степенью глубины и интенсивности), отметим следующие.

Во-первых, все более очевидно проявляются особенности мировоззрения новых поколений граждан и элит. У них не было опыта жизни в СССР, у них ограниченные и политизированные знания о вкладе Российской империи и СССР в развитие их стран, минимизированная информация о взаимном обмене разных культур и религий у советского народа и стереотипное (основанное преимущественно на знаниях из СМИ, от представителей диаспор и мигрантов) понимание современной России. Политическая элита этих стран, приходящая на смену старой, является представителями этого же поколения. Она не участвовала в формировании постсоветской модели отношений в 1990-е гг., не несет ответственности за ранее достигнутые договоренности и в ряде случаев пересматривает их, оставляя свой «след в истории». 2023 г. стал весьма показательным в этом отношении. Противоречивость и непоследовательность политических решений в ряде стран, многовекторность, граничащая с растерянностью, во многом обусловлены разным мировоззрением поколений, новой и старой элиты.

Во-вторых, выявлен рост конкуренции культурно-цивилизационных миров. Все страны Южного Кавказа продолжают сохранять элементы русской цивилизации и советского прошлого (с большей или меньшей долей присутствия). Однако анализ их государственных политик в отношении культурно-языковой среды, религии и исторической памяти показывает тенденции к интеграциям в форматах: 1) русской цивилизации (Южная Осетия, Абхазия); 2) тюркской цивилизации (Азербайджан); 3) западной цивилизации (Грузия, частично Армения). Схожая ситуация возникала и в странах Центральной Азии [7]. Проявляется она со своей спецификой и в странах Восточной Европы.

В-третьих, подтвердилось усиление роли медиа в легитимационных практиках политических субъектов, усиление медиаопосредованности общественных отношений (в том числе и политических). Возрастает роль медиа в формировании представлений о реальности. По сути, речь идет об особом типе коллективной памяти – медиа-памяти. Наиболее ярким примером стали события в Нагорном Карабахе и по-разному преподнесенная позиция России в медиа Армении, Азербайджана, самой России и в медиа других стран. С теоретической точки зрения концепт медиапамяти, разрабатываемый в исследованиях Д.С.Артамонова [3], весьма интересен для дальнейшего анализа и прогнозирования дружелюбности коммуникационных режимов.

В-четвертых, очевиден рост значения экономических коммуникаций. Отношения постсоветских стран становятся более прагматичными и рациональными, особенно в условиях дефицита ресурсов и инвестиций, ограничений доступа к рын-

кам других стран. Экономические проекты и планы сотрудничества усилили в ряде стран связи с Россией, закрепили позиции России как экономического партнера. По мнению зарубежных экспертов (из исследуемых стран), в ближайшее время именно экономические коммуникации будут определять внешнеполитические векторы постсоветских стран. Вероятно, это будет характерно даже для стран, ориентированных на враждебные для России военно-политические блоки.

Выводы

Коммуникационные режимы стран Южного Кавказа в 2023 г. продемонстрировали широкий спектр уровней дружелюбности. Очевидны формирование единого пространства коммуникаций России с Южной Осетией и Абхазией, прагматизация режима коммуникаций со стороны Азербайджана и Грузии, снижение уровня дружелюбности и рост иррациональных, элитоориентированных решений в Армении (для которой в 2023 г. была характерна ситуативная, эмоциональная, корпоративная доминанта политических решений при крайне слабом учете объективных фактов).

Сравнение результатов мониторингов коммуникационных режимов (2021–2023 гг.) в странах, движущихся в сторону недружелюбности, показывает, что негативизация России и русских иницируется не населением, а правящей политической элитой. Политические решения детерминированы корпоративными и личными интересами, пристрастиями и представлениями элит об «идеальном типе» политического развития страны. Изначально эти решения не отражают интересы и потребности большинства населения. Более того, в большинстве случаев дискриминируют и ущемляют ряд социальных групп. Но по мере усиления информационного давления через СМИ, введения ограничений на коммуникации с Россией и русскими часть людей замолкает под страхом преследования, часть радикализуется. Те, у кого есть возможность, уезжают из стран. Для стирания исторической памяти на индивидуальном уровне, для изменений в мировоззрении людей используются инструменты когнитивных войн, в которых задействованы не только СМИ, но и институты социализации.

Мониторинг 2023 г. показал, что коммуникационные режимы (несмотря на свои социокультурные основания и роль гражданских институтов в формировании правил и условий коммуникации) все больше становятся производными от политического режима, ущемляя права людей на объективную информацию, свободу слова, передвижения, вероисповедания, историческую память и др. Общественные институты играют все меньшую роль в формировании норм и правил коммуникации – как внутри страны, так и между странами.

Список источников

1. Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны [The South Caucasus geopolitical situation after the Second Karabakh War] // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411. EDN NZYVNE.
2. Айвазян Д.С., Крылов А.Б., Погосян Г.А., Кривоусков В.В. Дружелюбность коммуникационного режима Армении: к вопросу о позициях СМИ и общества [The friendliness of the communication regime of Armenia: on the issue of the positions of the media and society] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 94–111. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111.
3. Артамонов Д.С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества [Media memory in the communication space of the digital society]: дисс. ... докт. филос. наук. Саратов, 2023.
4. Гасумян В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication regimes as a factor of inter-country interactions: statement of a problem] // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 38–49.
5. Гусейнов Р.Н., Крылов А.Б., Мобили Р.Б. Условия и факторы развития межстрановых коммуникаций Азербайджана и России [Conditions and factors of inter-country communications development between Azerbaijan and Russia] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 78–91. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-78-91.
6. Каримов Ш.И. Возможности изменения внешней политики РФ в отношении Армении и Азербайджана [Possibilities of changing the Russian Federation foreign policy towards Armenia and Azerbaijan] // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 2(115). С. 28–32. DOI: 10.24158/per.2023.2.4. EDN YQRYCP.
7. Комлева В.В. Методика анализа управляемости страновых коммуникационных режимов [Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes] // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 94–107. DOI: 10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107.
8. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country communication regime as a socio-political phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 13–26. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-13-26.
9. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов [Manageability of country communication regimes] // Коммуникология. 2022. № 10(1). С. 139–154. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154.
10. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности-2023. Научный доклад по результатам ежегодного мониторинга [Communication regimes of post-Soviet countries: friendliness rating-2023. Scientific report on the results of the annual monitoring] / Под научной редакцией В.В. Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций. 2024. 57 с. URL: <https://nicrus.ru/>
11. Мирное урегулирование нагорно-карабахского конфликта в контексте междержавной конкуренции внешних акторов: применение прикладного анализа [The peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict in the context of inter-state competition of external actors: applied analysis] / С.Д.Ариничев, А.И.Елисеев, Б.К.Парманов [и др.] // Международный аспект. 2023. Т. 4. № 3. С. 69–85. EDN LBJBTD.
12. Панов И.А., Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П. Южный Кавказ в современных геополитических реалиях Турции и России [South Caucasus in modern geopolitical realities of Turkey and Russia] // Вестник Института мировых цивилизаций. 2023. Т. 14. № 2(39). С. 36–42. EDN FFLMQY.
13. Хидирбеглишвили А.А., Хотивришвили И., Горюнов И.П. Общественно-политические факторы гуманитарных коммуникаций Грузии и России [Socio-political factors of humanitarian communications between Georgia and Russia] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 54–65. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-54-65.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30 декабря 2023. Одобрена после рецензирования: 10 января 2024 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Agazade M.M. The South Caucasus geopolitical situation after the Second Karabakh War. Post-Soviet studies. 2023; Vol. 6, 4:401-411. EDN NZYVNE [In Russian].
2. Ayvazyan D.S., Krylov A.B., Poghosyan G.A., Krivopuskov V.V. The friendliness of the communication regime of Armenia: on the issue of the positions of the media and society. Russia and the world: Scientific dialogue. 2023; 1(7):94-111. DOI 10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111 [In Russian].
3. Artamonov D.S. Media memory in the digital society communication space: Theses ... DoctSc (Philosophy). Saratov, 2023 [In Russian].
4. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication regimes as a factor of inter-country interactions: statement of a problem. International life. 2020; 10:38-49 [In Russian].
5. Huseynov R.N., Krylov A.B., Mobili R.B. Conditions and factors of inter-country communications development between Azerbaijan and Russia. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2023; 1(7):78-91. DOI 10.53658/RW2023-3-1(7)-78-91 [In Russian].
6. Karimov S.I. Possibilities of changing the Russian Federation foreign policy towards Armenia and Azerbaijan. Society: politics, economics, law. 2023; 2(115):28-32 DOI 10.24158/pep.2023.2.4. EDN YQRYCP [In Russian].
7. Komleva V.V. Methodology for analyzing the manageability of country communication regimes. Russia and the world: scientific dialogue. 2022; 3(5):94-107. DOI 10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107 [In Russian].
8. Komleva V.V. Country communication regime as a socio-political phenomenon. Russia and the World: Scientific dialogue. 2021; 1(1):13-26. DOI 10.53658/RW2021-1-1-13-26 [In Russian].
9. Komleva V.V. Manageability of country communication regimes. Communicologiya. 2022; 10(1):139-154. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154 [In Russian].
10. Communication regimes of post-Soviet countries: friendliness rating-2023. Scientific report on the results of the annual monitoring / Under the scientific editorship of V.V. Komleva. Moscow: National Research Institute for the Communications Development. 2024:57. Available from: <https://nicrus.ru/> [In Russian].
11. The peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict in the context of inter-state competition of external actors: applied analysis / S.D. Arinichev, A.I. Eliseev, B.K. Parmanov [et al.]. International aspect. 2023; Vol. 4, S:69-85. EDN LBJBTD [In Russian].
12. Panov I.A., Demetradze M.R., Shorokhova S.P. South Caucasus in modern geopolitical realities of Turkey and Russia. Bulletin of the Institute of World Civilizations. 2023; Vol. 14, 2(39):36-42. EDN FFLMQY [In Russian].
13. Khidirbegishvili A.A., Khotivirshvili I., Goryunov I.P. Socio-political factors of humanitarian communications between Georgia and Russia. Russia and the World: Scientific Dialogue. 2023; 1(7):54-65. DOI 10.53658/RW2023-3-1(7)-54-65 [In Russian].

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DoctSc.(Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 30, 2023. Approved after peer review: January 10, 2024. Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 32.019.5

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-38-53](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-38-53)

Политические науки

Коммуникационный режим Грузии: диалог в условиях разорванных дипломатических отношений

Нино Автандиловна Скворцова^{1a}, Димитри Арамович Абазов^{2b}

¹² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^a nino.skvortsova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0470-7508>

^b dimitriabazov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8325-8650>

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования информационно-коммуникационной среды в Грузии, роли и значения национальных и зарубежных коммуникационных ресурсов, проведенного в рамках ежегодного мониторинга дружественности коммуникационных режимов Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК). Авторами были рассмотрены основные вызовы и угрозы в коммуникационном режиме двух стран. Раскрываются латентные проблемы коммуникационного режима, в том числе концентрация СМИ в руках узкого круга лиц и политических сил, а также усиливающаяся политизированность информации. Изучаются особенности подачи новостных материалов, формирующих антироссийскую риторику и повестку дня. Коммуникационный режим между двумя странами во многом определяется сохраняющейся напряженностью вокруг Цхинвальского региона и Абхазии, а также нестабильностью внутриполитической ситуации. Все большая фрагментация грузинского общества, крайняя поляризация различных политических сил, а также усиливающаяся роль внерегиональных акторов оказывают большое влияние на грузинский политический дискурс и официальную риторику, что является фактором дополнительного осложнения двусторонних отношений.

В статье используются материалы ежегодного мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. Мониторинг проводится Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва).

Ключевые слова: коммуникационный режим, Грузия, информационное пространство, национальные интересы, гуманитарное сотрудничество

Для цитирования: Скворцова Н.А., Абазов Д.А. Коммуникационный режим Грузии: диалог в условиях разорванных дипломатических отношений // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 38-53, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-38-53](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-38-53)

Original Article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-38-55](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-38-55)

Sociological Sciences

Communication Regime in Georgia: Dialogue in the Context of Severed Diplomatic Relations

Nino A. Skvortsova^{1a}, Dimitri A. Abazov^{2b}

¹² Russia Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

^a nino.skvortsova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0470-7508>

^b dimitriabazov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8325-8650>

Abstract. This article presents the results of a research on the information and communication situation in Georgia, the role and importance of national and foreign communication resources, conducted by the annual monitoring of the friendliness of communication regimes of the National Research Institute of Communication Development (NRICD). The authors examined the main challenges and threats in the communication regime of the two countries. The article reveals the latent problems of the communication regime, including the concentration of media in the hands of a narrow circle of individuals and political forces, as well as the increasing politicization of information. The article examines the peculiarities of presentation of news materials that shape anti-Russian rhetoric and agenda. The communication regime between the two countries is largely determined by the continuing tension around the Tskhinvali region and Abkhazia, as well as the instability of the internal political situation. The increasing fragmentation of Georgian society, the extreme polarization of various political forces, and the growing role of non-regional actors have a great impact on Georgian political discourse and official rhetoric and serve as a facilitator for the complication of bilateral relations.

The article uses the materials of the annual monitoring of the communication regimes of post-Soviet countries. Monitoring is provided by the National Research Institute for the Communications Development (Moscow).

Keywords: communication regime, Georgia, information field, national interests, humanitarian cooperation

For citation: Skvortsova N.A., Abazov D.A. Communication Regime in Georgia: Dialogue in the Context of Severed Diplomatic Relations. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 1(11): 38-53, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-38-53](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-38-53)

Введение

Российско-грузинские межгосударственные отношения представляют собой комплексную мозаику, внутри которой преломляются политические, гуманитарные и информационные измерения. Эти измерения взаимодействуют в контексте исторических, культурных и геополитических факторов, оформляя облик двусторонних отношений.

Политическое измерение. История российско-грузинских отношений простирается на протяжении веков, и важной точкой является период Советского Союза. Грузинская ССР входила в состав СССР, что оказало значительное влияние на формирование их политического взаимодействия. С распадом Советского Союза в 1991 г. Грузия обрела независимость, что привело к иному этапу в отношениях между Россией и Грузией. Несмотря на восстановление дипломатических связей, особая напряженность возникла после обострения грузино-осетинского конфликта (так называемой «пятидневной войны») в августе 2008 г. Последующие годы характеризовались попытками нормализации отношений, однако решение вопроса о признании независимости Южной Осетии и Абхазии остается источником недопонимания. Политические разногласия по вопросу статуса республик остаются сдерживающим фактором на пути развития полноценного сотрудничества.

Гуманитарное измерение. Гуманитарные аспекты российско-грузинских отношений подчеркивают важность культурных и образовательных связей между странами. Обмен культурными ценностями, языковыми программами и студенческая мобильность способствуют углублению взаимопонимания на гражданском уровне. Однако напряженность в политических отношениях оказывает влияние на гуманитарный обмен. Продолжаются дискуссии о сохранении и защите культурного наследия, включая монументы и памятники, на территориях, которые стали предметом конфликта.

Информационное измерение. Информационное воздействие играет важную роль в формировании общественного мнения в обеих странах. Средства массовой информации, в том числе телевидение и Интернет, стали площадкой для формирования «образа врага» в лице Российского государства и влияют на восприятие политических событий.

Материалы и методы

Методологический фундамент исследования коммуникационных режимов ориентирован на концепции, выработанные российскими учеными из Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК). В рамках статьи, подготовленной В.И.Гасумяновым и В.В.Комлевой, коммуникационный режим рассматривается как отдельная сущность в области политической науки. Под данной концепцией понимается управляемая система, включающая формальные и нефор-

мальные нормы, правила, традиции, акторов и инструменты, регулирующие процессы коммуникации в конкретном пространстве [1, с. 45].

В настоящем исследовании коммуникационный режим концептуализируется как система, обладающая собственным набором явных и неявных (скрытых) принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых формируются ожидания участников.

Процесс мониторинга коммуникационного режима охватывает четыре основных этапа: 1) сбор эмпирической информации, включающей 12 групп и в целом 74 показателя; 2) обработка первичной информации и ее преобразование в малую базу данных; 3) анализ полученных данных; 4) интерпретация и представление результатов.

В процессе научного исследования применялись различные методологические подходы, включая методы контент-анализа и событийного анализа, структурно-функциональный метод, а также системный подход. Дополнительно использовался дискурс-анализ новостных материалов, предоставленных информационными агентствами.

Эмпирическую базу исследования представляют нормативно-правовые акты, устанавливающие рамки функционирования и регулирования коммуникаций в стране; стратегические документы государства; выступления представителей исполнительной и законодательной власти, а также гражданских организаций. Дополнительные материалы включают в себя информацию, представленную средствами массовой информации, а также результаты общественных опросов, выявляющие отношение к русским и России.

Результаты исследования

Настоящее исследование было проведено с целью выявления коммуникационного режима Грузии в контексте отношений с Российской Федерацией. Для достижения поставленных исследовательских задач предпринимались меры по изучению нормативной базы, регулирующей деятельность СМИ, а также осуществлялись сбор новостного материала и дискурсивный анализ медиaprостранства Грузии. Дополнительно проводился анализ исторического развития грузино-российских отношений, предоставляющего необходимый контекст для более объективной формулировки условий коммуникации.

Ценность данного научного исследования выражается в обогащении методологического и практического аспектов. Эффективность применяемых инструментов подтверждена апробацией методологии, разработанной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций. Результаты позволяют делать конкретные выводы по широкому спектру вопросов, связанных с коммуникацией. Практически удалось достичь воссоздания максимально объективной картины коммуникации между Грузией и Россией. В рамках исследования выделены отрицательные, нейтральные и положительные аспекты взаимоотношений между странами,

что предоставляет ценные инсайты для более глубокого понимания и анализа сложной динамики их коммуникативных взаимодействий. Это исследование не только дополняет теоретический аспект в области коммуникации, но также предоставляет конкретные практические рекомендации и уточнения.

Совместно с представлением результатов исследования важно акцентировать внимание на существующих ограничениях, связанных с открытостью и доступом к данным. Физически невозможно осуществить полный анализ всех грузинских средств массовой информации, поэтому была использована выборочная методология, охватывающая общественное телевидение, оппозиционные и проправительственные СМИ. Важно подчеркнуть, что в процессе исследования возникли трудности с доступом к некоторым статистическим данным, так как Служба статистики Грузии, например, не ведет учет статистики межнациональных браков. В подобных случаях для решения задач был применен метод экспертной оценки. Этот подход позволил нам компенсировать отсутствие конкретных данных, используя экспертное мнение для анализа и интерпретации информации.

Данная работа вносит существенный вклад в понимание динамики коммуникации между Грузией и Россией, предоставляя фундаментальные данные, которые могут быть использованы для дальнейших аналитических исследований в области политических наук и международных отношений, где значительное внимание необходимо уделить изучению возможностей и ограничений публичной дипломатии в условиях отсутствия дипломатических отношений.

Нормативные рамки, влияющие на коммуникационный режим Грузии

Законодательство в области телерадиовещания в Грузии формируется на основе нескольких ключевых нормативных актов, включая Конституцию Грузии¹, международные договоры, органический Закон «Избирательный кодекс Грузии»², а также Законы «О национальных регулирующих органах»³, «Об авторском праве и смежных правах»⁴ и Закон «О вещании»⁵. Этот законодательный корпус является основой для регулирования деятельности в сфере телерадиовещания.

Важным элементом системы является Комиссия по коммуникации⁶, которая исполняет обязанности постоянного национального регулирующего органа. Она об-

1 Конституция Грузии. 1995. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>.

2 Избирательный кодекс Грузии. 2011. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1557168?publication=78>.

3 О национальных регулирующих органах. 2002. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/14062?publication=26>.

4 Об авторском праве и смежных правах. 1999. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16198?publication=12>.

5 Закон Грузии «О вещании». 2004. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/32866?publication=69>.

6 The Communications Commission. URL: <https://comcom.ge/en/>.

ладает юридическим статусом публичного права и является независимой от других государственных органов. Правовой статус Комиссии определен Законом «Об электронных коммуникациях»⁷ и текущим законодательством Грузии. Члены Комиссии и ее аппарат обладают независимостью при выполнении своих функций и подчиняются исключительно закону. Любое незаконное вмешательство в их деятельность запрещено, и решения, принятые под воздействием такого вмешательства, считаются недействительными.

Комиссия имеет полномочия разрабатывать правовые акты в соответствии с ее компетенцией. К таким актам относятся постановления, решения и приказы председателя Комиссии. Решения Комиссии обладают нормативной силой и принимаются в соответствии с настоящим Законом и другими законодательными актами.

Комиссия также активно участвует в формировании государственной политики в области телерадиовещания, основываясь на результатах общественного мнения и рынка. Она надзирает за реализацией своих предложений, определяет условия лицензирования, контролирует использование частотного спектра, принимает меры по обеспечению конкуренции и надзору за соблюдением стандартов безопасности и свободного обращения продукции. Одной из важных функций Комиссии является также регулирование размера и порядка уплаты лицензионных и регуляторных сборов. Кроме того, она вводит правовые акты, включая кодексы поведения, и разрешает деятельность в области телерадиовещания.

В контексте Грузии следует подчеркнуть, что коммуникационный режим в стране не только формируется под воздействием легального контроля со стороны центра управления коммуникациями, но также подвергается существенному воздействию внешних центров управления, стремящихся глобализировать сферу коммуникаций и преодолеть национальные границы в этом измерении. Европейский союз (ЕС) активно поощряет стандартизацию законодательной базы для своих членов, формируя общую нормативную основу, регулирующую деятельность СМИ на территории ЕС.

Стремление Грузии к интеграции в Европейский союз предоставляет Брюсселю возможность воздействовать на коммуникационный порядок в стране⁸. Влиятельные представители ЕС внедряют дискурс о недостаточной независимости СМИ в Грузии, особенно в контексте юридических процедур, применяемых к их владельцам.

В рамках 12 рекомендаций для получения статуса кандидата в члены ЕС представлены европейские директивы, предполагающие обязательные реформы при стремлении Грузии продвигать евроинтеграцию⁹. В отличие от рекомендаций и замечаний, директивы носят обязательный характер, что отражается в заявлениях международных организаций и представителей ЕС.

7 Об электронных коммуникациях. 2005. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/29620?publication=46>.

8 2023 communication on EU enlargement policy. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/2023_Communication_on_EU_Enlargement_Policy_Eng.pdf.

9 Varhelyi: Three of the 12 EU Recommendations Have Been Addressed in Georgia, 3/9 in Moldova and 2/7 in Ukraine. Georgia Today. 2023. URL: <https://georgiatoday.ge/varhelyi-in-the-direction-of-de-oligarchization-georgia-has-achieved-limited-progress/>.

После рассмотрения Закона «О телерадиовещании» и связанных с ним законов в конце 2022 г. эксперты Совета Европы представили Парламенту Грузии ряд рекомендаций по ключевым вопросам¹⁰. Однако за данный период парламент страны лишь частично учел данные рекомендации, оставив без внимания значительную их часть.

Проанализировав нормативно-правовую базу грузинских СМИ, следует отметить, что в процессе разработки данного программного документа в июне 2023 г. в целях выполнения одного из обязательных требований для получения статуса кандидата в ЕС (а именно – обеспечение свободы СМИ) Парламент Грузии утвердил значительные изменения в Законе «О телерадиовещании». Эти изменения включали в себя ряд мер, направленных на решение проблемных вопросов, выявленных в представленных экспертами Совета Европы рекомендациях¹¹.

Политические параметры в оценке дружественности коммуникационного режима Грузии: официальный дискурс и цивилизационно-ценностные основания

С 2008 г. грузино-российские отношения претерпевают сложные изменения, исключая период разрыва дипломатических отношений между странами. В официальных кругах Грузии Российская Федерация не рассматривается как партнер во внешней политике; наоборот, в ряде стратегических документов ее рассматривают как потенциальную угрозу национальной безопасности¹².

Обсуждение цивилизационной общности между Россией и Грузией стало объектом широких общественных дебатов. В рамках официального дискурса грузинская элита стремится вернуться в европейское общество (поскольку официальный и доминирующий дискурс в Грузии транслирует принадлежность Грузии к европейской цивилизации, нынешняя интеграция в европейские структуры понимается как акт возвращения), рассматривая Россию как «восточную деспотию»¹³. Эта цивилизационная амбивалентность отразилась не только во взглядах представителей либеральных кругов, но и в консервативных движениях, где подчеркивается общность Грузии и России в контексте христианской парадигмы и традиционных ценностей. Сложная политическая динамика, цивилизационные амбивалентности и проблема разделенных регионов делают этот регион исключительно важным объектом изучения.

Среди правящей элиты выделяются ключевые фигуры, оказывающие институциональное воздействие на политические решения. Сформировавшаяся парламентская республика Грузии, завершая процесс полного перехода в 2024 г., имеет следу-

10 Directorate General Human Rights and Rule of Law. Council of Europe. 2023. URL: <https://rm.coe.int/geo-georgia-legal-opinion-law-of-broadcasting-feb2023-2756-8707-0983-1/1680aacc48d>.

11 Парламент Грузии (30 июня, 2023). О поправках в закон Грузии «О телерадиовещании» – III слушание. URL: <https://info.parliament.ge/file/1/BillReviewContent/335021>.

12 Концепция национальной безопасности Грузии: URL: <https://mfa.gov.ge/national-security-concept>; Стратегия внешней политики Грузии. URL: <https://mfa.gov.ge/Foreign-Policy-Strategy>.

13 Там же.

ющих глав государственных структур: премьер-министра, председателя Парламента и президента. Самый ярый и активный критик России – президент Грузии Саломе Зурабишвили¹⁴. Премьер-министр И.Гарибашвили¹⁵ и председатель Парламента Ш.Папуашвили¹⁶ делают враждебные по отношению к России заявления в условиях давления, в памятные даты либо на международных площадках.

Грузия стремится к интеграции в евроатлантические структуры, рассматривая Россию как потенциальную угрозу национальной безопасности. Многовекторность внешней политики никогда не была характерной для Грузии с момента обретения ею суверенитета в 1991 г. Следовательно, региональные проекты и инициативы, предполагающие сотрудничество с Москвой, не являются приоритетными для Тбилиси¹⁷. Ситуация с Абхазией и Южной Осетией остается ключевой проблемой. Грузия рассматривает Россию как оккупанта, нарушившего международное право, в то время как Россия считает признание данных республик решенным вопросом. Даже при смягчении риторики после смены власти проблема сохраняется на доктринальном уровне и на международных площадках¹⁸, но при этом представители правительства стремятся смягчить критику в адрес России, указывая на то, что конфликта можно было избежать.

Цивилизационная общность между Россией и Грузией является предметом общественных дискуссий. Схожие дискурсивные нарративы не ограничиваются лишь среди либеральных групп, известных как «проевропейские». Они также присутствуют в консервативных движениях, хотя уже с отвержением неолиберальной повестки. Часть представителей консервативных кругов стремится к объединению с западными консерваторами в рамках христианской парадигмы, где фундаментальной ценностью Европы является вера в бога, приверженность традиционным ценностям и поддержание национальной самобытности. Другая часть, также разделяя принципы традиционных ценностей и стремясь отстояться от неолиберальной повестки западных ассоциаций, выявляет схожесть между Грузией и Россией, обосновывая это общим православным идентитетом. Данный дискурс находит подкрепление в исто-

14 Заявление Саломе Зурабишвили. Первый общественный. 2023. URL: <https://1tv.ge/lang/ru/news/salome-zurabishvili-na-protjazhenii-vekov-my-postojanno-nabljudam-za-agressiej-rossii-nash-otvet-na-politiku-rossii-tolko-odin-jeto-evropa-mir-i-mir-v-evrope/>; «Я не приветствую восстановление полетов в Россию! – Заявление Саломе Зурабишвили». Мтавари Архи. 2023. URL: <https://mtavari.tv/news/110201-ar-mivesalmebi-rusetan-prenebis-aghdgenas-salome>.

15 Выступление Гарибашвили на конференции безопасности в Мюнхене. Рустави 2. 2023. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/249237>.

16 Заявление Папуашвили на сессии Международного парламентского союза. Interpressnews. URL: <https://www.interpressnews.ge/ru/article/155638-shalva-papashvili-okkupatsia-iaavljaetsia-instrument-rossii-dlia-postoianno-destabilizatsii-regiona-eto-vyzov-dlia-gruzii-regiona-i-globalnoi-bezopasnosti/>; «Прошел год с тех пор, как агрессия Российской Федерации принесла хаос, разрушения и боль Украине и украинскому народу», – Папуашвили. Рустави 2. 2023. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/249724>.

17 МИД Грузии: Тбилиси не будет участвовать во встрече в формате 3+3. URL: <https://civil.ge/ru/archives/564994>.

18 Ираклий Гарибашвили – Деоккупация оккупированных Россией регионов остается главной задачей нашего государства, я верю, что будущее принадлежит единству и миру абхазов и грузин. Первый общественный. 2023. URL: <https://1tv.ge/lang/ru/news/iraklij-garibashvili-deokkupacija-okkupirovannykh-rossiej-regionov-ostaetsja-glavnoj-zadachej-nashego-gosudarstva-javerju-chto-budushhee-prinadlezhit-edinstvu-i-miru-abkhazov-i-gruzin/>.

рико-культурных связях и опыте совместного государственного существования на протяжении почти двух столетий.

Россия: враг или партнер?

В Республике Грузия отсутствуют официальные государственные средства массовой информации. Вместо этого действует общественный вещатель, в частности, «Первый Канал» («Пирвели Архи»), ориентированный на европейскую модель управления, где руководство осуществляется советом, избираемым Комиссией по коммуникациям. Редакционная политика выдержана в достаточно нейтральном ключе, избегается освещение событий, способных дискредитировать страну или провоцировать гражданские протесты. Тем не менее общественный вещатель в Грузии испытывает дефицит популярности среди местного населения.

Информационный ландшафт Грузии разделяется на два лагеря. С одной стороны, представлены провластные СМИ, такие как телеканалы «Имеди» и «Рустави 2», владельцы которых аффилированы с представителями власти или их доверенными лицами. «Имеди» занимает лидирующее положение среди телеканалов по популярности и доверию зрителей [2, с. 432]. С другой стороны, существуют три телеканала («Мтавари Архи», «ТВ Пирвели» и «Формула»), которые аффилированы с различными оппозиционными силами. «Мтавари Архи» занимает второе место по популярности и доверию зрителей относительно новостной и политической информации.

Как в общественном вещателе, так и в провластных СМИ отсутствует прямая критика России, однако она может возникнуть в зависимости от контекста, такого как события на границе с Южной Осетией¹⁹ или гибель граждан Грузии на Украине, воюющих в составе нелегального вооруженного формирования «Грузинский легион». Отсутствие прямой критики создает негативный контекст, в котором Россия представляется агрессором, нарушающим международные нормы и игнорирующим свои обязательства²⁰.

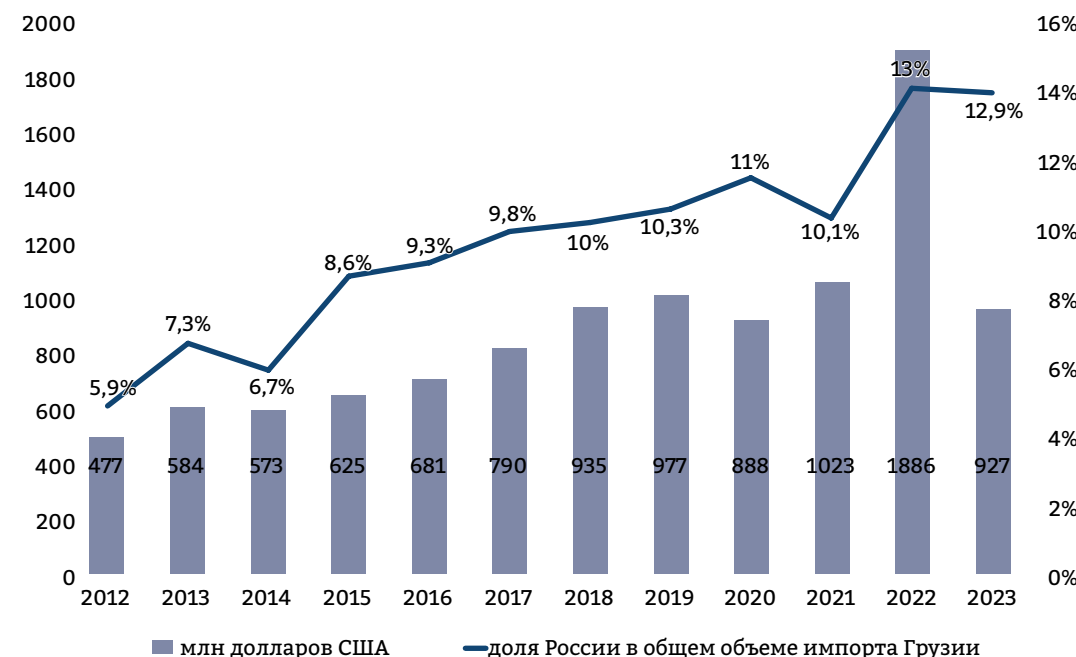
Социологические опросы в Грузии свидетельствуют о негативном отношении к России среди граждан. Тем не менее 65% опрошенных выражают поддержку диалога с Россией.

Относительно статуса русского языка важно отметить, что в Грузии один государственный язык – грузинский. Однако Аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия активно работает над сохранением и распространением языков различных народов, проживающих в стране. Русский язык остается одним из наиболее распространенных в стране: в Тбилиси 91% населения владеет русским, в больших городах – 92%, в деревнях – 82%.

¹⁹ Например: 2 citizens of Georgia were illegally detained by the representatives of the occupation forces in the occupied territory near the village of Koshki – according to the locals, they were illegally detained in the so-called Tskhinvali. He was taken to the pre-trial detention center. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/245918>.

²⁰ Например: “I don’t see this issue as very tragic” – Zakaria Kutsnashvili on closing the occupation line with South Ossetia. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/245920>.

Рисунок 1. Импорт российских товаров в Грузию
Figure 1. Import of Russian goods to Georgia

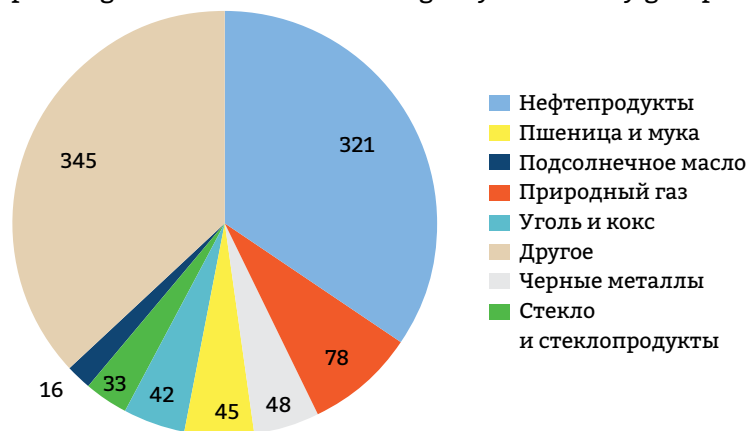

Торгово-экономические отношения: торговля, бизнес и санкции

В контексте противостояния на глобальной политической арене и регулирования международных отношений вопросы экономического взаимодействия между Грузией и Россией приобретают ключевое значение в контексте межгосударственных сношений. Анализ данных последних лет свидетельствует о сложности этого взаимодействия, влиянии антироссийских санкций, введенных США и ЕС, и динамике торгово-экономических отношений. В Грузии сформирована благоприятная среда для функционирования зарубежного бизнеса, определенная на законодательном уровне²¹. Однако для российских компаний возникают трудности в условиях санкционного режима, введенного США и ЕС, что предполагает риск косвенных санкций в отношении грузинских компаний, сотрудничающих с российскими подсанкционными субъектами.

В то же время в последние годы, вопреки обстоятельствам, торгово-экономические отношения между странами возрастают. Торговый оборот за первое полугодие 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. вырос на 32%, составив 1,2 млрд

²¹ Закон Грузии о предпринимателях. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/download/28408/49/ru/pdf>; Российский бизнес в Грузии. Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/ne-nuzhno-nichego-boyatjsya-rossiyskiy-biznes-v-georgii/32364929.html>.

Рисунок 2. Импорт товаров из России в Грузию по товарным группам
Figure 2. Import of goods from Russia to Georgia by commodity groups

долларов США²². Доля России в общем объеме торговли Грузии выросла до 12,4%, что является самым высоким показателем за последние 16 лет.

В январе – июне 2023 г. импорт из России увеличился на 31% и составил 927 млн долларов США. Доля импорта из России в общем объеме импорта Грузии составляет 12,9% (рисунок 1).

В первом полугодии 2023 г. в российском импорте лидировали нефтепродукты – 321 млн долларов США, далее следовал природный газ – 78 млн долларов США (рисунок 2).

Традиционно Грузия была зависима от импорта энергоносителей (свет, газ, нефтепродукты) и хлебопекарного сырья (пшеница, мука) из России. За отчетный период (январь – июнь 2023 г.) объем импорта пшеницы и муки из России увеличился на 26 тыс. тонн (на 21%), что составляет до 75% потребления пшеницы в Грузии. Также увеличился импорт природного газа из России на 119%, что составило 422 млн кубометров. Так, доля российского природного газа во внутреннем потреблении Грузии выросла до 24%. За шесть месяцев 2023 г. больше всего увеличился импорт нефтепродуктов (топлива) из России – на 137 млн долларов (на 75%)²³.

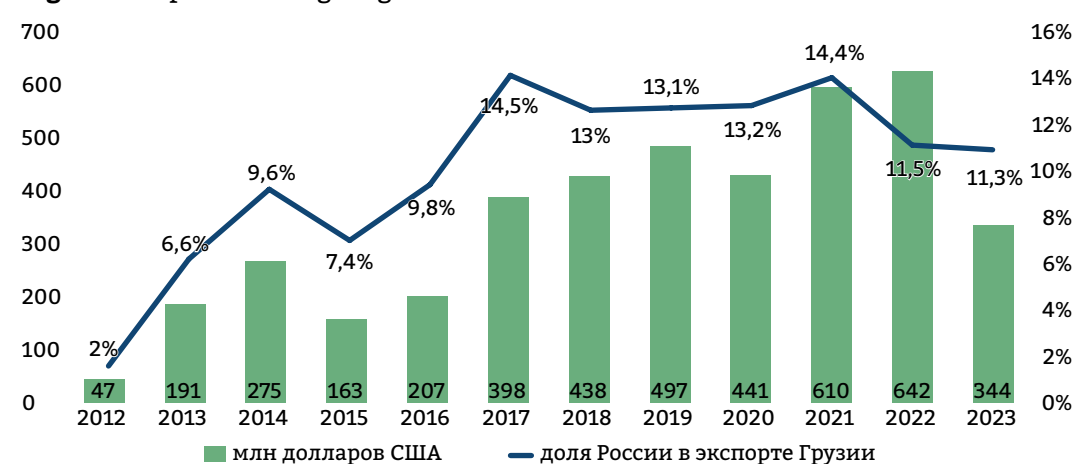
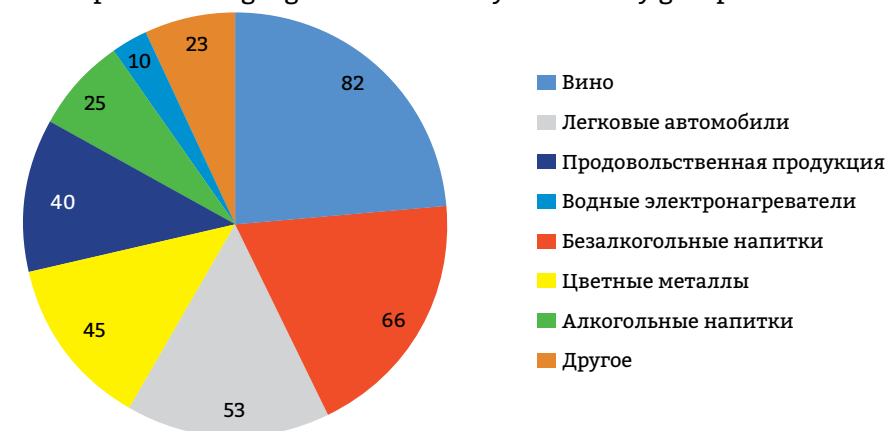
В первом полугодии 2023 г. экспорт грузинской продукции в Россию увеличился на 34%, достигнув 344 млн долларов США (рисунок 3).

Доля России в общем объеме экспорта Грузии составила 11,3%, увеличившись на 1,3 процентного пункта по сравнению с показателем 2022 г.²⁴. Среди экспортируемых продуктов за первое полугодие вино заняло первое место, достигнув 82 млн долларов США, что на 41% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Доля российского

²² Национальное статистическое управление Грузии. Внешняя торговля товарами. 2023. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/765/external-merchandise-trade>.

²³ Transparency International Georgia (Международная прозрачность – Грузия). Georgia's Economic Dependence on Russia Continues to Grow: January–June 2023. URL: <https://transparency.ge/en/post/georgias-economic-dependence-russia-continues-grow-january-june-2023>.

²⁴ Там же.

Рисунок 3. Экспорт грузинских товаров в Россию
Figure 3. Export of Georgian goods to Russia**Рисунок 4.** Экспорт товаров из Грузии в Россию (по товарным группам)
Figure 4. Export of Georgia goods to Russia by commodity groups

рынка в общем экспорте грузинского вина также увеличилась и достигла 65%, что является самым высоким показателем с 2013 г., после возвращения грузинского вина на российский рынок. Безалкогольные напитки заняли второе место с 66 млн долларов США, за ними следует экспорт легковых автомобилей с 53 млн долларов США (рисунок 4).

В 2023 г. развивать торгово-экономические отношения стало сложнее, когда ЕС и США начали усиливать антироссийские санкции и оказывать давление на правительство Грузии в связи с улучшающейся экономической динамикой между странами.

Санкционный режим, который стремятся реализовать американские и европейские политики, в ряде случаев влияет на российско-грузинские торговые отношения, поскольку отключение России от международной системы платежей, санкции против российских банков и компаний сказываются на перспективе сотрудничества с ними

грузинских банков и предпринимателей, опасаящихся косвенных санкций. Санкции затронули не только банковскую и деловую среду в Грузии, но и прямо оказали влияние на прибыльную отрасль в торговых отношениях между странами – 26 сентября был запрещен экспорт и реэкспорт европейских автомобилей из Грузии в Россию и Белоруссию²⁵.

Представители правящей партии и ряд экспертов считают, что санкции против России в большей степени навредят национальным интересам Грузии и ударят по гражданам страны²⁶. По оценкам грузинских экспертов, если бы страна присоединилась к антироссийским санкциям в 2022 г., то вместо двузначного экономического роста в экономике страны произошел бы спад на 11% с точки зрения торговли, денежных переводов и инвестиций.

Гуманитарное измерение дружественности коммуникации: отсутствие дипломатических отношений и наличие так называемых «красных линий»

В рамках молодежных коммуникаций между Россией и Грузией, предоставляющих определенные перспективы, следует выделить, что инициатором этих взаимодействий в большинстве случаев выступает российская сторона. Это обусловлено прежде всего накоплением Россией финансовых, человеческих и других ресурсов, а также предоставлением ею площадки для осуществления молодежных коммуникаций, преимущественно на своей территории. Инициатива и формирование повестки чаще всего происходят со стороны России, в то время как грузинская сторона в основном лишь участвует в этих событиях.

Разнообразные формы молодежных взаимодействий включают форумы, фестивали, воркшопы, тренинги, летние и зимние школы, организованные в различных контекстах. В этом контексте заметным событием 2023 г. стала летняя школа, организованная в Северо-Кавказском федеральном университете, проходящая в период с 2 по 9 июля²⁷.

Тем не менее интерес со стороны грузинской молодежи к сотрудничеству и российским проектам остается относительно невеликим, что объясняется различными индивидуальными и объективными факторами. Мероприятия порой обещают участникам формат Chatham House, однако на практике материалы встреч часто не публикуются, что является деликатным вопросом в общении с грузинской молодежью, готовой к диалогу и сотрудничеству, но предпочитающей уклоняться от публичных обсуждений на первых этапах взаимодействия. Глобально рассматривая интерес молодежи и среднего возраста к российским проектам, можно отметить его присут-

ствие, однако доступ на эти мероприятия ограничен. Это объясняется ограниченным доступом к информации, ее недостаточным освещением в средствах массовой информации, а также неэффективностью организации мероприятий на местах.

В контексте грузино-российских межкультурных связей следует выделить такие общественные и культурные организации, как Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С.Грибоедова²⁸, «Русский клуб в Грузии»²⁹ и КСОРСГ (организацию российских соотечественников)³⁰, Грузино-Российский общественный центр имени Е.М.Примакова.

Несмотря на отсутствие межгосударственных отношений в сфере культуры, в Республике Грузия выявляются символические памятные места, такие как Парк Победы, Арка Дружбы России и Грузии, Могила Неизвестного Солдата, а также места захоронений, привлекающие особое внимание жителей. Следует также отметить установленные памятники российским поэтам (таким, как А.С.Грибоедов), в центре Тбилиси, что является знаковым элементом в контексте грузино-российских отношений.

Важным аспектом общественного взаимодействия являются общие памятные даты для грузин и россиян, прежде всего День Победы. В Грузии официально 9 мая отмечается как День Победы над фашизмом³¹, в то время как в России этот день приурочен ко Дню Победы в Великой Отечественной войне. Обсуждения относительно этой памятной даты в Грузии поднимают вопросы о возможности одновременного празднования Дня Победы и Дня Европы 8 мая. Некоторая часть общественности высказывает мнение о необходимости отказа от празднования 9 мая в пользу 8 мая, отдаляя Грузию от российского дискурса относительно Второй мировой войны, в то время как сторонники традиций настаивают на сохранении празднования Дня Победы 9 мая, тем самым подчеркивая важность почитания памяти ветеранов и погибших грузинских воинов. При этом важно отметить, что это не обязательно связано с симпатиями в отношении России, поскольку в данном случае часто берут верх национальное самосознание и антисоветские настроения грузинского общества. Эта динамика в значительной степени обусловлена антироссийской и националистической интерпретацией исторических событий, представленных в школьных учебниках, и отсутствием какого-либо консенсуса относительно ключевых исторических событий.

В контексте научной коммуникации между учеными Грузии и России, несмотря на отсутствие формализованных отношений, такое взаимодействие существует. Эти контакты, как правило, иницируются и поддерживаются со стороны Российской Федерации и находят свое выражение в участии в научных конференциях, экспертных форумах и дискуссиях, направленных на диалог и совместные исследования.

Ученые России и Грузии взаимодействуют как на территории Грузии, так и в России, однако в большинстве случаев эти встречи ограничиваются личными кон-

²⁵ Грузия запрещает реэкспорт импортированных из ЕС автомобилей в Россию и Беларусь. Civil.ge. URL: <https://civil.ge/ru/archives/561104>.

²⁶ Эксперт об эффекте присоединения к действующим санкциям против России. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/247995>; Арчил Талаквдзе про санкции. URL: <https://rustavi2.ge/ka/news/248310>.

²⁷ Северо-Кавказский федеральный университет собирает историков Большого Кавказа на Международной молодежной школе. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/69914/>.

²⁸ Русский драматический театр имени А.Грибоедова. URL: <https://www.griboedovtheatre.ge/>.

²⁹ Русский клуб. URL: <http://www.russianclub.ge/>.

³⁰ КСОРСГ. URL: <https://korsovet.ge/>.

³¹ 9 Мая – День победы над фашизмом. Спутник Грузия. 2023. URL: <https://sputnik-georgia.com/20230509/9-pashizmze-gamarjvebis-dge-277475941.html>.

тактами и не получают системного развития. Такие взаимодействия, как правило, зависят от личных связей, которые позволяют коллегам приглашать друг друга на различные научные мероприятия. Например, российские ученые могут быть приглашены на конференции этнографов и кавказоведов, проходящие в Тбилисском государственном университете, а грузинские исследователи могут принимать участие в форумах, посвященных 240-летию Георгиевского трактата³², академических сессиях на «Примаковских чтениях» и мероприятиях Российской академии наук.

Выводы

Российско-грузинские взаимоотношения представляют сложный социокультурный контекст, в котором взаимодействуют политические, гуманитарные и информационные измерения, сформированные историческим, культурным и геополитическим наследием начиная со времен Российской империи. События 2008 г. стали источником напряженности, и вопросы политических разногласий, особенно касающиеся статуса Южной Осетии и Абхазии, в настоящее время являются преградой для развития сотрудничества между государствами. С другой стороны, гуманитарные аспекты, включая культурный обмен, акцентируют важность углубления взаимопонимания, несмотря на присутствие политической напряженности в различных аспектах социокультурных отношений. В этом контексте информационное измерение играет ключевую роль для формирования общественного мнения и способно как усилить, так и ослабить напряженность. Важно стремиться к объективности в информационных кампаниях для установления доверительной обстановки и для способствования взаимопониманию и сотрудничеству.

Список источников

1. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как новая научная категория [Communication Modes as a New Scientific Category] // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3. С. 43–50. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-43-50.
2. Nino Skvortsova, Dimitri Abazov, Irina Volkova, Svetlana Urazova. Georgian Independent TV Channels: Presentation of Pre-Election Race. International Journal of Media and Information Literacy. 2023. 8(2): 416–426. DOI: 10.13187/ijmil.2023.2.416.

Информация об авторах

СКВОРЦОВА Нино Автандиловна. Аспирантка кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов (RUDN University). <https://orcid.org/0000-0003-0470-7508>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. nino.skvortsova@gmail.com

АБАЗОВ Димитри Арамович. Аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов (RUDN University). <https://orcid.org/0000-0002-8325-8650>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. dimitriabazov@gmail.com

³² Международный круглый стол «Россия и Грузия: 240 лет Георгиевскому трактату». URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/72391>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication Modes as a New Scientific Category. *Kommunicologija* [Communicology]. 2020; 8 (3):43–50 [In Russian]. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-43-50.
2. Skvortsova N., Abazov D., Volkova I., Urazova S. Georgian Independent TV Channels: Presentation of Pre-Election Race. *International Journal of Media and Information Literacy*. 2023; 8(2):416–426 [In English]. DOI: 10.13187/ijmil.2023.2.416.

About the authors

Nino A. SKVORTSOVA. Postgraduate student of the Department of Public Policy and History of State and Law of the Russia Peoples' Friendship University (RUDN University). <https://orcid.org/0000-0003-0470-7508>. Address: 6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation. nino.skvortsova@gmail.com

Dimitri A. ABAZOV. Postgraduate student of the Department of Public Policy and History of State and Law of the Russia Peoples' Friendship University (RUDN University). <https://orcid.org/0000-0002-8325-8650>. Address: 6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation. dimitriabazov@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 21, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023. Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.
The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Внешнеполитические векторы Азербайджанской Республики

Диана Степановна Айвазян✉

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия
diana.ayvazyan87@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9795-2929>

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые векторы внешней политики Азербайджанской Республики. Определяются основные внешнеполитические партнеры Азербайджана (Россия, Турецкая Республика, Иран, США и Европейский союз), анализируется актуальная повестка взаимодействия республики с ними. Сделан вывод о последовательности, многовекторности внешней политики Азербайджана, ее направленности на выстраивание прагматичного экономического сотрудничества на региональном и макрорегиональном уровнях. В сфере безопасности, военного и военно-технического сотрудничества Азербайджан по итогам 44-дневной войны в Нагорном Карабахе в 2020 г., а затем роспуска непризнанной Нагорно-Карабахской Республики к 1 января 2024 г. углубляет сотрудничество с Турецкой Республикой. Для Азербайджана возросла актуальность создания региональных транспортных коммуникаций и интенсификации экономического сотрудничества с ближайшими соседями.

Ключевые слова: Азербайджан, внешняя политика, экономическое сотрудничество, военное сотрудничество Азербайджана, транспортные коридоры, Нагорный Карабах

Для цитирования: Айвазян Д.С. Внешнеполитические векторы Азербайджанской Республики // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 54-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-54-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-54-65)

Foreign Policy Directions of the Republic of Azerbaijan

Diana S. Ayvazyan ✉

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
diana.ayvazyan87@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9795-2929>

Abstract. The article examines the key directions of the foreign policy of the Republic of Azerbaijan. The main foreign policy partners of Azerbaijan (Russia, the Republic of Turkey, Iran, the USA and the European Union) were identified, and current issues of interaction with these countries were analyzed. A conclusion is drawn about the multidirectional nature of Azerbaijan's foreign policy and the desire for pragmatic economic cooperation at the regional and macro-regional levels. In the field of security, military and military-technical cooperation, Azerbaijan, in followup the 44-day war in Nagorno-Karabakh in 2020 and then the dissolution of the unrecognized Nagorno-Karabakh Republic, after January 1, 2024, strengthens cooperation with the Republic of Turkey. For Azerbaijan, the importance of creating regional transport communications and intensifying economic cooperation with its closest neighbors has increased.

Keywords: Republic of Azerbaijan, foreign policy, economic cooperation, military cooperation of Azerbaijan, transport corridors, Nagorno-Karabakh

For citation: Ayvazyan D.S. Foreign Policy Directions of the Republic of Azerbaijan // Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 1(11): 54-65, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-54-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-54-65)

Введение

Азербайджанская Республика в силу своего географического положения и исторически сложившихся условий (территория Азербайджана входила ранее в состав Османской, Персидской и Российской империй) находится на цивилизационном стыке. Начиная с периода после распада СССР в 1991 г. внешняя политика Азербайджанской Республики развивалась как многовекторная, направленная на прагматичное выстраивание экономического сотрудничества с заинтересованными сторонами. Исходя из принципов Движения неприсоединения, к которому Азербайджан присоединился в 2011 г., во внешней политике Азербайджана не наблюдалась постановка цели: присоединиться в средне- или долгосрочной перспективе к военно-политическим союзам. Вместе с тем в статусе новообразованной после распада СССР независимой республики Азербайджан формулировал и отстаивал во внешней политике свои национальные интересы. Ключевым вопросом

внешней политики Азербайджана выступало разрешение вопроса о статусе Нагорного Карабаха.

В связи с актуальными изменениями военно-политической ситуации в регионе Южного Кавказа (боевые действия в Нагорном Карабахе 19–20 сентября 2023 г. и подписание 28 сентября 2023 г. президентом непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) С.Шахраманяном указа «О роспуске всех государственных учреждений и организаций НКР до 1 января 2024 года»), а также прошедшими 7 февраля 2024 г. в Азербайджане досрочными президентскими выборами, по итогам которых на пятый срок был переизбран президент Азербайджанской Республики И.Алиев, представляется значимым анализ преемственности ключевых направлений внешней политики Азербайджанской Республики. В статье в рамках многовекторности внешней политики Азербайджана рассматриваются основные внешнеполитические партнеры Республики и выявляется повестка взаимодействия между ними.

Материалы и методы

Материалы исследования составили государственные документы в области внешней политики Азербайджана, материалы МИД Азербайджанской Республики, аналитические и новостные материалы, размещенные на информационных ресурсах органов власти Азербайджанской Республики и ее основных внешнеполитических партнеров.

Были проанализированы актуальные диссертационные исследования [1, 10, 12, 14–15 и др.], материалы публикаций в научных журналах [2–9, 11, 13 и др.], результаты мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК).

При подготовке статьи применялись методы контент-анализа, ивент-анализа для выявления ключевых актуальных вопросов взаимодействия Азербайджана со своими внешнеполитическими партнерами.

Результаты исследования

С момента образования современной Азербайджанской Республики (18 октября 1991 г. был принят конституционный Акт «О государственной независимости Азербайджанской Республики») Азербайджан активно взаимодействует со своими крупными соседями: Россией, Турцией, Ираном. Сквозь призму углубления сотрудничества Азербайджанской Республики с Турцией можно рассмотреть динамику отношений Азербайджана с соседними Арменией и Грузией. Помимо ближайшего регионального окружения Азербайджанской Республики значимым вектором ее внешней политики выступают отношения с внешними по отношению к региону Южного Кавказа и Большому Ближнему Востоку сторонами: США, Европейским союзом.

Взаимодействие Азербайджана и России

Россия традиционно сохраняет роль значимого внешнеполитического партнера для Азербайджана. Россию и Азербайджан связывают общая сухопутная граница, морская граница в Каспийском море (протяженность границы Азербайджана с Россией составляет 390 км), общее историческое прошлое (Азербайджан входил в состав СССР, территории Азербайджанской ССР входили в состав Российской империи по итогам русско-персидских войн и заключенным Гюлистанскому (1813) и Туркманчайскому (1828) мирным договорам¹).

Начиная с периода после распада СССР и до настоящего времени повесткой дня регулярных внешнеполитических переговоров России и Азербайджана на двустороннем уровне и в многостороннем формате выступают: разграничение морских границ и нефтегазовых ресурсов Каспийского моря, экономическая деятельность на Каспийском море (созыв регулярных каспийских саммитов с участием глав прибрежных каспийских государств – России, Казахстана, Ирана, Туркменистана, Азербайджана; встречи на уровне министерств иностранных дел прикаспийских государств. Последняя встреча министров иностранных дел прикаспийских государств состоялась 5 декабря 2023 г.², а последний каспийский саммит – в июне 2022 г. в Ашхабаде); урегулирование конфликта вокруг статуса Нагорного Карабаха, в котором Россия на всех его стадиях играла активную посредническую роль как в составе Минской группы ОБСЕ, так и на уровне регулярных трехсторонних переговоров глав государств России, Армении и Азербайджана и двусторонних переговоров глав государств России и Армении, России и Азербайджана. С ноября 2020 г. в Нагорный Карабах был введен российский миротворческий контингент по итогам Заявления глав государств России, Азербайджана и Армении от 9 ноября 2020 г. В 2023 г., в новых условиях роспуска непризнанной НКР, Россия продолжила свое посредничество в содействии сложно идущего процесса нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном с перспективой подписания мирного договора между последними³. При этом Россия развивает торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество с Азербайджаном.

В 2023 г. торгово-экономическое сотрудничество Азербайджана и России продолжило развиваться. По данным Государственного таможенного комитета Азербайджана, на период с 1 января по 30 ноября 2023 г. по импорту Азербайджана первое место заняла Россия (18.14%), второе, третье места соответственно – Китай (17.43%) и Турция (13.23%). На долю России приходится 33.09% экспорта ненефтя-

1 О стране. Азербайджанская Республика. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/maps/az/?PAGEN_1=28COUNTRY_CODE=az8.

2 О встрече министров иностранных дел прикаспийских государств. 05.12.2023. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/ru/maps/az/1919237/>.

3 Комментарий официального представителя МИД России М.В.Захаровой в связи с Совместным заявлением Администрации Президента Азербайджанской Республики и Аппарата Премьер-министра Республики Армения с подтверждением обоюдного намерения нормализовать отношения и заключить мирный договор между двумя странами. 08.12.2023. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/ru/maps/az/1919806/>.

ной продукции Азербайджана (первое место), на долю Турции – 24.02%, на долю Грузии – 9.88%⁴. Структуру российского экспорта в Азербайджан формируют в основном зерновые, изделия из древесины, изделия из черных металлов, продукты питания, бумага и картон, оборудование и автотехника, топливо и нефтепродукты⁵. По экспорту Азербайджана Россия заняла пятое место (3.44%), первые четыре места заняли соответственно Италия (45%), Турция (16.20%), Израиль (4.40%) и Греция (4.02%)⁶.

Взаимодействие Азербайджана и Турецкой Республики

Азербайджан в сфере безопасности начиная с периода после распада СССР развивал союзнические отношения с Турцией. Следует отметить культурную близость Азербайджана с Турцией – азербайджанский и турецкий языки принадлежат огузской группе тюркских языков; обе страны светские, при этом большинство населения в Азербайджане и Турции исповедуют ислам (в Турции – суннитского толка, в Азербайджане – шиизм), Азербайджан и Турция входят в состав Организации тюркских государств и Организации исламского сотрудничества. На всем протяжении конфликта вокруг статуса Нагорного Карабаха Турция поддерживала позицию Азербайджана и в апреле 1993 г. в том числе заблокировала сухопутную границу с Арменией. В сентябре 2010 г. в г. Стамбуле стороны создали Совет высокого уровня по стратегическому партнерству⁷.

После 44-дневной Карабахской войны 2020 г. Турция и Азербайджан подписали 15 июня 2021 г. в г. Шуше Декларацию «О союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турцией». В соответствии с Декларацией стороны договорились о проведении совместных консультаций, оказании друг другу необходимой помощи в соответствии с Уставом ООН в случае, если «по мнению одной из сторон будет иметь место угроза или агрессия со стороны третьего государства или государств против ее независимости, суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности или безопасности признанных на международном уровне границ»⁸. Турция и Азербайджан также договорились укреплять «взаимное сотрудничество с целью повышения конкурентоспособно-

сти проходящего через территорию двух стран Среднего транспортного коридора Восток-Запад»⁹. Помимо Турции значимым партнером Азербайджана в сфере военно-технического сотрудничества, в частности, закупок различных видов вооружения, выступает Израиль. Как отмечает В.Сажин, «за последние 10–14 лет ВС Азербайджана практически полностью были укомплектованы израильскими БПЛА и только в последний год (2023 г. – Прим. авт.) ситуация стала несколько меняться в сторону диверсификации зарубежных, в первую очередь, турецких источников дронов»¹⁰.

Шушинскую декларацию можно рассмотреть как «начало нового этапа отношений, направленного на углубление сотрудничества» двух стран [8, с. 860]. 29 января 2024 г. президент Азербайджана И.Алиев принял делегацию во главе с председателем парламентской Комиссии по национальной обороне Великого национального собрания Турции, бывшим министром национальной обороны Турецкой Республики Хулуси Акаром. Стороны подчеркнули значение Шушинской декларации и в том числе отметили важность совместных военных учений¹¹. Турция также связывает дальнейшую нормализацию отношений с Арменией с перспективой подписания мирного договора между Азербайджаном и Арменией¹².

Грузия участвует в инфраструктурных коридорах, связывающих Турцию и Азербайджан [2, с. 124]. Среди них газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум (Южнокавказский газопровод), нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, железная дорога Баку–Тбилиси–Карс.

Взаимодействие Азербайджана и Исламской Республики Иран

В качестве значимых факторов соседства Азербайджана и Ирана можно выделить следующие:

- около 15–20% населения Ирана составляют азербайджанцы¹³, которые проживают в основном на северо-западе Ирана [4, с. 722], и в районах компактного проживания азербайджанцев распространен также азербайджанский язык (официального статуса не имеет)¹⁴;

4 Azərbaycan Respublikası Xarici Ticarətinin Gömrük Statistikası. Hesabat dövrü: 01.01.2023 – 30.11.2023. Azərbaycan Respublikası Dövlət Gömrük Komitəsi. S. 36–37. URL: https://customs.gov.az/uploads/foreign/2023/2023_11.pdf?v=1702901673.

5 Интервью Торгпреда России для ИА «Спутник Азербайджан». 27.12.2023. Торговое представительство Российской Федерации в Азербайджанской Республике. URL: <https://aze.minpromtorg.gov.ru/news?id=3b22d-ba1-454d-40a0-bfbb-d9400ce8535e>.

6 Azərbaycan Respublikası Xarici Ticarətinin Gömrük Statistikası. Hesabat dövrü: 01.01.2023 – 30.11.2023. Azərbaycan Respublikası Dövlət Gömrük Komitəsi. S. 36–37. URL: https://customs.gov.az/uploads/foreign/2023/2023_11.pdf?v=1702901673.

7 Bilateral diplomatic relations between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Türkiye. Ministry of foreign Affairs. Republic of Azerbaijan. URL: <https://mfa.gov.az/en/category/europe/turkey>.

8 No: 724/23, Xarici işlər naziri Ceyhun Bayramovun Türkiyə xarici işlər naziri Hakan Fidanla görüşünə dair mətbuat məlumatı. Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyi. URL: <https://mfa.gov.az/az/news/no72423>.

9 Шушинская декларация о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой. 16 июня 2021. Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева. URL: <https://president.az/ru/articles/view/52122>.

10 Сажин В. Визит президента Израиля в Азербайджан – итоги. 08.06.2023. Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/printable/40745?ysclid=ism8vt41id224022694>.

11 Ильхам Алиев принял делегацию во главе с председателем Комиссии по национальной обороне парламента Турции. Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева. URL: <https://president.az/ru/articles/view/63403>.

12 Политические отношения между Турцией и Азербайджаном. Министерство иностранных дел, Турецкая Республика. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye-and-azerbaijan.ru.mfa>.

13 Исламская Республика Иран. О стране. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://mid.ru/Pu/maps/ir/>.

14 Исламская Республика Иран. Общие сведения. Генеральное консульство Российской Федерации в Реште. URL: https://rasht-iran.mid.ru/ru/ob_irane/obshchie_svedeniya/.

• общая морская граница Ирана и Азербайджана проходит в Каспийском море, что потребовало от обеих сторон после распада СССР разрешать споры по разграничению южной части Каспийского моря, в том числе в части разведки и разработки каспийских нефтегазовых ресурсов. Иран подписал, но не ратифицировал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря (2018 г.).

На протяжении периода после Второй карабахской войны 2020 г., в течение которого идет переговорный процесс между Азербайджаном и Арменией по делимитации их границ, сопровождающийся военными инцидентами между ними, Иран выступает против геополитических изменений в регионе Южного Кавказа¹⁵ – изменение границ суверенных государств Южного Кавказа, в том числе силовым путем, влечет за собой риски и для территориальной целостности Ирана.

Несмотря на напряженность в дипломатических отношениях между Ираном и Азербайджаном в 2023 г. (27 января 2023 г. в ИРИ было совершено вооруженное нападение на посольство Азербайджана¹⁶), между сторонами сохранялась повестка экономического сотрудничества. 6 октября 2023 г. прошла церемония закладки автомобильного моста и погранично-таможенной инфраструктуры между Азербайджаном и Ираном в районе поселка Агбанд Зангиланского района в соответствии с «Меморандумом о взаимопонимании между правительствами Азербайджана и Ирана о создании новых коммуникационных связей между Восточно-Зангезурским экономическим районом Азербайджана и Нахичеванской автономной республикой (НАР) через территорию Ирана», подписанным Азербайджаном и Ираном в 2022 г. в г. Баку¹⁷. Транспортные пути, соединяющие Азербайджан с НАР, проходящие через Иран, служат альтернативой транспортному коридору через Армению (Сюникскую область), связывающему Азербайджан и НАР: Армения и Азербайджан до настоящего времени не достигли взаимовыгодных договоренностей по вопросу создания и функционирования последнего.

Взаимодействие Азербайджана с США и Европейским союзом

Начиная с периода после распада СССР для Европейского союза представляет интерес импорт энергоносителей Азербайджана (запасы азербайджанских нефти и газа расположены на шельфе и прилегающей акватории Каспийского моря). США поддерживали строительство нефте- и газопроводов, предназначенных для транспортировки нефти и газа Азербайджана на европейский рынок в рамках политики диверсификации источников поставок энергоресурсов, которую последовательно проводит Европейский союз. Азербайджан участвует в Европейской политике соседства, а также в программе «Восточное партнерство», не ставя в качестве долгосрочной

цели членство в Евросоюзе. По данным Европейской комиссии, на долю Европейского союза приходится около 52% торговли Азербайджана, доля экспорта Азербайджана в ЕС составляет 66%, доля импорта из ЕС – 16%. Товарную структуру импорта Азербайджана в ЕС составляют в основном минеральное топливо, смазочные материалы¹⁸.

США и Европейский союз наряду с Россией выступали посредниками на всем протяжении урегулирования конфликта вокруг статуса Нагорного Карабаха (сопредседателями Минской группы ОБСЕ выступают Россия, Франция и США), а затем и переговорного процесса по нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией. 23 января 2023 г. Европейский союз принял решение создать гражданскую миссию в Армении с целью обеспечения стабильности в приграничных районах Армении, укрепления доверия непосредственно на границе между Арменией и Азербайджаном¹⁹. 11 декабря 2023 г. Совет министров иностранных дел ЕС принял решение увеличить количество человек в составе гражданской миссии с 138 до 209²⁰.

Дипломатическая напряженность в отношениях Европейского союза, США и Азербайджана связана с перспективами переговорного процесса по нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией. Европейский союз в целом выступает за мирный ход переговоров и в том числе против нарушения территориальной целостности Армении²¹ в условиях, когда Армения и Азербайджан еще ведут переговорный процесс по закреплению новых границ между ними и перспективами разблокировки транспортных коридоров в регионе Южного Кавказа после 44-дневной Карабахской войны 2020 г. и прекращения существования непризнанной НКР с 1 января 2024 г.

5 октября 2023 г. Европейский парламент 491 голосом «за», 9 голосами «против» и 36 голосами «воздержавшихся» принял резолюцию, в которой в традиционно значимой для ЕС повестке соблюдения прав человека обращено внимание на гуманитарную составляющую конфликта вокруг статуса Нагорного Карабаха: депутаты Европейского парламента осудили боевые действия Азербайджана в Нагорном Карабахе 19 сентября 2023 г., после которых около ста тысяч этнических армян, проживавших в Нагорном Карабахе, были вынуждены его покинуть. В резолюции депутаты Европейского парламента призвали ЕС пересмотреть отношения Евросоюза с Азербайджаном²². Резолюции Европейского парламента не имеют обязательной силы, но содержат рекомендации исполнительным органам власти ЕС. Азербайджан не направил приглашение в Европейский парламент для наблюдения за внеочередными президентскими выборами (7 февраля 2024 г.). Министерство иностранных дел

18 EU trade relations with Azerbaijan. Facts, figures and latest developments. European Commission. URL: <https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/azerbaijan-en>.

19 EU relations with Azerbaijan. European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/azerbaijan/>.

20 Bulletin Quotidien Europe, 2023. No. 13312, 13.12.

21 Bulletin Quotidien Europe, 2024. № 13334. 24.01.

22 European Parliament resolution of 5 October 2023 on the situation in Nagorno-Karabakh after Azerbaijan's attack and the continuing threats against Armenia (2023/2879 (RSP)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0356_EN.html.

15 Iran FM meets Armenian president in Davos says Tehran advocate peace in Caucasus. 18.01.2024. Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Iran. URL: <https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/738515>.

16 Press Release of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan on the results of 2023. P. 1–2. URL: <https://mfa.gov.az/files/Annual%20Press%20Release%20%282023%29-ENG.pdf>.

17 Ibid.

Азербайджана 26 декабря 2023 г. объявило персонами нон грата двух сотрудников посольства Франции в Баку и предписало им покинуть республику в течение 48 ч²³. В качестве ответной меры Франция 27 декабря 2023 г. также объявила персонами нон грата и выслала двух сотрудников посольства Азербайджана в Париже²⁴.

Азербайджан также отказался от проведения встречи 20 ноября 2023 г. в Вашингтоне на уровне министров иностранных дел Азербайджана и Армении²⁵ после выступления помощника госсекретаря США Джеймса О'Брайена 15 ноября 2023 г. во время слушаний в Комитете Палаты представителей США по иностранным делам, посвященных будущему Нагорного Карабаха. Д.О'Брайен отметил, в частности, что США настаивают на обеспечении доступа к территории Нагорного Карабаха и около 100 тыс. армян, покинувших регион, должны быть обеспечены надежной информацией о возможности вернуться на свои места проживания в Нагорном Карабахе, если они сделают такой выбор. По вопросу транспортного коридора он отметил, что коридор должен быть создан только при согласии Армении и без применения силы²⁶.

Выводы

Внешняя политика Азербайджана после распада СССР последовательно развивалась как многовекторная. В сфере энергетики (транспортировки нефти и газа) Азербайджан в различной степени последовательно взаимодействует с Россией, Турцией, Европейским союзом. Грузия выступает как транзитная страна для транспортировки азербайджанских нефти и газа. Транспортные коммуникации между Азербайджаном и Арменией до разрешения вопроса статуса Нагорного Карабаха со стороны Азербайджана в 2023 г. не действовали и стали повесткой дня двусторонних отношений после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе в 2020 г. и затем роспуска непризнанной НКР с 1 января 2024 г. В ключевом для Азербайджана вопросе – создании транспортного коридора через Сюникскую область Армении, связывающего Азербайджан и Нахичеванскую Автономную Республику, Армения и Азербайджан договоренностей до настоящего момента не достигли. В качестве альтернативы активизировалось сотрудничество Азербайджана и Ирана по созданию транспортных коммуникаций между Восточно-Зангезурским экономическим районом Азербайджана и НАР через территорию Ирана.

23 No: 741/23, Press release on the designation of two employees of the Embassy of the French Republic to the Republic of Azerbaijan as personae non-gratae. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Azerbaijan. URL: <https://mfa.gov.az/en/news/no74123>.

24 Баку и Париж постиг дипломатический скандал с «агентурным акцентом». EurAsia Daily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2023/12/28/baku-i-parizh-postig-diplomaticheskii-skandal-s-agenturnym-akcentom>.

25 No: 654/23, Commentary in response to groundless remarks by U.S. Assistant Secretary of State James O'Brien at the House Foreign Affairs Committee, Subcommittee on Europe hearing. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Azerbaijan. URL: <https://www.mfa.gov.az/en/news/no65423>.

26 The future of Nagorno-Karabakh. House Foreign Affairs Committee. 11.15.2023. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/hearing/the-future-of-nagorno-karabakh/>.

В сфере безопасности, в частности, в урегулировании вопроса статуса Нагорного Карабаха вплоть до сентября 2023 г., а далее – в рамках переговорного процесса по нормализации отношений с Арменией, Азербайджан взаимодействует с основными посредниками – Россией, США, Францией (в 2023 г. Азербайджан негативно оценивал посредничество Франции в этом вопросе), Европейским союзом. В сфере военного и военно-технического сотрудничества последовательно развивалось сотрудничество Азербайджана с Турецкой Республикой и Израилем. Дипломатическая напряженность в отношениях между Азербайджаном, ЕС и США в новых условиях военно-политической обстановки на Южном Кавказе после 2020 г. и сентября 2023 г. связана с дальнейшим ходом и потенциальными результатами переговорного процесса между Азербайджаном и Арменией по подписанию мирного договора между сторонами, в том числе урегулированием гуманитарных вопросов, возникших после прекращения существования непризнанной НКР. В целом во внешней политике Азербайджана возросла актуальность развития региональных транспортных коммуникаций и интенсификации экономического сотрудничества с ближайшими соседями.

Список источников

1. Абдуллаев Н.Н. Правовое регулирование сотрудничества и взаимодействия Азербайджана с региональными интеграционными объединениями: ЕС и ЕАЭС [Legal regulation of Azerbaijan's cooperation and interaction with regional integration associations: The EU and the EAEU]: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.5. М., 2023. 215 с.
2. Аватков В.А. Основы внешнеполитического курса Азербайджанской Республики на современном этапе [Fundamentals of the foreign policy course of the Republic of Azerbaijan at the present stage] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 3. С. 118–139. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7.
3. Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение [The 2020 war in Nagorno-Karabakh: regional specifics] // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2(59). С. 181–191.
4. Агазаде М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции [Azerbaijani-Iranian relations after the Second Karabakh War: specifics and trends] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Международные отношения». 2023. Т. 23. № 4. С. 719–733. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733.
5. Агазаде М.М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны [The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War] // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 4. С. 401–411.
6. Байрамлы Н.С. Понятие «мягкой силы» и ее значимость во внешней политике Азербайджанской Республики [The concept of «soft power» and its significance for the foreign policy of the Republic of Azerbaijan] // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 7(53). С. 980–990. DOI: 10.35775/PSI.2023.53.7.021.
7. Гаспарян Р.Э., Скаков А.Ю. Российская миротворческая операция в Нагорном Карабахе (2020–2023) [The Russian peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh (2020-2023)] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3(9). С. 34–46. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46).
8. Гузаеров Р.И. Эволюция турецко-азербайджанских отношений с 1991 по 2023 гг. [The Turkish-Azerbaijani relations evolution from 1991 to 2023] // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 8. С. 860–870.
9. Гусейнов Р.Н., Крылов А.Б., Мобили Р.Б. Условия и факторы развития межстрановых коммуникаций Азербайджана и России [Conditions and factors of inter-country communications development between Azerbaijan and Russia] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 78–91. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-78-91](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-78-91).
10. Еномян А.В. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики на Южном Кавказе (2002–2022 гг.) [The factor of «soft power» in the foreign policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002–2022)]: дисс. ... канд. истор. наук: 5.6.7. М., 2023. 213 с.

11. Каримов Ш.И. Возможности изменения внешней политики РФ в отношении Армении и Азербайджана [Possibilities of changing the Russian Federation foreign policy to Armenia and Azerbaijan] // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 2(115). С. 28–32. DOI: 10.24158/rep.2023.2.4.
12. Мамедзаде П.У. Перспективы международного экономического сотрудничества Азербайджана на основе развития альтернативной электроэнергетики [Prospects for Azerbaijan international economic cooperation on the basis of the alternative electric power industry development]: дисс. ... канд. эконом. наук: 08.00.14. М., 2022. 209 с.
13. Раванди-Фадаи Л.М. Эволюция отношений Ирана и Азербайджана в контексте современных геополитических трансформаций [The evolution of Iran and Azerbaijan relations in modern geopolitical transformations] // Россия и мир: диалоги – 2023. Цели и ценности: VII Международная научно-практическая конференция (16–30 мая 2023 г.): сб. докладов / Под научной редакцией В.В.Комлевой, Е.А.Кузьменко. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2023. С. 189–197.
14. Чернявский С.И. Десять лет истории Азербайджана: 2003–2013 годы [Ten years of Azerbaijan history: 2003–2013]: монография. М.: ФЛИНТА, 2013. 400 с.
15. Шахбазян С.А. Эпоха мира. Новая политическая история Турции, Армении и Азербайджана [The Era of peace. A new political history of Turkey, Armenia and Azerbaijan]: монография. М.: Перо, 2023. 153 с.

Информация об авторе

АЙВАЗЯН Диана Степановна. Кандидат политических наук. Старший научный сотрудник Центра междисциплинарной аналитической информации Института Европы Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0001-9795-2929>. Адрес: Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3, diana.ayvazyan87@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 19 декабря 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdullaev N.N. Legal regulation of Azerbaijan's cooperation and interaction with regional integration associations: The EU and the EAEU: Theses ... CandSc (Law): 5.1.5. Moscow, 2023:215 [In Russian].
2. Avatkov V.A. Fundamentals of the foreign policy course of the Republic of Azerbaijan at the present stage. Contours of global transformations: politics, economics, law. 2020; 13 (3):118-139 [In Russian]. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-7
3. Avetikyan G. The 2020 war in Nagorno-Karabakh: regional specifics. Paths to peace and security. 2020; 2(59):181-191 [In Russian].

4. Agazade M.M. Azerbaijani-Iranian relations after the Second Karabakh War: specifics and trends. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2023; 23 (4):719-733 [In Russian]. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733.
5. Agazade M.M. The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War. Post-Soviet studies. 2023; Vol. 6, 4:401-411 [In Russian].
6. Bayramli N.S. The concept of "soft power" and its significance for the foreign policy of the Republic of Azerbaijan. Eurasian Union: issues of international relations. 2023; Vol. 12, 7(53):980-990 [In Russian]. DOI: 10.35775/PSI.2023.53.7.021.
7. Gasparyan R.E., Skakov A.Y. The Russian peacekeeping operation in Nagorno-Karabakh (2020-2023). Russia and the world: scientific dialogue. 2023; 3(9):34-46 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-34-46](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-34-46)
8. Guzaerov R.I. The Turkish-Azerbaijani relations evolution from 1991 to 2023. Post-Soviet studies. 2023; 6 (8):860-870 [In Russian].
9. Huseynov R.N., Krylov A.B., Mobili R.B. Conditions and factors of inter-country communications development between Azerbaijan and Russia. Russia and the world: Scientific dialogue. 2023; 1(7):78-91 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-78-91](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-78-91).
10. Enokyan A.V. The factor of "soft power" in the foreign policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002-2022): Theses... CandSc (Hist.): 5.6.7. Moscow, 2023:213 [In Russian].
11. Karimov S.I. Possibilities of changing the Russian Federation foreign policy to Armenia and Azerbaijan. Society: politics, economics, law. 2023; 2(115):28-32 [In Russian]. DOI: 10.24158/rep.2023.2.4.
12. Mammadzade P.U. Prospects for Azerbaijan international economic cooperation on the basis of the alternative electric power industry development: Theses... CandSc (Econ.): 08.00.14. Moscow, 2022:209 [In Russian].
13. Ravandi-Fadai L.M. The evolution of Iran and Azerbaijan relations in modern geopolitical transformations. Russia and the world: dialogues – 2023. Goals and values: VII International Scientific and Practical Conference (May 16-30, 2023): collection of papers / Scientific eds. V.V. Komleva, E.A. Kuzmenko. Moscow: National Research Institute for the Communications Development, 2023:189-197 [In Russian].
14. Chernyavsky S.I. Ten years of the Azerbaijan history: 2003-2013: monograph. Moscow: FLINT, 2013:400 [In Russian]. ISBN 978-5-9765-1676-2.
15. Shahbazyan S.A. The Era of peace. A new political history of Turkey, Armenia and Azerbaijan: monograph. Moscow: Pero, 2023:153 [In Russian]. ISBN 978-5-00218-603-7.

About the author

Diana S. AYVAZYAN. CandSc (Polit.). Senior Researcher at the Center of Multidisciplinary analysis of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-9795-2929>. Address: 11, p. 3, st. Mokhovaya, Moscow, 125009, Russian Federation. diana.ayvazyan87@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 19, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.
Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327.7

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83)

Политические науки

Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования

Анна Леонидовна Гагиева^{1a}✉, Валентина Вячеславовна
Комлева^{2b}✉

¹ Юго-Осетинский государственный университет имени
А.А.Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия

² Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

^a anna_gagieva@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2124-1552>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Аннотация. В статье анализируется российско-югоосетинское сотрудничество в сфере образования. Рассматривается двусторонний формат сотрудничества, в котором большое значение уделяется интеграции и интернационализации. Дается характеристика официальным документам, составляющим нормативно-правовую базу данного сотрудничества. Актуализируется роль министерств и ведомств в развитии международного образовательного взаимодействия. Рассматриваются различные формы сотрудничества: научные проекты, возможность поступать в вузы России, совместные олимпиады, конкурсы, конференции. Больше внимание в статье уделяется роли Юго-Осетинского государственного университета в развитии образовательного, научного и социального сотрудничества. В статье на примерах раскрывается роль межвузовского взаимодействия в развитии российско-югоосетинского сотрудничества. Немаловажную роль в этом процессе играют неправительственные организации и проекты. Российско-югоосетинское сотрудничество демонстрирует широкий спектр возможностей и растущий потенциал взаимовыгодной деятельности в сфере образования.

В статье используются материалы ежегодного мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. Мониторинг проводится Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва).

Ключевые слова: Россия, Южная Осетия, интеграция, образование, гуманитарное сотрудничество, межвузовское сотрудничество

Для цитирования: Гагиева А.Л., Комлева В.В. Россия и Южная Осетия: сотрудничество в сфере образования // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 66-83, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83)

Political Sciences

Russia and South Ossetia: Factors Influencing Cooperation in the Field of Education

Anna L. Gagieva^{1a}✉, Valentina V. Komleva^{2b}✉

¹ South Ossetian State University named after A.A. Tibilova, Tskhinval, South Ossetia

² National Research Institute for the Communications Development, Moscow, Russia

^a anna_gagieva@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2124-1552>

^b komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Annotation. The article analyzes Russian-South Ossetian cooperation in the field of education, in which great importance is paid to integration and internationalization. Characteristics are given to the official documents that make up the legal framework of this cooperation. The role of ministries and departments in the development of international educational interaction is shown. Various forms of cooperation are considered: scientific projects, the opportunity to enter Russian universities, joint Olympiads, competitions, conferences. The article pays more attention to the role of South Ossetian State University in the development of educational, scientific and social cooperation. The article reveals the role of interuniversity interaction in the development of Russian-South Ossetian cooperation. Non-governmental organizations and their projects play an important role in this process. Russian-South Ossetian cooperation demonstrates a wide range of opportunities and the growing potential for mutually beneficial activities in the field of education.

The article uses the materials of the annual monitoring of the communication regimes of post-Soviet countries. Monitoring is provided by the National Research Institute for the Communications Development (Moscow).

Keywords: Russia, South Ossetia, integration, education, humanitarian cooperation, interuniversity cooperation

For citation: Komleva V.V., Gagieva A.L. Russia and South Ossetia: Factors Influencing Cooperation in the Field of Education. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 1(11): 66-83, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-66-83](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-66-83)

Введение

В 2023 г. исполнилось 15 лет признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Южная Осетия и установления дипломатических отношений между двумя государствами. Был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РЮО и РФ. Помимо РФ Южную Осетию признали Никарагуа, Венесуэла, Науру, Сирия.

Южная Осетия имеет с Россией давние союзные отношения. Находясь с 1774 г. в составе Российской империи, осетины установили прочные русско-осетинские отношения. На всем историческом пути Осетия оставалась верным союзником России. Многие эксперты по Южной Осетии считают, что быть в составе России – это исторический выбор. На научных мероприятиях¹, приуроченных к 250-летию вхождения Осетии в состав России, анализировались преобразования, которые способствовали интеграции Кавказского региона в общероссийское пространство и формированию национальной интеллигенции, общественно-культурной среды.

В настоящее время РФ и РЮО имеют более 130 межгосударственных, межведомственных и межправительственных соглашений в различных областях сотрудничества в соответствии с долгосрочными национальными интересами обеих стран.

Современная Южная Осетия придерживается единых с Россией подходов в оценке международной ситуации и действий на международном треке. По большинству внешнеполитических вопросов Южная Осетия и Россия демонстрируют полную солидарность. Южная Осетия выступает союзником РФ в СВО и помогает в успешной реализации военной операции как человеческим ресурсом, так и регулярной отправкой гуманитарной помощи на Донбасс. Сегодня на полях сражений СВО вместе сражаются российские и осетинские военнослужащие, добровольцы. Эта союзническая поддержка со стороны руководства и народа Южной Осетии была особо отмечена Президентом РФ В.Путиным.

Одним из важнейших направлений сотрудничества является сфера образования, от которой зависит развитие человеческого потенциала, инновационное развитие и конкурентоспособность РЮО. В нашей статье представлен анализ факторов, влияющих на образовательное сотрудничество РЮО и РФ.

Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы нормативно-правовые источники, статистические данные Управления государственной статистики РЮО, аналитические материалы и отчеты Правительства РЮО, Министерства образования и науки

¹ Присоединение Алании-Осетии к России: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. К 250-летию вхождения Осетии в состав России, Владикавказ, 27–28 октября 2023 г. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2023. 360 с. ISBN 978-5-8336-1086-2. EDN OBEOLG.

РЮО, информационные материалы Юго-Осетинского научно-исследовательского института имени Захария Ванеева, Юго-Осетинского государственного университета имени А.А.Тибилова. Были проанализированы доклады Всемирного банка относительно модернизации системы высшего образования.

Также были проанализированы публикации югоосетинских и российских исследователей. Концептуальные подходы, избранные авторами статьи, сопоставлялись с подходами к анализу непризнанных государств (А.Г.Большаков [3], С.М.Маркедонов [16], И.К.Джигоева, А.В.Техов, С.В.Бекоев [5], М.В.Братерский, А.С.Скриба, А.И.Сапогова [4] и др.).

Научные исследования сотрудничества РЮО и РФ в сфере образования, хотя и немногочисленны, но все же ведутся (В.М.Букулова [15], М.Р.Дзагоева [7], Е.В.Думина [8], Л.П.Ермоленко [20], А.К.Карданова [9], С.А.Коваленко [11], Ж.Г.Кочиева [15], О.А.Оберемко [11], А.А.Туаев [7, 15], К.А.Цховребова [20], О.И.Шафранова [20] и др.). Материалы этих исследований были использованы при анализе специфических факторов (характерных именно для РЮО), влияющих на сотрудничество с РФ.

При выявлении факторов общего порядка, характерных для большинства стран мира, были проанализированы исследования в области глобализации, интернационализации, либерализации систем образования. Наибольшее влияние на позицию автора оказали работы, вскрывающие противоречия указанных тенденций и работы, аргументирующие необходимость развития национальных систем образования исходя из стратегических приоритетов развития страны (М.В.Богуславский [1, 2], А.М.Джуринский [6], П.И.Касаткин [10], В.В.Комлева [12–14], П.Н.Осипов, И.М.Синагаллин [17], Т.М.Трегубова, В.М.Филиппов [18] и др.).

Были проанализированы и зарубежные исследования, рассматривающие образовательное сотрудничество как инструмент «мягкой силы» Х. де Вит, Дж.Найт и др. [19, 21].

При подготовке статьи применялись методы контент-анализа документов и материалов официальных средств массовой информации, ивент-анализ практики сотрудничества, систематизации материалов ранее проведенных исследований. Был проведен вторичный анализ данных мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК, г. Москва).

Результаты исследования

Анализ и систематизация процессов, связанных с развитием международного сотрудничества Южной Осетии в сфере высшего образования, позволяют выделить две группы факторов, обуславливающих его особенности. Оказывают влияние как факторы общего порядка, характерные для всех стран мира, так и факторы, характерные именно для Южной Осетии. К факторам общего порядка относятся процессы, связанные с глобализацией, интернационализацией, либерализацией. Факто-

ры частного порядка связаны с непризнанием Южной Осетии большинством стран мира; необходимостью повышения человеческого потенциала РЮО, инвестиций в социальную сферу; потребностью в инвестициях в национальную систему образования РЮО; потребностью в повышении научного потенциала страны; сохранением русского языка как языка образовательного пространства; необходимостью воспитания поколения, способного сохранять и воспроизводить дух патриотизма и любви к Родине, братские отношения с Россией. Рассмотрим подробнее обе группы факторов.

Факторы общего порядка, характерные для большинства стран

Глобализация. Развитие процессов экономической глобализации оказало влияние на формирование глобального рынка труда, унификацию требований к квалификации и компетенциям специалистов, унификации стандартов для ряда экономических отраслей и производств, сферы услуг. Как следствие, появились признаки глобализирующихся образовательных систем, а именно – универсализация и гомогенизация систем образования (к примеру, путем расширения западных стандартов образования на весь мир, увеличения финансирования образования и науки в связи с потребностями изменяющегося с технологической и экономической точек зрения глобального рынка труда и др.). В эти процессы включилась и Россия. Однако в настоящее время, в условиях кризиса глобализации, все заметнее идут процессы регионализации. Происходит кластеризация конкурирующих друг с другом образовательных систем. Например, кластер Болонской системы образования, российской системы, американской и др.². Все активнее продвигает свое образование Турция, особенно в границах тюркского мира. В 2023 г. Саудовская Аравия представила национальную систему оценки деятельности вузов, став шестой арабской страной, разработавшей собственный рейтинг университетов (ранее это сделали Алжир, Египет, Ливия, Ирак и Иордания).

Россия, имея одну из самых конкурентоспособных и эффективных систем образования, активно включена в эти процессы. Показателями этой включенности являются международно ориентированные программы и проекты. Например, приоритетный проект «Экспорт образования» (2017–2025 гг.) имеет целью повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и нарастить несырьевой экспорт РФ. Периодические реформы российской системы³ образования обусловлены не только внутренними, но и внешнеполитическими причинами. Реформы системы образования РФ проводились в 1990-е гг. в связи с распадом СССР и новыми парадигмами развития общества (в 2000-е гг. – после присоединения РФ к Болонскому соглашению в 2003 г.; в настоящее время – по-

сле выхода РФ из Болонской системы в 2022 г.). В соответствии с Указом Президента РФ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» от 12 мая 2023 г. в 2023/24 и 2025/26 учебных годах будет реализован пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования.

Российские подходы к образованию лежат в основе кластеризации в рамках СНГ, ЕАЭС, ШОС (развиваются сетевые университеты) и разных консорциумов. Южная Осетия также включена в эти процессы. Например, Юго-Осетинский государственный университет (ЮОГУ) вошел в состав консорциума «Большой Кавказ» (соглашение подписали также Северо-Кавказский федеральный университет, Абхазский государственный университет, Национальный университет архитектуры и строительства Армении). Вхождение в этот консорциум университета Армении, не признавшей государственность Южной Осетии, способствует расширению инструментов международных контактов РЮО.

Система образования Южной Осетии интегрирована в российскую и, соответственно, следует тем же изменениям, что и российская. Однако темпы этих изменений значительно ниже российских, исходя из недостаточности материально-технического и кадрового потенциала. В этой связи инвестиции России в систему образования Южной Осетии являются критически значимыми для ее обновления и соответствия современным требованиям к качеству подготовки кадров.

Интернационализация. Национальные системы образования практически всех стран мира трансформировались под влиянием процессов интернационализации. Концепция интернационализации была разработана в рамках глобализирующихся систем образования для более быстрой унификации стандартов образования и компетенций выпускников. Преимущественно концепция внедрялась в системе высшего образования. Интернационализация предполагает процесс взаимодействия и взаимовлияния между отдельными странами, национальными системами высшего образования, образовательными организациями и отдельными личностями. Итогом такого «обмена» становятся разработка совместных образовательных программ, реализация международных образовательных стандартов и проектов, внедрение общего языка преподавания, повышение доли иностранных студентов и преподавателей, адаптация вузовской среды к взаимодействию с зарубежными партнерами и др. В условиях однополярного мира интернационализация приводила, по сути, к «англоизации» и расширению влияния американской и Болонской систем образования на другие образовательные системы. Через некоторое время правительства стран осознали, что интернационализация может привести к потере идентичности национальных систем и, наряду с преимуществами, имеет существенные недостатки. Недостатки связаны с потерей контроля за компетенциями, формируемыми у выпускников, оттоком талантливой молодежи в другие страны по итогам реализации совместных программ обучения и обмена, внедрения в национальные системы воспитания идеологических нарративов, иногда не совместимых с общественными ценностями и национальными интересами стран. Концепции интернационализации начали адапти-

² Комлева В.В. Международная конкуренция государственных политик в области высшего образования. Позиции России // Обозреватель. Observer. 2018. № 1 (336). С. 69–87.

³ Развитие экспорта российского высшего образования: основные противоречия // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6(58). С. 1899–1907.

роваться в каждом конкретном страновом контексте. В итоге мы можем говорить, что в настоящее время системы образования движутся от интернационализации к «национализации». В настоящее время государственная политика большинства стран, имеющих собственный богатый опыт построения эффективных образовательных систем, нацелена на укрепление образования под приоритетные задачи развития страны, а не на обеспечение мирового рынка труда. Особое внимание уделяется отраслям знаний, влияющим на научный и технологический суверенитет стран и их международную конкурентоспособность. По этому пути идет и Россия.

Влияние этих тенденций на систему образования Южной Осетии было минимальным в силу ее слабой включенности в международные процессы (по причине непризнания РЮО государствами, конкурирующими между собой на международном образовательном пространстве). Закрепление национальных приоритетов и ценностей системы образования РЮО происходит вместе с РФ. Например, при формировании государственного заказа на подготовку квалифицированных специалистов с высшим образованием РЮО исходит из нужд в приоритетных сферах развития республики. Приоритетными являются: экономика, сельское хозяйство, туризм (особенно в связи с развитием курортного комплекса «Мамисон»). При этом республика не избежала рисков невозвращения подготовленных специалистов в страну.

Либерализация. На национальные системы образования оказывала влияние либерализация высшего образования. Основным смысл либерализации заключается во внедрении рыночных принципов и сокращении государственного вмешательства в образование (в том числе и государственных расходов на образование), развитии свобод участников образовательного процесса, во внедрении принципов «экономики знаний» и подготовки людей, способных адаптироваться к рыночной экономике. С этих позиций международные институты разрабатывали рекомендации и для России. Аналитический доклад Всемирного банка 2005 г., помимо рекомендаций, содержит и оценки российского образования, в частности, то, что Россия уже добилась существенных результатов в реформировании «успешной во многих аспектах, но негибкой, чрезмерно централизованной и консервативной системы образования, унаследованной от Советского Союза»⁴.

Тенденции либерализации российской системы образования проявились в большей свободе финансово-хозяйственной деятельности образовательных учреждений; повышении вариативности (в отказе от унификации в образовании, в учебных планах, большую часть содержания которых стали определять сами вузы); развитии академических прав и свобод студентов и преподавателей, самостоятельности выбора зарубежных и российских партнеров. Образование было децентрализовано, сокращены государственные расходы; внедрены рыночные принципы конкуренции и ослаблены правила, препятствующие развитию конкуренции в образовании (в частности, свобода выбора). По мнению М.В.Богуславского, «инновационная волна

⁴ Модернизация российского образования: достижения и уроки. Аналитический доклад группы экспертов Всемирного банка. URL: <https://www.hse.ru/news/1163613/1123251.html>.

реформирования российского образования на протяжении очень противоречивых 1990-х гг. осуществлялась на идеологической вестернизаторско-либеральной основе, в которой доминировала трактовка российского образования как органичной части глобального мира» [1, с. 9]. В настоящее время российская система образования строится на неоконсервативных принципах, в большей степени на аксиологических позициях. Как справедливо отмечает П.И.Касаткин, невозможно исключить воспитательный процесс из образования и нельзя отказываться от образовательного компонента, связанного с общегуманитарным циклом, дающим знания об отечественной культуре, духовно-нравственной жизни [10]. В настоящее время Россия существенно пересматривает принципы развития образовательной системы исходя из стратегических целей развития страны.

Южная Осетия тоже не избежала либерализации образовательной системы. В частности, Закон Республики Южная Осетия «Об образовании» 2017 г. ввел ряд понятий и положений, которые отвечают обозначенным выше тенденциям в российском образовании (свобода выбора, академические права и свободы, сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования, недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования и др.)⁵.

Следует отметить, что влияние указанных факторов на российскую и югоосетинскую системы образования имели противоречивые последствия. Наряду с обсуждаемыми ныне негативными последствиями нельзя отрицать факт того, что процессы либерализации, интернационализации, глобализации способствовали модернизации образования в новых социально-экономических условиях; дали возможность сравнения преимуществ разных образовательных систем, конкурирующих на мировом уровне; позволили осознать свои конкурентные преимущества и необходимость развития образовательных систем с точки зрения национальных интересов и приоритетов.

Факторы частного порядка, характерные для Южной Осетии

Интеграция образовательной системы РЮО в образовательное пространство РФ обусловлена рядом факторов, свойственных именно для РЮО.

Непризнание государственности Южной Осетии большинством стран мира. Межгосударственное сотрудничество РЮО в области образования ограничено ее статусом частично признанного государства. Из числа образовательных систем стран, признавших РЮО, лишь российская система является качественной и конкурентоспособной с учетом современных требований к подготовке специалистов. РФ является крупным поставщиком образовательных услуг на международном уровне (РФ занимает шестое место в мире по числу иностранных студентов). Сфера образования Южной Осетии, по сути, интегрирована в образовательное пространство России. Интеграционные процессы с Россией подкреплены нормативно-правовыми акта-

⁵ Закон Республики Южная Осетия «Об образовании». Принят Парламентом РЮО 30 января 2017 г. № 101. URL: <https://parliamenttrso.org/node/1299>.

ми в области науки и образования – договорами, соглашениями. С 2017 г. действует межправительственное соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней РФ и РЮО. Для РЮО сотрудничество с РФ дает не только возможность повысить качество своего образования, но и решить более сложные задачи. Сотрудничество в этой сфере дает возможность РЮО расширить международные контакты, устанавливая связи с образовательными учреждениями дружественных стран. По сути, возникает дополнительный инструмент продвижения РЮО на международном уровне. Например, через форматы университетского консорциума «Большой Кавказ», Союзного государства России и Беларуси, участие ЮОГУ в работе Евразийской ассоциации университетов, развитие сотрудничества с университетами России, у которых много зарубежных партнеров.

Необходимость повышения человеческого потенциала РЮО, инвестиций в социальную сферу. С точки зрения темы нашей статьи речь идет о развитии возможностей для образования и саморазвития. От качества человеческого потенциала (образованности, здоровья, активности, креативности, трудоспособности населения) зависит развитие РЮО. Подтверждением того, что надлежащих условий для развития человеческого потенциала пока еще недостаточно, является высокий уровень миграции из Южной Осетии, особенно среди молодежи⁶. Необходимость решения этих проблем обуславливает то, что РФ включилась в процесс подготовки кадров для РЮО. Ежегодно Правительство РФ выделяет квоты иностранным гражданам для обучения в российских вузах, в том числе и для Южной Осетии. Помимо этого, несколько профильных ведомств и организаций РЮО формируют государственный заказ и направляют в вузы РФ граждан РЮО с целью подготовки квалифицированных специалистов с высшим образованием. С 2015 г. выпускники школ РЮО, имеющие гражданство РФ, могут принять участие в ЕГЭ, проходящем по всей территории РФ. Школьники, успешно сдавшие Единый государственный экзамен, могут рассчитывать на поступление в российские вузы. Сотрудничество с Россией позволяет решить важнейшую проблему Южной Осетии – дефицит квалифицированных кадров. За период с 2003 по 2019 г. более 2 000 югоосетинских выпускников стали студентами лучших вузов РФ.

В 2023 г. продолжилось развитие прямых партнерских связей и развитие сетевого взаимодействия между организациями, осуществляющими образовательную деятельность в РФ и РЮО, включая повышение квалификации педагогов, специалистов ЦОКО РЮО, психологов и профессиональную переподготовку логопедов. Например, по программе Северо-Осетинского республиканского института повышения квалификации работников образования (СОРИПКРО)⁷.

Большую роль в развитии человеческого потенциала РЮО играет Юго-Осетинский государственный университет имени А.Тибилова, который является научным,

⁶ Дорошенко С.В., Джабиев В.В. Демографическое развитие Республики Южная Осетия: тенденции, риски, стратегические приоритеты // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 29–48.

⁷ Федеральная служба по надзору в сфере образования. URL: <http://obrnadzor.gov.ru/novosti-regionov/respublika-severnaya-osetiya-alaniya-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-severnoj-yuzhnoj-osetij-podpisali-memorandum-o-namereniyah>.

образовательным и культурным центром РЮО. ЮОГУ имеет более 70 соглашений о сотрудничестве с ведущими вузами РФ. Это и Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, и Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана, Российский университет дружбы народов и др. В рамках заключенных соглашений осуществляется обмен опытом, проводятся различные мероприятия, научно-практические конференции, повышение квалификации сотрудников ЮОГУ (в РУДН, СОГУ, ГМИ, в Институте интегрированных программ высшего и послевузовского образования Пятигорского государственного университета и др.).

Подписанные договоры с ведущими вузами России позволяют повышать уровень учебно-методической и научной подготовки преподавателей и студентов из Южной Осетии. Ежегодно группа сотрудников ЮОГУ проходит курсы повышения квалификации в Институте интегрированных программ высшего и послевузовского образования Пятигорского государственного университета по разным модулям. Сотрудники ЮОГУ принимают активное участие в российских научных конференциях, публикуются в российских изданиях.

Вместе с тем существует мнение, что для развития человеческого капитала, образования и в целом социума РЮО «необходима социально-экономическая политика государства, определяемая комплексом выверенных методов, способствующих повышению качества жизни населения, поскольку существующая модель экономического роста, которая на 85% зависит от российских инвестиций, не может способствовать эффективному росту экономики РЮО»⁸. В этой связи требуются не просто инвестиции, а консультации по наиболее оптимальным моделям развития страны и усиления человеческого потенциала.

Потребность в инвестициях в национальную систему образования РЮО.

Для развития системы образования нужны как минимум материальная база, кадровые ресурсы, современные технологии обучения, учебники и учебно-методические разработки. Государственный бюджет РЮО предусматривает увеличение расходов на образование⁹, однако этих средств недостаточно. Россия оказывает помощь по всем необходимым направлениям развития образования, в том числе в ремонте помещений, приобретении современного оборудования, обеспечении учебниками, повышении квалификации и др. Созданию социально-экономических условий развития образования способствует соглашение с РФ о содействии реализации Государственной программы социально-экономического развития РЮО на 2022–2025 гг.¹⁰.

⁸ Дмитриченко Л.И., Чаусовский А.М., Джигоева И.К. Концепция трансформации экономической системы Республики Южная Осетия: основные направления реализации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л.Хетагурова. 2023. № 4. С. 152. <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2023-4-149-159>.

⁹ Статистический сборник за январь-сентябрь 2023 г. Республика Южная Осетия. С. 86. URL: <https://ugostat.ru/wp-content/uploads/2023/12/spravochnik-yanv-sent-2023-novyj.pdf>.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 15 июня 2022 г. № 1558-р «О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о содействии реализации Государственной программы социально-экономического развития Республики Южная Осетия на 2022–2025 годы».

Большой вклад вносит Россия и в цифровизацию образования, формирование базиса для цифровой экономики. При поддержке России в РЮО началась реализация масштабного проекта – создание инновационных ИТ-проектов в Южной Осетии (в том числе разработка и внедрение государственной программы развития цифровой экономики). Вместе с тем некоторые эксперты отмечают проблему отсутствия высокоскоростного Интернета, что препятствует этому проекту. «В регионе лишь два города (Цхинвал и Квайса). Остальные населённые пункты страны, в том числе малочисленные, – либо поселки, либо старинные аулы, горные территории, где сельские жители не имеют возможности пользоваться современными услугами связи. Именно здесь требуется проведение высокоскоростного Интернета» [8]. На данном этапе Россия является единственным и крупным инвестором в образование РЮО.

Потребность в повышении научного потенциала страны. Соглашения в области науки с Россией, российскими научными организациями и фондами рассматриваются как гарант развития научного потенциала РЮО. В настоящее время единственным научным учреждением Южной Осетии, занимающимся сугубо исследовательской деятельностью, является Юго-Осетинский научно-исследовательский институт имени Захария Ванеева. Он был создан на базе учрежденного в 1922 г. Юго-Осетинского научно-литературного общества. День основания «Научно-литературного общества» (1 февраля) является государственным Днем национальной науки Южной Осетии.

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт активно развивает сотрудничество с ведущими научными учреждениями аналогичного профиля в России и ряде других стран. Югоосетинские ученые поддерживают тесные связи с Северо-Осетинским институтом гуманитарных исследований имени В.И.Абаева, Северо-Осетинским институтом истории и археологии, Владикавказским научным центром РАН, Абхазским институтом гуманитарных исследований имени Д.Гулиа, Институтом языкознания РАН, Институтом востоковедения РАН, Институтом всемирной литературы имени А.М.Горького РАН, Институтом этнографии РАН, Институтом археологии РАН, Автономным университетом Барселона и др.

Ученые РЮО принимают участие в российских научных мероприятиях, в частности, в 2023 г. – в XV Конгрессе антропологов и этнологов России.

Развитию научного потенциала РЮО способствует Соглашение о сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований (2009). За 15 лет было реализовано 110 проектов, из них 80 – совместно с Российским фондом, 30 – республиканского масштаба. Такое сотрудничество является действенной поддержкой фундаментальных научных исследований, самым быстрым и простым способом для реализации научных задач, создает условия для интеграции югоосетинской и российской науки, развития общих научных подходов и интерпретаций, возрастания заинтересованности ученых и научных организаций. Но есть и обратная сторона – «грантовая» система ведет к постепенному сокращению той части научного сообщества, которая остается за пределами данной системы, плохо стимулирует самосто-

ятельные научные инициативы. С этих позиций, наряду с российскими научными грантами, в ближайшее время целесообразно разработать концепцию научной политики РЮО с целью развития научного потенциала страны, информационных баз (научные библиотеки, архивы, музеи и т.п.), создания условий для развития и востребованности молодых научных кадров, научного обеспечения управленческих решений и проектов развития РЮО.

Таким образом, научное сообщество РЮО интегрировано в единое научное пространство с РФ. Россия помогла научной сфере Южной Осетии преодолеть период стагнации и начать ее возрождение. Для продолжения этого процесса требуется определить основы научной политики РЮО, конкретизировать направления и целевые показатели развития научной сферы.

Сохранение русского языка как языка образовательного пространства. Основой интеграции образовательных пространств РЮО и РФ является русский язык обучения. Согласно данным национально-статистических служб СНГ, число школьных учителей русского языка и литературы (в постсоветских странах) – 83,3 тыс. человек. Наибольшая доля из них приходится на Южную Осетию, Армению и Абхазию. Одним из показателей качества школьного образования и знания русского языка является рост числа учеников, принимающих участие в российских олимпиадах и конкурсах, в которых они добиваются хороших результатов. По причине того, что не на всей территории РЮО знание русского языка одинаковое, в 2023 г. в Ленингорском районе РЮО (где значительная часть населения не владеет русским языком) открыт Центр открытого образования на русском языке. Жителям доступны как курсы начального уровня, так и продвинутые программы, рассчитанные на тех, кто впоследствии хочет поступать в российский вуз.

ЮОГУ вошел в состав консорциума «Большой Кавказ», что предполагает развитие научно-образовательного и культурно-гуманитарного сотрудничества в области изучения и преподавания русского языка в Южной Осетии. Принято решение о реализации проектов по преподаванию русской литературы, языка, в том числе с помощью ИТ-технологий.

На русском языке выходят научные издания Южной Осетии, в том числе «Русское слово в Южной Осетии», поддерживаются контакты с русскими научно-образовательными центрами.

Одним из знаковых событий в развитии гуманитарных связей между Южной Осетией и Россией стало открытие в Цхинвале Русского центра. Центр создан на базе Юго-Осетинского государственного университета по инициативе ректора вуза В.Тедеева при поддержке посольства России в Южной Осетии и представительства Россотрудничества. Русский центр – это международный проект, созданный фондом «Русский мир» в сотрудничестве с ведущими образовательно-просветительскими структурами разных стран. Сеть Русских центров создается для продвижения русского языка и популяризации русской культуры, распространения знаний о России. В центре не только изучают русский язык, но и получают доступ в российские он-

лайн-библиотеки, знакомятся с русским искусством, российскими фильмами, участвуют в самых разных культурных мероприятиях и встречах с интересными людьми¹¹.

В РЮО проходят Дни славянской письменности и русского языка, международный фестиваль «Осетия – Россия: общее культурное наследие», многочисленные выставки и юбилеи российских писателей и поэтов, организация массовых диктантов, концерты известных российских мастеров исполнительского искусства, кинофестивали, гастрольные поездки творческих коллективов в РФ. Южная Осетия по приглашению Комитета печати и массовых коммуникаций Северной Осетии принимает участие в книжной ярмарке в Северной Осетии и в Москве на Красной площади. На стенде ЮО представлены лучшие произведения югоосетинских писателей.

Необходимость воспитания молодого поколения. Молодежь РЮО принимает активное участие в форумах, проводимых РФ, таких как: Всероссийский форум «Россия – страна возможностей», Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида», Северо-Кавказский молодежный форум «Машук», Межрегиональный молодежный форум «Родная гавань», Международный молодежный образовательный форум «Евразия», Всероссийский форум органов молодежного самоуправления «Молодежная команда страны», Международный форум добровольцев, Международный фестиваль-конкурс русской культуры «Истоки» и т.д. Представители молодежи Южной Осетии принимают участие в работе семинаров по направлениям: социальное проектирование, повышение компетентности работников сферы молодежной политики, международное сотрудничество и т.д. В 2024 г. 150 человек из РЮО примут участие во Всемирном фестивале молодежи в Сочи.

Талантливая молодежь Южной Осетии активно участвует в российских конкурсах, фестивалях, научно-практических конференциях. Например, научно-практическая конференция «Колмогоровские чтения», Шегреневские международные ученические чтения, инженерная олимпиада «Звезда», международная «Кавказская математическая олимпиада», международная летняя проектная школа «Зонд» на базе детского технопарка «Кванториум» в г. Владикавказе (как часть Всероссийского проекта «Кампус молодежных инноваций»), Всероссийский фестиваль «Рождественская ёлка “Казачий круг”». В феврале 2020 г. школьники из Южной Осетии стали призерами V Всероссийских соревнований по ментальной арифметике. В соревнованиях в Москве принимали участие 520 талантливых детей из 23 городов России. Из Южной Осетии выступили 11 детей.

По приглашению Российского детского фонда школьники из Южной Осетии посещают Москву, принимают участие в мероприятиях, приуроченных к Международному дню защиты детей. Фонд «Хочу верить» приобщает детей к православным ценностям, разделяемым населением Южной Осетии. По сложившейся традиции школьников из Южной Осетии приглашают на Кремлевскую елку в Москве.

¹¹ Ректор ЮОГУ о сотрудничестве с НКО и статусе русского языка. URL: <https://www.kavkazsky-pozitiv.com/post/ректор-юогу-о-сотрудничестве-с-нко-и-статусе-русского-языка/>.

Позитивная динамика наблюдается в сфере детского отдыха, уже третий год около 100 ребят из Южной Осетии посещают такие крупнейшие детские центры, как «Артек», «Орленок». Впервые в Артеке был организован «День Южной Осетии». Школьники из различных уголков Южной Осетии продемонстрировали собравшимся культурные достижения родного края.

Запрос на молодежные коммуникации высок как со стороны югоосетинской, так и со стороны российской молодежи. Возможности, которые создает Россия для югоосетинской молодежи, являются фундаментом будущих братских отношений и условием развития человеческого потенциала РЮО.

Выводы

Находясь в едином образовательном пространстве с РФ, югоосетинская система образования претерпевает те же изменения, что и российская. Сотрудничество с Россией дает колоссальные преимущества стране для включения в инновационные проекты и программы, проекты развития детей и молодежи и повышения качества кадров для Южной Осетии. Наиболее эффективными инструментами сотрудничества являются разработанные на государственном уровне программы и проекты, а также межшкольные, межвузовские соглашения и контакты. Совместные с Россией проекты, российские инвестиции в школы, вузы, науку РОЮ позволили выйти из послевоенной стагнации.

Вместе с тем РЮО, как и Россия, столкнулись с новыми вызовами для системы образования, связанными с развитием новых технологий. В частности, речь идет о цифровизации образования, влиянии нейросети ChatGPT на школьное и вузовское образование, подготовке кадров для высокотехнологичных отраслей экономики. Вторая группа вызовов связана с когнитивными войнами, под влиянием которых меняется сознание, прежде всего молодежи, радикализируется их поведение, меняются ценности.

В этой связи прогнозируется качественно новый этап сотрудничества РЮО и РФ, направленный на создание условий для технологического развития системы образования и новых моделей воспитательной работы с молодежью.

Кроме того, целесообразно ориентировать подготовку специалистов в связке с приоритетными отраслями экономики, заявленными в Государственной программе социально-экономического развития на 2022–2025 гг. Например, для создания конкурентоспособного сельского хозяйства, ориентированного на экологически чистую продукцию, или создания туристических кластеров.

Список источников

1. Богуславский М.В. Концептуальные основы консервативно-традиционной стратегии развития российского образования [Conceptual foundations of the conservative-traditional strategy for the development of Russian education] // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 1(25). С. 17–21.

2. Богуславский М.В. Трансформация идеологии реформ российского образования в 1991-2021 годы: модернизации и ретроинновации [Transformation of the Russian education reforms stragedy in 1991-2021: modernization and retroinnovation] // Наука. Управление. Образование. РФ. 2022. № 1(5). С. 8–14. DOI: 10.48621/z8962-3798-1585-m.
3. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов [Unrecognized states of the post-Soviet space in the system of Russian national interests] // Политекс. 2008. Т. 4. № 1. С. 180–197.
4. Братерский М.В., Скриба А.С., Сапогова А.И. Борьба за признание или повышение статуса: условия устойчивости и развития непризнанных государств (на примерах в Евразии) [The struggle for recognition or status enhancement: conditions for the stability and development of unrecognized states (by examples in Eurasia)] // Вестник международных организаций. 2021. Т.16. №3. С. 1–24.
5. Джигоева И.К., Техов А.В., Бекоев С.В. Институционализация методологических подходов к исследованию непризнанных государств [Institutionalization of methodological approaches to the study of unrecognized states] // Вестник Донецкого национального университета. Серия «В». Экономика и право. 2023. № 1. С. 56–65.
6. Джуринский А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы [Higher education in the modern world: trends and problems]. М.: Прометей, 2017. 230 с.
7. Дзагоева М.Р., Туаев А.А. Становление системы образования в Южной Осетии – Государстве Ала́ния: структура и организационно-педагогические особенности управления, правовой аспект [Formation of the education system in South Ossetia – the State of Alania: structure and organizational and pedagogical features of management, legal aspect] // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2021. № 3. С. 79–85. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-3-79-85.
8. Думина Е.В. Сотрудничество в сфере высоких технологий: новый этап интеграции России и Южной Осетии [Cooperation in the field of high technologies: a new stage of integration of Russia and South Ossetia] // Россия: общество, политика, история. 2023. № 2(7). С. 186–203. DOI: 10.56654/ROPI-2023-2(7)-186-203.
9. Карданова А.К. Теоретические и практические аспекты реализации права на образование гражданами Республики Южная Осетия [Theoretical and practical aspects of the realization of the right to education by the citizens of the Republic of South Ossetia] // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 3.
10. Касаткин П.И. Реформа российского образования: консерватизм vs либерализм [Reform of Russian education: conservatism vs. liberalism] // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. №5А. С. 93–103.
11. Коваленко С.А., Оберемко О.А. Промежуточные итоги либерализации высшего образования в России [Interim results of the liberalization of higher education in Russia] // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2009. № 3.
12. Комлева В.В. Интернационализация высшего образования как провоцирующий фактор обострения конкуренции национальных образовательных систем [Internationalization of higher education as a provoking factor of competition of national educational systems] // Россия и мир: диалоги. Материалы научно-практ. Конф. (Москва, 24 апреля 2017 г.). М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. С. 57–77.
13. Комлева В.В. Противоречия интернетизации высшего образования [Contradictions of the internetization of higher education] // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т.12. № 6. С. 469–477.
14. Комлева В.В. Россия в контексте новых мировых тенденций интернационализации высшего образования [Russia in the context of new global trends in the internationalization of higher education] // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 13–34.
15. Кочиева Ж.Г., Туаев А.А., Букулова В.М. Международно-правовые основы сотрудничества Республики Южная Осетия и российской Федерации в сфере образования [International legal foundations of cooperation between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation in the field of education] // Бюллетень Владикавказского института управления. 2022. № 61. С. 27–34.
16. Маркедонов С. Де-факто образование постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. [De facto formation of the post-Soviet space: twenty years of state building]. Аналитические доклады Института Кавказа. Ереван: Институт Кавказа. 2012. №5.
17. Синагатуллин И.М., Усманов С.М. Вызов глобализации: переход от классической к информационной парадигме образования [The challenge of globalization: the transition

- from the classical to the information paradigm of education] // Вестник Бирского филиала Башкирского государственного университета. 2019. №4. С. 44–50.
18. Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы [Internationalization of higher education: main trends, problems and prospects] // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. №3. С. 203–211.
19. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Глобальность и самобытность в теории международных отношений [Internationalization of higher education: main trends, problems and prospects] // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2022. № 1. С. 7-16.
20. Шафранова, О.И., Ермоленко Л.П., Цховребова К.А. Роль Российской Федерации в сохранении и развитии системы образования Южной Осетии (1992-2008) [The role of the Russian Federation in the preservation and development of the education system of South Ossetia (1992-2008)] // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 4(107). С. 69–73.
21. Knight J., De Wit H. Strategies for Internationalization of Higher Education: historical and conceptual perspectives // Strategies for Internationalization of Higher education: a comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America / De Wit H. (ed.) Amsterdam: European Association for International Education, 1995. P. 5–33 [In Russian].

Информация об авторах

ГАГИЕВА Анна Леонидовна. Старший преподаватель кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета имени А.А.Тибилова. <https://orcid.org/0009-0009-2124-1552>. Адрес: Республика Южная Осетия, 100001, г. Цхинвал, ул. Путина (бывшая ул. Московская), 8. anna_gagieva@list.ru

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 декабря 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Boguslavsky M.V. Conceptual foundations of the conservative-traditional strategy for the development of Russian education. Gumanitarnye nauki i obrazovaniye [Humanities and education]. 2016; 1(25): 17-21 [In Russian].
2. Boguslavsky M.V. Transformation of the Russian education reforms stragedy in 1991-2021: modernization and retroinnovation. Nauka. Upravlenije. Obrazovaniye [Science. Management. Education]. RF. 2022; 1(5): 8-14 [In Russian]. DOI: 10.48621/z8962-3798-1585- M.

3. Bolshakov A.G. Unrecognized states of the post-Soviet space in the system of Russian national interests. *Politex*. 2008; 4 (1):180-197 [In Russian].
4. Bratersky M.V., Skriba A.S., Sapogova A. I. The struggle for recognition or status enhancement: conditions for the stability and development of unrecognized states (by examples in Eurasia). *Bulletin of International Organizations*. 2021; 16 (3): 1-24 [In Russian].
5. Dzhioeva I.K., Techov A.V., Bekoev S.V. Institutionalization of methodological approaches to the study of unrecognized states. *Bulletin of the Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2023; 1:56-65 [In Russian].
6. Dzhurinsky A.N. Higher education in the modern world: trends and problems. Moscow: Prometheus, 2017:230 [In Russian].
7. Dzagoeva M.R., Tuaeov A.A. Formation of the education system in South Ossetia – the State of Alania: structure and organizational and pedagogical features of management, legal aspect. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*. 2021; 3:79-85 [In Russian]. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-3-79-85.
8. Dumina E.V. Cooperation in the field of high technologies: a new stage of integration of Russia and South Ossetia. *Rossija: obcshchestvo, politika, istorija* [Russia: society, politics, history]. 2023; 2(7): 186-203 [In Russian]. DOI: 10.56654/ROPI-2023-2(7)-186-203.
9. Kardanova A.K. Theoretical and practical aspects of the realization of the right to education by citizens of the Republic of South Ossetia. *Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. 2015; 3 [In Russian].
10. Kasatkin P.I. Reform of Russian education: conservatism vs. Liberalism. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man]. 2017; 6 (5A):93-103 [In Russian].
11. Kovalenko S.A., Oberemko O.A. Interim results of the liberalization of higher education in Russia. *Bulletin of the RUDN, series "Sociology"*, 2009; 3 [In Russian].
12. Komleva V.V. Internationalization of higher education as a provoking factor of competition of national educational systems. Russia and the world: dialogues. Materials of the scientific and practical conference (Moscow, April 24, 2017). Moscow: Publishing House "Scientific Library", 2017:57-77 [In Russian].
13. Komleva V. V. Contradictions of the internetization of higher education. *Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. 2017. 12 (6):469-477 [In Russian].
14. Komleva V.V. Russia in the context of new global trends in the internationalization of higher education. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2017; 12 (6):13-34 [In Russian].
15. Kochieva Zh.G., Tuaeov A. A., Bukulova V. M. International legal foundations of cooperation between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation in the field of education. *Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management*. 2022; 61:27-34 [In Russian].
16. Markedonov S. De facto formation of the post-Soviet space: twenty years of state building. Analytical reports of the Caucasus Institute. Yerevan: Caucasus Institute, 2012; 5 [In Russian].
17. Sinagatullin I.M., Usmanov S. M. The challenge of globalization: the transition from the classical to the information paradigm of education. *Bulletin of the Birsky branch of Bashkir State University*. 2019; 4: 44-50 [In Russian].
18. Filippov V.M. Internationalization of higher education: main trends, problems and prospects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2015; 3: 203-211 [In Russian].
19. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Globality and identity in the theory of international relations. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relations series*. 2022; 1: 7-16 [In Russian].
20. Shafranov O.I., Ermolenko L.P., Tskhovrebova K.A. The role of the Russian Federation in the preservation and development of the education system of South Ossetia (1992-2008). *Gumanitarnyye i sotsialno-ekonomicheskiye nauki* [Humanities and socio-economic sciences]. 2019; 4 (107): 69-73 [In Russian].
21. Knight J., De Wit H. Strategies for Internationalization of Higher Education: historical and conceptual perspectives. Strategies for Internationalization of Higher education: a comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America / De Wit H. ed.) Amsterdam: European Association for International Education, 1995: 5-33 [In Russian].

About the authors

Anna L. GAGIEVA. Senior lecturer at the Department of Political Science and Sociology of the South Ossetian State University named after A.A. Tibilova. <https://orcid.org/0009-0009-2124-1552>. Address: 8, Putina street (former Moskovskaya street), Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia. anna_gagieva@list.ru

Valentina V. KOMLEVA. DoctSc.(Sociol.). Professor. Deputy Director for Scientific Work, National Research Institute for the Communications Development. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation, komleva@nicrus.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: December 12, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы
Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure
Social Institutions and Processes

Элементы архаического порядка по-разному «живут» и «ведут» себя в настоящем в различных национальных культурах... по-разному проявляются и в различных сферах общественной жизни, деятельности.

Егоров В.К.

К вопросу об актуализации архаики

...Большинство армянских пользователей социальных сетей, а именно 60%, выражают в основном недоверие к информации, получаемой из данного источника. В то же время 32% опрошенных имеют склонность доверять социальным сетям в определенных случаях.

Карапетян А.А.

Популярность и использование социальных сетей среди армянских пользователей

С одной стороны, дипломатические отношения разорваны, грузино-российский конфликт по вопросу Абхазии и Южной Осетии не урегулирован, Грузия поддерживает сторону Украины в СВО, Россия объявлена агрессором, партнерами и союзникам Грузии являются недружественные России страны, Грузия стремится в ЕС и НАТО. С другой стороны, растет товарооборот между странами, развиваются бизнес-контакты, восстановлено авиасообщение, продолжаются коммуникации по линии церкви, поддерживаются гражданские коммуникации, грузинская молодежь обучается в вузах России, в том числе по квотам Правительства РФ.

Цихелашвили Н.Ш., Гикашвили Г.В., Сихарулидзе А.Т., Хотивришвили А.А.,

Цопурашвили Г., Рцхиладзе Г.

Общественные процессы в современной Грузии: есть ли потенциал для развития российско-грузинского сотрудничества?

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.01

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

К вопросу об актуализации архаики

Владимир Константинович Егоров✉

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

vk_egorov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>

Аннотация. В статье рассматриваются в определенном смысле доминирующие подходы к осмыслению феномена актуализации архаики в отечественной гуманитаристике. Некоторые исследователи, анализирующие то, что часто именуется архаизацией современных обществ, с позиций политологии и истории, философии истории, политики, культуры и религии, выдвигают концепции, в том числе концентрирующиеся на поиске «точек отсчета», ключевых факторов, определяющих тенденции развития чуть ли не всех стран, народов, цивилизаций. При этом, например, А.С.Ахизер и Б.М.Кондорский исходят из наличия у них во многом не совпадающих базовых оснований. В то же время все большую поддержку специалистов получают идеи, базирующиеся на необходимости исходить из того, что следует рассматривать актуализацию архаики как часть актуализации культурно-исторического, культурно-национального наследия народов с непременным учетом своеобразия их исторического, культурно-цивилизационного развития. Среди авторов, придерживающихся этой исследовательской, философской парадигмы, следует отметить В.Г.Федотову, А.А.Беломыщеву, В.Б.Земскову, А.В.Рубанову, А.П.Ситникову, М.С.Уварова и др. В известном смысле в этой парадигме идет также разработка проблем, связанных со спецификой трансформации, модернизации ценностей культурного наследия, включая архаику, в политике и экономике, в социальной сфере, с существенным влиянием на эти процессы этноконфессиональных и цивилизационных особенностей, характерных для различных регионов мира. В авторских размышлениях, в выводах формулируется видение наиболее перспективных путей развития рассматриваемых явлений.

Ключевые слова: архаика, актуализация культурного наследия, политика, цивилизационные и национальные особенности

Для цитирования: Егоров В.К. К вопросу об актуализации архаики // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 86-101, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

On the Actualisation of Archaics

Vladimir K. Egorov✉

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

vk_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>

Abstract: The article examines the dominant methods in Russian humanities for understanding the phenomenon of actualization of the archaic. Some researchers, when analyzing the archaization of modern societies from the perspective of political science and history, philosophy of history, politics, culture and religion, put forward concepts that focus on the search for key factors that determine the development trends of almost all countries, peoples, and civilizations. At the same time, for example, A. S. Akhiezer and B. M. Kondorsky proceed from non-coinciding basic foundations. More and more experts believe that it is necessary to consider the actualization of the archaic, taking into account the uniqueness of their historical, cultural and civilizational development. Among the authors adhering to this research, philosophical paradigm, it should be noted V. G. Fedotov, A. A. Belomytseva, V. B. Zemskova, A. V. Rubanova, A. P. Sitnikova, M. S. Uvarova and others. A study is underway of the specifics of transformation and modernization of cultural heritage values, including archaics, in politics and economics, in the social sphere, and the influence of ethno-confessional and civilizational characteristics of various regions on these processes. Reflections and conclusions formulate a vision of the most promising ways of developing the phenomena under consideration.

Keywords: archaic, cultural heritage actualisation, politics, civilizational and national peculiarities

For citation: Egorov V.K. On the Actualisation of Archaics. Russia & World: Scientific Dialogue, 2024. 1(11): 86-101, [doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-86-101](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-86-101)

Введение

Проблемы бытования архаики, а также сущности и особенностей того, что именуется «архаизацией» современных обществ, активно обсуждаются в научном сообществе, концентрировано присутствуют в политическом дискурсе. Среди насущных научных и практических вопросов, находящихся в поле притяжения «архаической» проблематики, есть требующие отдельного внимания. По крайней мере, это необходимо по следующим обстоятельствам. Во-первых, сами обращения к разнообразным проблемам, объединяемым понятием «актуализация архаики», как бы «по инерции» часто находятся в плену изначально заданного негативного толкования; во-вторых,

многие идеи, приглашающие к более углубленным исследованиям, по существу, игнорируются, главное же – требуется развитие, осмысление предложений, концепций, базирующихся, сформулируем так, на панорамном цивилизационно-страновом подходе к тому, что входит в это тематическое поле.

Материалы и методы

В статье рассматриваются идеи, концепции, содержащиеся в публикациях философов, культурологов, социологов, политологов, историков, религиоведов, экономистов, посвященных проблемам сущности архаики, культурно-исторического наследия, различных трактовок актуализации этих феноменов, смежным темам, во многом определяющим позиции авторов. Теоретико-методологической основой работы послужили общенаучные принципы исследования прошлого и настоящего ценностей культуры, бытования социальной реальности, системный подход, методы сравнительно-сопоставительного анализа, всесторонности и др. Следует отметить приверженность принципам историзма, историко-философского анализа, методам герменевтики, структурализма, логического и критического анализа.

Результаты исследования

Прежде всего следует подчеркнуть, что необходимость культурно-национального, цивилизационного, регионального (историко-культурно-географического) «измерений» исторического развития, современных проблем, что называется, произрастающих из прошлого, безусловно, хорошо осознается специалистами. В примерах из прошлого, иллюстрирующих те или иные суждения, недостатка нет, поскольку в диалог прошлого и настоящего укладывается чуть ли не все, что именуется наследием, исходящими из него импульсами, наполняющими жизнь человека, социальных групп и сообществ, народов и стран. Однако трактовка явлений, связываемых с актуализацией архаики, почти неизменно политизируется. Что же касается «моделей» актуализации культурно-исторического наследования, специалисты вполне оправданно концептуализируют следующим образом: «...Эволюционный, указывающий на рост многообразия и дифференциацию культурных образцов, или волновой (дискретный тип наследования), когда интерес к тем или иным объектам прошлого то нарастает, то падает по шкале от полного забвения до максимального интереса» [19, с. 13]. В реальности, разумеется, присутствуют их разнообразные модификации.

Следует подчеркнуть и то, что это предметное поле тесно переплетается с рассмотрением проблем, связанных с такими феноменами, как архетипы, менталитет, язык, коды и память культуры. Публикаций, посвященных исследованию данных явлений, немало [1]. Приглашение к более углубленному изучению содержат, например, размышления М.Ю.Гуровой и М.Ю.Андреева над сущностью и проявлениями феномена

«культурные коды»: «...Культурный код может пониматься и как система архетипов коллективного бессознательного культуры, и как система осмысленных в культуре переживаний, и как система устойчивых художественных приемов и мнемотехник» [7, с. 156]. А вот суждения И.А.Николайчук, Т.С.Яковой и М.М.Янглевой: есть возможность «построения иерархических систем культурных кодов: глобальные, региональные, локальные, а также анизотропный характер таких систем». Исходя же из материалов, посвященных изучению региональных, культурно-национальных особенностей культуры, они замечают: «Чем в большей степени региональные социумы сохранили черты традиционности, чем меньше... сопряжены с западной цивилизацией, тем сильнее там тяга, личный интерес к вечным чувствам... непреходящим этическим метасмыслам» [16, с. 51, 60]. Так или иначе, налицо потребность в изучении, осмыслении упомянутых сложных и не изолированно существующих явлений.

Общепринято считать, что под «архаикой» имеется в виду в искусствознании этап развития древнегреческого искусства или же в целом – ранний, древний этап развития того или иного явления. Но относительно второго прочтения возникает отнюдь не праздный вопрос: а какие явления с их многочисленными модификациями следует относить к этапам ранним, древним и как квалифицировать их модернизовавшиеся состояния, качества? Как их оценивать, если они не музеефицировались, сохраняя в действующем состоянии (разумеется, в различных формах) чуть ли не изначальные свойства? Изначальные, до нас дошедшие из древности. Кроме того, нельзя же по-прежнему недооценивать тот факт, что, казалось бы, сходные элементы архаики по-разному перетекают в систему традиций и по-своему актуализируются в разных культурах.

До последнего времени к достаточно популярной, так сказать, «архаизационной» концепции можно было отнести предложенную А.С.Ахиезером. Ее суть: «Архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающей сегодня возросшей сложности мира... Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой структурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Развитие не являлось их культурной ценностью... Архаизация – это всегда попытка уйти от сложности медиации и вернуться к простоте господства инверсии. Это явление не выступает в чистом виде, но всегда хаотически смешано с достижениями последующего развития и может нести разрушительные последствия, масштабы которых могут расти при усложнении общества. Архаизация охватывает мысль, массовое практическое действие... Архаизация переходит из формы культуры в форму массового социального поведения... Она может принять форму архаизации культуры отдельных элитарных групп, включая правящую элиту... Столкновение архаизации и прогресса происходит прежде всего между культурными ценностями, формами образа жизни..., ориентирующимися или “на статику”, или “на динамику” и т.д. Отмечается и особое значение мифотворчества, распространения предрассудков, формирования “гибридных форм культуры”,

“искусственных мифов (идеологии)” в политике, экономике, общественной жизни, науке» [4, с. 90-91, 93-95, 97-99].

«Модель», построенная на наличии в истории чуть ли не все и повсеместно определяющих «точек отсчета» («догосударственная жизнь», «доосевая культура»), привлекательна, по-своему логична. Она представлена автором преимущественно «с опорой» на его прочтение российской истории. При наложении же «матрицы», базирующейся на толковании феномена «догосударственной жизни», на историческое развитие других стран, регионов возникают проблемы, связанные с ее концептуальной несовместимостью с разнообразными «догосударственными» историями, особенностями обретения государственности и т. д. Аксиоматично, что наличествует большое культурно-цивилизационное разнообразие становления, развития, трансформации самого феномена «государственность» на Востоке и Западе, на Севере и Юге, в колониальных метрополиях и у колонизированных народов. Да и отмеченные укрупненные историко-географические и культурно-цивилизационные ареалы внутри себя однообразны весьма относительно.

Более аргументированно выглядит такая «точка отсчета», как доосевая история и культура. Вводя это понятие, «К.Ясперс назвал осевым временем мировой истории эпоху VII–II вв. до н.э. (на территории от Тихого океана до Атлантики), оценив ее как водораздел между инерцией доосевого традиционализма и осознанием возможности самостоятельного ценностного выбора при одновременной ответственности за него... Совершенно новым социальным явлением стало отрицание предельно жестких требований родовой, этнической или сакральной общности и обращение к человеку с призывом преодолеть инерцию сложившейся практики бытия, самому осуществить ценностный выбор...». Отметив эти известные положения, А.В.Рубанов правомерно заостряет внимание на том, что истоки новых ценностных ориентаций следует искать в зороастризме, в древнеиндийской философии, в буддизме, даосизме, конфуцианстве, в греческой философии и затем в христианстве, исламе. «Сформулированные тогда новые жизненные ориентиры стали базовыми ценностными координатами человеческой жизни на протяжении всего исторического времени и остаются такими для современного общества» [18]. Необходимо при этом заметить, что наложение «матриц», основывающихся на всевозможных «рубежных поворотах», на истории отдельных стран, требует практически всегда уточнений, оговорок. Плодотворнее все-таки предпочесть достаточно абстрактным схемам размышления над своеобразием векторов странового, регионального, цивилизационного развития. А векторов движения к «столбовой дорожке» развития человеческой цивилизации немало. Да и что из себя представляет «столбовая дорожка»?

Культурно-исторический и одновременно «географический» «угол зрения» при обращении к проблемам, именуемым архаизацией, конечно, присутствует, но не столь сфокусированно, как буквально напрашивается. Прав М.С.Уваров, который при анализе отечественных и зарубежных исследований по культурной географии выделяет существенное: «Проблемы соотношения культуры и пространства, их взаимодействия оказываются чрезвычайно актуальными как в сфере научного поиска

различных гуманитарных дисциплин (культурология, политология, история, филология, психология и др.), так и в сфере непосредственной практической деятельности человека – будь то охрана культурного и природного наследия, внешняя и внутренняя политика государства, международные отношения, социально-экономическое развитие различных регионов и стран» [22]. Кроме того, В.Н.Стрелецкий и А.С.Горохов, акцентируя внимание на вопросе о «соотношении этнической и региональной идентичности в полиэтнических регионах», отмечают и то, что «конфессиональная география – для России новое направление культурной географии, приобретшее большую актуальность в постсоветский период в условиях возрождения религиозной жизни в стране, отличающейся исключительной сложностью и мозаичностью конфессионального состава населения» [21]. С учетом же пространственного, этнонационального, конфессионального своеобразия России многие наблюдения, выводы, базирующиеся на отечественной почве, приобретают более широкое звучание, особенно в диалоге с процессами, происходящими, нарастающими в современном разнообразном мире.

На многие из затронутых проблем еще десятков лет назад обратила внимание В.Г.Федотова, чьи суждения, однако, были недооценены. Она буквально формулировала: «...Архаическое существует в обществах любого типа – и традиционного, и современного, как остаток, рудимент прошлого опыта, черта сложившегося архетипа...». Более того, «при всей реакционности... архаические начала являются ответом людей на не достигающие их проекты и программы... При этом революционеры и не успешные реформаторы не берут на себя ответственность за архаизацию, всецело приписывая ее негативным качествам народа... Но происходящая сейчас повсюду в мире десекуляризация имеет множество общих причин. Среди них глобализация, создавшая глобальный рынок, но не устранившая локальных культур и религий и их значимость для народов. Модернизации перестали быть догоняющими Запад, они стали использовать все приемлемые позитивные образцы, найденные как на Западе, так и на Востоке. Они приняли национальный характер, осуществляясь с учетом локальных культур. Модернизации происходят в координатах, задаваемых социальным, культурным, человеческим и символическим капиталами стран, осуществляющих их... Таким образом, управление архаизацией – это управление модернизацией и возвращение прошлого в формах, не уничтожающих настоящего» [23, с. 26-30, 36]. Это и есть сущностное видение вариантов архаизаций, приглашение к обсуждению, не перегруженному политико-идеологическими стереотипами.

Хотелось бы обратить внимание и на содержательную статью А.А.Беломищева. Обобщая идеи В.Д.Лаза, Ч.К.Ламажаа, В.И.Пржиленского и И.Б.Пржиленской, он трактует архаизацию объемно: как переработанную антимедиацию, конфликтную реакцию на соответствующую модернизацию; «выражение стремления к возврату к старым, доказавшим свою эффективность идеям»; «достаточно широкий спектр действий в политике, управлении, экономике, культуре», который, как правило, трактуется как «возврат к принципам функционирования традиционных обществ», но следует «разграничивать понятия архаизации и традиционализма», поскольку они

«отличаются обращенностью к разным пластам традиций – архаическому и любым (включая архаические) соответственно»; «архаизация не носит исключительно реактивного характера и проявляется не только в обществах с «догоняющей» экономикой, но и в развитых странах; не следует упрощать «оппозицию «модерн – демодернизация», поскольку архаизация «никогда не предстает в чистом виде, в большей или меньшей степени сопровождая инновационные процессы»; «процессы архаизации не следует рассматривать исключительно в негативном ключе. Механизмы архаизации предполагают защиту от энтропийных процессов..., обеспечивают стабилизацию общественной жизни на консенсусных, пусть и относительно более примитивных основаниях»; «именно сохранение социального архетипа, выраженного в традиционной духовности, оберегает социум от деструктивных проявлений архаизации, вместе с тем способствуя успешной модернизации и экономическому процветанию общества (яркий тому пример – модернизационный рывок так называемых «азиатских тигров»)»; архаизация есть «процесс исторически неизбежный, но вместе с тем поддающийся управлению»; наконец, у того же современного экстремизма «двойкий источник», и его надо рассматривать «в качестве ответа как на модернизацию, так и на архаизацию общества» [6, с. 68-73].

Перспективны и недооценены суждения В.Б.Земскова, также достаточно давно предложенные научному сообществу: «Культура, ментальность, сознание в каждый момент своего исторического бытия хранят “готовыми” к действию все пласты изначального и позднее созданного: архаическое, традиционное, модерное... Срединный член триады – традиционное – это некогда модерное, возникшее из архаики во взаимодействии с инновациями и ставшее нормативностью, “державшей” систему» [11, с. 224, 223]. В русле подобных подходов лежит и недавняя публикация А.П.Ситникова. В основу его видения в известном смысле положены идеи В.Г.Федотовой, «рассматривающей архаизацию как нечто укорененное в культуре и психике народа и оживающее в период радикальных реформ и социальных потрясений», и В.М. Хачатурян о том, что «в ряде случаев... архаизация может рассматриваться как необходимость, вызванная самой реальностью, и в этом аспекте она предстает в виде социального механизма выживания, самосохранения общества» [20, с. 95]. В его, как он определяет, «методологическом конструкте» архаизация трактуется в качестве «одного из модусов развития социокультурной системы в эпоху трансформации». Источником таких процессов, как «архаизация, традиционализация и модернизация... выступает традиция, трансформация которой и порождает данные процессы, рассматриваемые как модусы традиции – субстанции социокультурной системы, обеспечивающей воспроизводство и сохранение культуры общества. В зависимости от степени разрушения традиционных устоев и основ жизнедеятельности общества и адекватности внедряемых инноваций, их органичности социокультурным корням социума в нем доминируют архаические, традиционалистские или модернистские процессы. В свою очередь архаизация может принимать две основные формы (модусы) – реархаизации и неоархаизации. Эти модусы возникают в результате пересечения в обществе процессов традиционализации и модернизации... Все зависит от кон-

кретной социокультурной ситуации и реализуемых в пространстве социокультурной трансформации социальных практик архаизации, которые могут носить как стихийный, иррациональный, неосознанный, так и рациональный, осознанный характер» [20, с. 103]. Он также вводит такое понятие, как неотрадиционализация. Здесь есть пища для размышлений, тем более при проецировании таких подходов на реальную почву, в том числе на российскую.

Параллельно с отмеченными концептуальными предложениями не прекращаются и поиски «точек отсчета», поворотных исторических моментов, в том числе стимулирующих обращение активных социальных субъектов к пересмотру оценок прошлого. Б.М.Кондорский выделяет: «В основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций: неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Каждый этап характеризовался определенным типом социального (в широком смысле этого слова) пространства и сознания... Одной из основных задач революций было устранение носителей “старого сознания”... При этом преемственность с предыдущим периодом в определенном смысле препятствовала дальнейшему развитию и уровень такой преемственности играл существенную роль в сдерживании прогресса» [14, с. 85-86]. Ранее он писал, что суть его концепции «заключается в том, что все революции в отдельно взятом государстве составляют революционный период как систему, имеющую свои внутренние законы». В таких суждениях, конечно, есть потенциал для дальнейших исследований, но вряд ли можно согласиться с такими утверждениями: обращение к «традиционной культуре» в Китае, например, носит декоративный характер, а во всех «постсоветских государствах закономерности архаических социальных институтов в 1990-е гг. оказывали на процессы в экономической, политической и культурной сферах более значительное влияние» [13, с. 113, 114].

Особенности проявления архаизации, традиционализации анализируются и применительно к различным общественным сферам, социальным институтам, политическим структурам [9]. В этих подходах немало примечательного. Некоторые авторы правомерно акцентируют внимание на том, что на процессы архаизации и традиционализации существенное влияние оказывает феномен, именуемый взаимодействием бессознательного и сознательного и любые актуализируемые явления имеют двойную природу. Видимо, есть все основания утверждать, что, с одной стороны, бессознательное входит в их сущность, а с другой, бессознательное в них существует и как сознательно эксплуатируемые качества, как то, на что воздействуют, чем управляют, причем само это управление постоянно модифицируется. Как заметил английский социолог З.Бауман, новые общества – это не что иное, как «текущая современность», в которой налицо уход от прошлого и кажущаяся утрата идентичности, обретение новой по новым «лекалам». «Подчинение стандартам теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения» [5, с. 94]. Вместе с тем здесь все же напрашивается уточнение и речь надо вести лишь об особых видах принуждения посредством сознательного обращения к бессознательному.

Все отмеченное непременно, как и все в наше время, примыкает к широкому спектру проблем, связанных с цифровизацией. В самом общем виде они выходят на

явление виртуализации, на взаимодействие виртуального и реального. Однако, что не очень объяснимо, в большинстве случаев сопряжение этих актуальных проблем остается пока за пределами дискуссий о бытовании архаики в современном мире, о вариантах архаизации или традиционализации. Известно, что вторжение «цифры» в повседневность происходит в самых различных областях личной и общественной жизни посредством возможностей и особенностей многочисленных акторов, компонентов информационной сферы, культуры и искусства и т.д. В данном случае выделим среди публикаций статью С.Чжэн, в которой по ходу размышлений над такой новой формой медиаискусства, как иммерсионное, автор отмечает, что оно «преодолевает разрыв между временем и пространством, между произведением и зрителем, между реальностью и виртуальностью» и перед нами наличие четырех реальностей, этим видом искусства создаваемых. Речь идет о виртуальной реальности, относящейся к «компьютерному созданию и моделированию виртуальной среды», о дополнительной реальности, отличающейся от «виртуальной реальности тем, что она должна зависеть от реального окружения», о реальности смешанной, которая «содержит в себе как виртуальную, так и дополнительную реальность и может пониматься как новая среда виртуализации, возникающая в результате слияния виртуального и реального миров», и о расширенной реальности, под которой понимается то, что создается «комбинацией названных выше технологий» [24, с. 378-379].

Думается, что мы подошли к этапу концентрированного и предметного осмысления специфики пребывания архаических начал, традиционных ценностей в «нетрадиционных» до последнего времени средах. При этом тот же С.Чжэн выделяет весьма существенное для понимания возникающих здесь проблем. Он, что в определенном смысле знаменательно, отталкивается от особенностей актуализации современными техническими средствами шаманской культуры, но в его размышлениях внутренне, органично присутствует и более широкий спектр феноменов культурно-исторического наследия. Автор отмечает, что «в процессе создания произведений иммерсионного искусства художники имеют собственное понимание шаманской культуры и не могут воспроизвести шаманские ритуалы, поэтому возникает проблема невозможности интерпретировать культурный подтекст и показать глубину богатой традиционной шаманской культуры... С точки зрения распространения шаманской культуры это может привести к неправильной интерпретации ее основных элементов... Прimitивные религиозные ритуалы сохраняют некоторые фрагментарные «архетипы» и являются моделью для осознания происхождения вещей и инициализации духовных эмоций» [24, с. 377, 382]. Возникает при этом вопрос, во-первых, об адекватности подобных модельных интерпретаций изначальным смыслам, ценностям, а во-вторых, о характере этих модификаций и их разнообразном воздействии на сознание и поведение людей в настоящем.

Влияние новых технологий на различные сферы жизни и деятельности человека, общества – многогранное научно-практическое поле. И все большее значение здесь приобретают вопросы гуманитарно-правовой реакции обществ, цивилизации на возможности, вызовы и риски цифровизации. Затронем лишь один аспект пробле-

мы. Так, обратившись к вопросам особенностей правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в различных странах, Ли Яо, также опираясь на мнение китайских специалистов, помимо прочего, отмечает: «Сервис генеративного ИИ обладает сильным автономным качеством, и даже если обрабатываемые данные получены из достоверных и точных источников, нельзя исключать генерации ложной информации в результате алгоритмической интеграции данных на основе сервиса генеративного ИИ. Ещё риски заключаются в том, что в базовой структуре данных генеративного ИИ ныне преобладают англоязычные данные, и выходной контент неизбежно имеет иное понятие об истории и культуре неанглоязычных стран, таких как Китай и Россия, и порой генерирует неправдивую информацию. В этом случае население может подсознательно изменить свое долгосрочное понимание традиционной культуры и национальных особенностей после длительного получения ложной информации, содержащей ценностные предубеждения. Если генеративный ИИ будет использоваться в когнитивной войне на национальном уровне, то это создаст угрозу подрыва национального суверенитета... Как сочетать верховенство закона и инновации и способствовать здоровому развитию и стандартизированному применению генеративного ИИ – это значимый вопрос, стоящий перед законодателем» [15, с. 249, 264].

Среди активно обсуждаемых проблем управления архаизацией и традиционализацией на первенство, видимо, претендует тема политических доминант. Вместе с тем нельзя не заметить, что не только с целями, но и с механизмами управления этими процессами, их эксплуатацией многочисленными политическими субъектами ясность все-таки имеется. Сложнее, кажется, с экономикой, поскольку чуть ли не закрепилось убеждение, что нам известны и общие закономерности прогрессивного экономического развития, и пути, формы, методы их освоения различными странами. Нередко, кажется, даже представляется, что экономика – наиболее универсальное направление общецивилизационного развития, менее других зависящая от «посторонних» для нее, т.е. внеэкономических, влияний.

Сюжет, предлагаемый вниманию, может быть поименован так: «“Эффект колеи”, проблема зависимости от траектории предшествующего развития». Это из названия статьи А.А.Аузан. В ней известный отечественный экономист на основе сравнительного анализа траекторий и результатов развития различных стран отмечал, что в управлении экономикой наличествует и имеет немалое значение феномен «ретрансляции культуры»: «Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а “устойчивой колеей” ее делает культура», и это «гипотеза, имеющая некоторые основания» и т.д. [2, с. 8, 11]. В курсе же лекций, изданном позднее, А.А.Аузан, анализируя то, как «срабатывают» те или иные гипотезы, прогнозы в различных культурно-цивилизационных средах, сформулировал иначе. Проблематику социокультурной экономики, по его мнению, «можно изложить с помощью пяти тезисов», к примеру, таких: «Существуют экономические явления, которые не удается объяснить другими факторами, кроме культурных»; «с точки зрения теории неформальных институтов культуры – это ценности и поведенческие установки, разделя-

емые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени»; «культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами». В целом же мире в ходе исторического развития вообще «...никакой конвергенции, которую предсказывали теоретические модели, не происходит – происходит дивергенция» [3, с. 8, 128]. И в подобных заключениях присутствуют содержательные интенции для трансформации некоторых подходов к рассматриваемой проблематике.

Отдельно следовало бы выделить и следующее, казалось бы, очевидное. Реально оценивать человека, различные социальные общности, их поведение и стереотипы, национальную психологию, культуру, традиции можно лишь памятуя о том, что окружающая действительность во всем своеобразии ее формирования, богатстве характерных черт и их оттенков и т.п. познается, осмысливается не только научными методами, но и художественными. В.И.Вернадский вообще утверждал, что «отделение научного мировоззрения и науки от... деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно...» [8]. Исходя именно из такого понимания следует говорить о том, что и дальнейшее изучение рассматриваемых в статье вопросов будет продуктивнее, если продолжение их разработки будет сопровождаться в том числе выведением на новые горизонты. Иначе «штампы», ставшие привычными, не преодолеть. М.С.Каган справедливо утверждал: «Духовное содержание бытия человека не поддается, во всей его реальной полноте и целостности, научно-теоретическому познанию...» Искусство обладает возможностями познания духовных начал в их «реальной конкретности, недоступных в этом своем экзистенциальном качестве аналитической мысли, не только научной физиологии, но и психологической науке, не только методам социологии, но и этики» [12, с. 10]. Находясь же в русле обсуждаемых проблем, следует подчеркнуть, что все это об умении обращаться с наследием прошлого. Как прекрасно сформулировал Й.Хёйзинга, история – «это духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом».

Выделю специально и такой важный аспект рассмотрения обсуждаемых проблем, как изучение содержания культурных политик. Это большая самостоятельная тема и коснусь лишь вопроса о некоторых особенностях культурных политик разных стран. Так, в содержательном обзоре Лаборатории исследований культуры НИУ ВШЭ отмечается, что «в сфере культурной политики, более чем в любой другой сфере общественной жизни существует проблема несоизмеримости национальных политик, обусловленная различным исторически сложившимся и институционально фиксируемым... толкованием понятия “культура”, смысловым целеполаганием культурной политики как таковой». Весьма показателен и такой вывод: «Культурная политика выходит за привычные границы области, связанной с традиционно понимаемым искусством и творчеством, все более активно формируются программы, сопрягающие ее с другими сферами социальной жизни: экономикой, образованием, политикой (сохранение культурной идентичности, обеспечение равных прав различных социальных и культурных групп и др.)... управлением средой и сохранением различных типов социокультурных сообществ» [10]. Зависимость же от «официальной философии» куль-

турной политики, по меньшей мере «перекличка» с ней, политической практики, информационного контента и проч. сомнений не вызывает. А варианты актуализации архаики, тем более ее элементов, трансформировавшихся в традиции, присутствуют в политике и внутренней, и внешней, и – пожалуй, достаточно концентрированно – в информационной. В политике же, как известно, практически все определяется представлениями, интересами, ценностями, доминирующими во властвующих структурах – в госорганах, в бизнесе, в институтах гражданского общества, целенаправленно формирующимися и господствующими в массовом общественном сознании.

Наконец, нельзя не остановиться и на таком ракурсе рассмотрения затрагиваемых вопросов. Он, где явственно, где подспудно, фокусируется на проблемах своеобразия, отличительных черт цивилизаций и их взаимоотношений. И поэтому достаточно показательными представляются смысловые предпочтения в продолжающихся на Западе дискуссиях вокруг идей С.Хантингтона о столкновении или же сотрудничестве цивилизаций. В них, например, примечательно, что «...большинство западных специалистов... не уделяют особого внимания его (Хантингтона. – В.Е.) авторскому определению “цивилизации” и не признают активную роль цивилизации в отношении государства, смещая фокус своих исследований на столкновение политических, экономических и социальных интересов стран, их населения и политических лидеров». Это из неординарной статьи молодого исследователя К.В.Раковой, в которой приводится также такое мнение британского ученого и бывшего египетского журналиста Э.Айша: «...Чувство национальной идентичности у населения США не подкреплено многовековой историей или этнической принадлежностью... Идентичность граждан США, их коллективное “мы” основывается на политических ценностях..., а также на идеологии... Отсюда появляется необходимость во внешнем противнике в лице государства, региона или идеологии...» [17, с. 24, 28-29]. И после подобных наблюдений становится понятнее, даже нагляднее, почему в этих дискуссиях нет должного уважения к позиции самого их «инициатора», т.е. Хантингтона: «...Люди разных цивилизаций, – утверждал именитый ученый, – по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, и имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем» [17, с. 22]. А ведь не секрет, что приверженность или отторжение ценностей, перечисляемых Хантингтоном, и лежат чаще всего в основе деления стран, народов и культур, цивилизаций на современные и архаичные или архаизирующиеся.

Выводы

В заключении в качестве продолжения ранее сформулированных оценок и выводов необходимо еще раз подчеркнуть, что исповедовать традиционализм – не значит заниматься архаизацией. «Архаизацией» именуется чуть ли не все, стоящее

за традиционализмом, именно в политико-идеологических целях. Вместе с тем архаизация – лишь компонент актуализации нематериального культурного наследия. Актуализации как вида модернизационных изменений, имманентно присутствующего в культурно-историческом процессе. Элементы архаического порядка по-разному «живут» и «ведут» себя в настоящем в различных национальных культурах. Традиционные начала, включающие в себя устойчивые, сохраняющиеся, архаические, по-разному проявляются и в различных сферах общественной жизни, деятельности. Ведь в этом ряду, увы, не только феномены, без которых немислим продуктивный диалог наследий, культурно-исторического опыта, но и те или иные идеологии, «ценностные» предпочтения, действия различных квазикаультурных и квазирелигиозных объединений, сатанинских организаций, новообразований, группирующихся вокруг «изводов» гендерных отношений или «групп влияния», паразитирующих на них, подобных им и т.д. Нельзя не отметить и то, что многие активные субъекты нынешней общественно-политической деятельности пользуются идеями, представлениями, инструментами воздействия, заимствованными из архаики, причем при поддержке (прямой или косвенной) институтов современной демократии. Потому особый интерес представляет изучение всего «архаизационного пакета» через призму традиционных и новых явлений в культурах национальных, этнических, светской и религиозной, народной, массовой и элитарной, сельской и городской, в субкультурах социально-демографических, профессиональных и т.д. И своего рода координирующая роль в подключении к этой работе арсенала различных отраслей гуманитарного знания должна, видимо, принадлежать регионоведению, страноведению.

Список источников

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение [Codes of culture: essence and purpose]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie>
2. Аузан А.А. «Эффект колес», проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез [“The track effect”, the problem of dependence on the trajectory of previous development – the evolution of hypotheses] // Вестник Московского университета. Серия 6: «Экономика». 2015. № 1.
3. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру [Socio-cultural economics: how culture affects the economy and the economy affects culture]. М.: Эконом. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021.
4. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) [Archaization as a category of social sciences (based on the experience of Russia)] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1.
5. Бауман З. Текучая современность [Fluid modernity]. URL: <https://coollib.com/b/427264-igmunt-bauman-tekuchaya-sovremennost/ready?scld=lgw69wl5o2842700521>.
6. Беломищев А.А. Осмысление феномена социальной деструктивности с позиции теории архаизации в отечественном социально-философском дискурсе [Understanding the phenomenon of social destructiveness from the perspective of the theory of archaization in the domestic socio-philosophical discourse] // Философская мысль. 2021. № 4.
7. Гурова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения [The concept of «cultural code»: levels of meaning] // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2022. № 4.
8. Дробжев М.И. В.И. Вернадский о науке, философии и научном мировоззрении [V. I. Vernadsky on science, philosophy and scientific worldview]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-vernadskiy-o-nauke-filosofii-i-nauchnom-mirovozzrenii.pdf>.
9. Ерохов И.А. Постглобализация и политическая архаизация в России [Postglobalization and political archaization in Russia] // Мировая политика. 2020. №2.

10. Зарубежный опыт реализации культурной политики [Foreign experience in the implementation of cultural policy]. URL: https://meaia/75/ru/documents/14010/06_0_zarubejnyy_opyt_realizacii_kulturnoy_politiki?21pdf.
11. Земсков В.Б. Дисбаланс в системе взаимодействия архаическое – традиционное – современное как фактор культурной динамики [Imbalance in the archaic – traditional – modern interaction system as a factor of cultural dynamics] // Материалы Международной научной конференции. М.: Научный Совет по истории мировой культуры при Президиуме РАН, 2001.
12. Каган М.С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства [That is the Man... Life, death and immortality in the “magic mirror” of fine art]. СПб.: Издательство «Logos», 2003.
13. Кондорский Б.М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств [Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states] // История и современность. 2019. № 3.
14. Кондорский Б.М. Некоторые аспекты теории общественных систем [Some aspects of the theory of social systems] // История и современность. 2021. № 4.
15. Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае [Regulation of artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China] // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3.
16. Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом [Cultural codes in modern public space: meta-meanings and their consumption in Russia and abroad] // Вестник МПГУ. Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45).
17. Ракова К.В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона [Clash or cooperation of civilizations? Current assessments by Western experts of S. Huntington's concept] // Проблемы цивилизационного развития. Электронный журнал Института философии РАН. 2021. Т. 3. № 2.
18. Рубанов А.В. Ценности осевого времени [The values of axial time]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/1/4-8/pdf?ysclid=II7r1xhivf935322137>.
19. Селезнева Е.Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия [Theoretical and methodological problems of actualization of cultural heritage] // Культурологический журнал. 2013. №2 (12). Электронное периодическое рецензируемое научное издание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-problemy-actualizatsii-kulturnogo-naslediya?ysclid=Iryopz9ofm12552514>.
20. Ситников А.П. Архаизация российского общества в фокусе научно-исследовательских практик и методологические параметры исследования [The archaization of Russian society in the focus of research practices and methodological parameters of research] // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 1.
21. Стрелецкий В.Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века [Specifics and trends of cultural geography development in Russia at the beginning of the XXI century]. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=izvgeo@y=2022@n==3@a=jzvGeo220301>.
22. Уваров М.С. Культурная география в культурологической перспективе [Cultural geography in a cultural perspective]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive>.
23. Федотова В.Г. Архаизация в современном мире [Archaization in the modern world] // Философские науки. 2012. № 5.
24. Чжэн С. Роль иммерсивных искусств в интерпретации традиционных феноменов культуры [The role of immersive arts in the interpretation of traditional cultural phenomena] // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 4.

Информация об авторах

ЕГОРОВ Владимир Константинович. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 84. vk_egorov@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avanesova G.A., Kuptsova I.A. Codes of culture: essence and purpose. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-suschnost-i-naznachenie> [In Russian].
2. Auzan A.A. "The track effect", the problem of dependence on the trajectory of previous development – the evolution of hypotheses. Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. 2015; 1 [In Russian].
3. Auzan A.A., Nikishina E.N. Socio-cultural economics: how culture affects the economy and the economy affects culture. Moscow: Economy. M.V. Lomonosov Moscow State University, 2021 [In Russian].
4. Akhiezer A.S. Archaization as a category of social sciences (based on the experience of Russia). Journal of Sociology and Social Anthropology. 2001; IV (1) [In Russian].
5. Bauman Z. Fluid modernity. Available from: <https://coollib.com/b/427264-igmunt-bauman-tekhuchaya-sovremtnnost/ready?sclid=lgw69wl5o2842700521> [In Russian].
6. Belomycev A.A. Understanding the phenomenon of social destructiveness from the perspective of the theory of archaization in the domestic socio-philosophical discourse. Philosophskaya mysl'. 2021; 4 [In Russian].
7. Gurova M.Yu., Yuan M. The concept of "cultural code": levels of meaning. Intellekt. Innovatsii. Investitsii, 2022; 4 [in Russian].
8. Drobzhev M.I. V.I. Vernadsky on science, philosophy and scientific worldview. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-i-vernadskiy-o-nauke-filosofii-i-nauchnom-mirovozzrenii.pdf> [In Russian].
9. Erokhov I.A. Postglobalization and political archaization in Russia. Mirovaja politika, 2020; 2 [In Russian].
10. Foreign experience in the implementation of cultural policy. Available from: https://meia/75/ru/documents/14010/06_0_zarubejnyy_opyt_realizacii_kulturnoy_politiki?21pdf [In Russian].
11. Zemskov V.B. Imbalance in the archaic – traditional – modern interaction system as a factor of cultural dynamics. Culture in the era of civilizational breakdown: Materials of the International Scientific Conference. Moscow: Scientific Council on the History of World Culture at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, 2001 [In Russian].
12. Kagan M.S. That is the Man... Life, death and immortality in the "magic mirror" of fine art. St.Petersburg: Logos, 2003 [In Russian].
13. Kondorsky B.M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states. Istorija i sovremennost', 2019; 3 [In Russian].
14. Kondorsky B.M. Some aspects of the theory of social systems. Istorija i sovremennost'. 2021; 4 [In Russian].
15. Li Yao. Regulation of artificial intelligence in the UK, USA, European Union and China. Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2023; 3 [In Russian].
16. Nikolaichuk I.A., Yakova T.S., Yanglyaeva M.M. Cultural codes in modern public space: meta-

meanings and their consumption in Russia and abroad. Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series "Philosophical Sciences". 2023; 1 (45) [In Russian].

17. Rakova K.V. Clash or cooperation of civilizations? Current assessments by Western experts of S.Huntington's concept. Problemy tsivilizatsionnogo rasvitiya. Electronic Journal of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 2021; 3 (2) [In Russian].
18. Rubanov A.V. The values of axial time. Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/1/4-8/pdf?ysclid=II7r1xhivf935322137> [In Russian].
19. Selezneva E.N. Theoretical and methodological problems of actualization of cultural heritage. Kulturologicheskij Journal. 2013; 2 (12). An electronic periodical peer-reviewed scientific publication. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretico-metodologicheskie-problemy-actualizatsii-kulturnogo-naslediya?sclid=Iryopz9ofm12552514> [In Russian].
20. Sitnikov A.P. The archaization of Russian society in the focus of research practices and methodological parameters of research. Humanitarij Yuga Russii. 2020; 9 (1) [In Russian].
21. Streletskiy V.N., Gorokhov S.A. Specifics and trends of cultural geography development in Russia at the beginning of the XXI century. Available from: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=izvgeo@y=2022@n==3@a=JzvGeo220301> [In Russian].
22. Uvarov M.S. Cultural geography in a cultural perspective. Available from: <https://ceberleninka.ru/article/n/kulturnaya-geografiya-v-kulturologicheskoy-perspektive> [In Russian].
23. Fedotova V.G. Archaization in the modern world. Philosophical sciences. 2012; 5 (in Russian)
24. ZhengS. The role of immersive arts in the interpretation of traditional cultural phenomena. Observatorija Culture. 2023; 20 (4) [In Russian].

About the author

Vladimir K. EGOROV. DSc (Philos.), Professor, Head of the UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0002-1070-6213> Address: 84, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation. vk_egorov@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 23, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.472.45

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-102-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-102-123)

Популярность и использование социальных сетей среди армянских пользователей

Анриета Араиковна Карапетян✉

Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения

anrieta.karapetyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0003-7410-8858>

Аннотация. В настоящее время активно ведутся споры о влиянии виртуальной (онлайн) коммуникации на реальную (офлайн) коммуникацию. Являются ли онлайн- и офлайн-коммуникации двумя дополняющими друг друга сферами или коммуникация в сетевом пространстве постепенно и полностью заменит реальную (офлайн) коммуникацию, в том числе в профессиональной и личной жизни современного человека? Если люди, оставаясь дома, занимаются своими повседневными делами, не взаимодействуя с другими членами общества, и это их устраивает, то они не будут прилагать усилий для создания социальных связей за пределами онлайн-сферы, и область реальных (офлайн) взаимоотношений полностью или существенно трансформируется. В статье рассматриваются распространение социальных сетей среди армянских пользователей и их разновидности, онлайн-и/или офлайн-коммуникационные предпочтения армянских пользователей в той или иной сфере жизни, в зависимости от возраста, пола и субъекта коммуникации. В результате исследования, проведенного методом анкетирования, был выявлен ряд предпочтений, на основе которых пользователи строят онлайн-коммуникацию. Особенности этих предпочтений рассмотрены как цели использования социальных сетей в Армении.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЕГУ в рамках научного проекта «Механизмы распространения и потребления фейковых новостей в социальных сетях», 2022–2024. Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва) для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, виртуальная среда, пространство онлайн и офлайн, социальные сети, пользователи

Для цитирования: Карапетян А.А. Популярность и использование социальных сетей среди армянских пользователей // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 102-123. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-102-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-102-123)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-102-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-102-123)

Popularity of Social Networks Among Armenian Users

Anrieta A. Karapetyan✉

Yerevan State University, Yerevan, Armenia

anrieta.karapetyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0003-7410-8858>

Abstract. Now there is active debate about the influence of virtual (online) communication on real (offline) communication. Do online and offline communications complement each other, or will online communication gradually completely replace real (offline) communication, including in the professional and personal life of a modern person? If people stay at home and go about their daily activities without interacting with other members of society and this suits them, then they will not make efforts to create social connections outside the online sphere, and the field of real (offline) relationships is completely or significantly transformed. The article discusses: the spread of social networks among Armenian users, online and/or offline communication preferences of Armenian users in one or another area of life, depending on age, gender and the subject of communication. As a result of the study, conducted by questionnaire, preferences were identified on the basis of which users build online communication, which determines the purposes of using social networks in Armenia.

The research was carried out with the financial support of Yerevan State University according to the scientific project “Mechanisms of dissemination and consumption of fake news in social networks”, 2022-2024. The article was prepared according to the International Academic Mobility Program, organized by the National Research Institute of the Communications Development for young scientists from foreign countries.

Keywords: virtual communication, virtual space, online and offline space, social media, social networks, users

For citation: Karapetyan A.A. Popularity of Social Networks Among Armenian Users. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 1(11): 102-123, [doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-102-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-102-123)

Введение

Статистика показывает, что наблюдается увеличение количества людей, активно участвующих в коммуникационных процессах, происходящих на различных онлайн-платформах во всем мире, включая Армению. На данный момент в мире социальными сетями пользуется 4,8 млрд человек, и только за последний год появилось 150 млн новых пользователей¹.

Поэтому социальные сети, как постоянно развивающаяся сфера, требуют их периодического изучения с целью выявления тенденций, обновлений, развития и обогащения информации в сфере последних научных достижений. Кроме того, для нас наиболее важным в изучении поведения пользователей является их коммуникативное поведение – предпочтения, стратегия, формы коммуникации в сетевом пространстве, в том числе и сравнение его с коммуникативным поведением в пространстве офлайн.

В статье разработаны и представлены концептуальные проблемы развития и распространения сетевых коммуникаций:

- функциональность виртуальных социальных сетей;
- статистика распространения и популярности различных социальных сетей, в том числе среди армянских пользователей;
- предпочтения и цели пользователей социальных сетей в Армении;
- коммуникативные предпочтения пользователей социальных сетей Армении при сопоставлении онлайн- и офлайн-коммуникаций.

Задача данного исследования – провести более тщательное изучение пользователей социальных сетей, анализ проведения которых может иметь стратегические цели, такие как определение особенностей аудитории с помощью специалистов по связям с общественностью, маркетингу или рекламе, учет ее поведенческих характеристик, формулирование и позиционирование целей коммуникации и разработка информационных стратегий, а также эффективное привлечение новой целевой аудитории.

В данной работе мы будем проводить разграничение между онлайн- и офлайн-коммуникациями. Под «онлайн-коммуникацией» мы понимаем передачу информации через различные интернет-платформы как в синхронном, так и в асинхронном контексте. В свою очередь, «офлайн-коммуникация» представляет собой передачу информации и/или различных знаков в реальном пространстве и времени при личной коммуникации².

Согласно точке зрения Маккенны и Барга, онлайн-коммуникация отличается от офлайн несколькими ключевыми особенностями: доступностью, нерегуляр-

ностью, идеализацией личности, уменьшением физических сигналов и анонимностью. Эти отличительные черты, по мнению авторов, способствуют облегчению коммуникации и препятствуют существованию барьеров, присущих офлайн-коммуникации³.

В настоящее время активно ведутся споры о влиянии онлайн-коммуникации на офлайн-коммуникацию. Являются ли онлайн- и офлайн-коммуникации двумя дополняющими друг друга сферами или коммуникация в сетевом пространстве постепенно и полностью заменит реальную (офлайн) коммуникацию, в том числе в профессиональной и личной жизни современного человека?⁴

Ряд исследований указывает на то, что онлайн-коммуникация способствует укреплению отношений в реальной жизни. Если отношения сформировались только через онлайн-платформы, без реальной коммуникации, то они остаются поверхностными и с течением времени существует вероятность, что они могут испортиться и прекратиться⁵.

Другие исследователи утверждают, что онлайн-коммуникация является фактором, способствующим улучшению отношений, развиваемых в контексте реальной коммуникации, то есть таких отношений, которые вначале были установлены вне Интернета⁶.

Критики утверждают, что онлайн-коммуникация не обеспечивает ощущения реальной жизни и реального взаимодействия. Исследования показывают, что у людей, уделяющих больше времени коммуникации в реальном мире, эмоциональная устойчивость значительно выше. Если виртуальная коммуникация становится преобладающей, то пользователи со временем будут нуждаться в большей социальной поддержке, так как обычно у них проявляется более высокий уровень депрессии (Гросс, 2002). Согласно Тайлеру, одна из причин этого явления – социальные сигналы, которые не могут быть получены в онлайн-среде.

Итак, вырисовывается пошаговая картина, изначально подчеркивающая позитивные аспекты онлайн-доминирования: комфорт, безопасность, доступность, самовыражение, формирование новых социальных связей, развитие коммуникативных и социальных навыков. Однако впоследствии это приводит к ослаблению социальных связей офлайн, потере ощущения реальности и отсутствию желания вовлекаться в них, что может привести к депрессии. Следовательно, социальные сети утрачивают свою способность быть социальными.

3 Nina V.A. The Transformation of Online Friendships into a Real-Life Context in Individuals with Social Anxiety-Development and Application of the Need to Transfer Scale. Wien. Vienna, 2015. Pp. 9–15.

4 König R., Seifert Al. University of Zurich Alexander University of Applied Sciences and Arts North, From Online to Offline and Vice Versa: Change in Internet Use in Later Life Across Europe, Frontiers in Sociology, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339334351_From_Online_to_Offline_and_Vice_Versa_Change_in_Internet_Use_in_Later_Life_Across_Europe.

5 Pallant J., Whiteside N., Aleti T., Zeleznikow J. Helpful or harmful? Exploring the impact of social media usage on intimate relationships // Australasian Journal of Information Systems. 2018. Pp. 4–15.

6 Matook S., Butler B. Social Media and Relationships. The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. Wiley – Blackwell, 2014. Pp. 7–9.

1 Chaffey D. Global social media statistics research summary, 2023. URL: <https://www.smartinsights.com/social-media-marketing/social-media-strategy/new-global-social-media-research/#:~:text=A%20summary%20of%20global%20social,the%20rest%20of%20the%20year>.

2 Lieberman A., Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. Current Opinion in Psychology, 2020. Pp. 16–21. URL: https://escholarship.org/content/qt94n9w8b9/qt94n9w8b9_noSplash_293949a5e051fffc8e1fdcc9ffc168c4.pdf?t=qdtez.

Согласно последним данным, в мире треть всех пользователей Интернета (что примерно составляет 32% от общего количества пользователей) приходится на молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет. Доля молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет составляет 18%. Кроме того, 80% пользователей Интернета также являются пользователями определенной социальной сети, при этом значительная часть из них использует сразу несколько социальных сетей⁷.

К концу 2022 г. наиболее популярными виртуальными соцсетями стали WhatsApp, Facebook Messenger, Weixin WeChat, QQ, Snapchat и Telegram. В Республике Армения не все из перечисленных соцсетей широко распространены и активно используются⁸.

Р.Ханна и ряд других теоретиков указывают на то, что социальные сети изменили Интернет, превратив его из информационной платформы в платформу, на которой осуществляется влияние на пользователей. В связи с этим необходимо изучить коммуникативные стратегии пользователей, а также тенденции и характеристики, связанные с этими стратегиями⁹.

З.Бауман заметил: «Большинство индивидов пользуется социальными сетями с целью отрыва от реальности и обоснования в области комфорта, где воспринимаемые голоса являются эхом их собственного внутреннего голоса, где единственное, что видимо, – это отражение собственной личности»¹⁰.

Валкенбург и Питер (Peter and Valkenburg, 2006) провели исследование, посвященное участию молодых людей и подростков в онлайн-коммуникациях. Кроме того, имеются и психологические исследования, касающиеся перехода из виртуального пространства в реальную жизнь, которые подтверждают наличие психологических проблем при этом переходе.

Авторы статьи «Никто в интернете не знает, что я интроверт» замечают, что одной из целей пользователей, которые обращаются к онлайн-коммуникации, является преодоление депрессии и одиночества. Когда дело доходит до социальных сетей, первоначально голос каждого пользователя имеет равную значимость, однако его дальнейшую форму и воздействие определяют анализ ситуации и выбранная стратегия коммуникации¹¹.

В России существует несколько популярных социальных сетей, играющих важную роль в повседневной коммуникации российских граждан. Одной из наиболее

распространенных сетей является «ВКонтакте», которая предоставляет множество функциональных возможностей, включая группы, аудио- и видеозаписи, а также личные сообщения.

Важной причиной популярности социальных медиа в России является их способность обеспечивать связь с друзьями и семьей, особенно в условиях больших расстояний, характерных для этой страны. Социальные сети также предлагают возможность принимать участие в групповых дискуссиях, обмениваться мнениями и информацией о событиях в мире. Кроме того, многие российские граждане используют социальные медиа для публикации своих творческих работ, а также для предпринимательской деятельности, что дополняет их социальный аспект экономической и культурной жизни.

Следует также отметить, что социальные сети в России стали важным источником информации о политических событиях и общественной жизни. Многие люди используют эти платформы для обсуждения текущих событий и выражения своих точек зрения, что делает социальные сети значимым инструментом для формирования общественного мнения.

Таким образом, популярность социальных сетей в России обусловлена их способностью обеспечивать связь, информационный обмен и проведение общественных дебатов, что делает их неотъемлемой частью социокультурной динамики в этой стране.

В современном российском обществе существуют уникальные модели онлайн-коммуникаций, отражающие сложную динамику культурных и социальных взаимодействий. Исследования (такие, как работа А.Ивановой¹²) предоставляют взгляд на предпочтения российских пользователей в сфере социальных медиа. Согласно исследованию, популярность платформы «ВКонтакте» сохраняет свою важность, олицетворяя собой центральное пространство для обмена информацией и установления виртуальных социальных связей. Одновременно, наряду с укоренившимися традициями, наблюдается растущий интерес к использованию мессенджеров, таких как «Телеграм», подчеркивая эволюцию онлайн-коммуникаций в российском контексте.

Наряду с этим структурированные формы коммуникации в Интернете в России отражают не только социальные взаимосвязи, но и приобретают политические аспекты. Исследование В.Петрова¹³ обнаруживает, что социальные медиа выступают важным каналом для выражения общественного мнения и участия пользователей в политических дискуссиях. Пользователи активно обсуждают актуальные политические события и делятся мнениями, что влияет на формирование общественного мнения. Этот пласт онлайн-коммуникаций в России представляет собой динамичное поле, отражающее разнообразие социокультурных и политических аспектов в современном обществе.

7 Distribution of internet users worldwide as of 2019, by age group. URL: <https://www.statista.com/statistics/272365/age-distribution-of-internet-users-worldwide/#:~:text=Age%20distribution%20of%20internet%20users%20worldwide%202019&text=As%20of%202019%2C%20a%20third,aged%2018%20to%2024%20years>.

8 Most popular global mobile messenger apps as of October 2020, based on number of monthly active users. URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/>.

9 Yulia K., Erik K. Communication Strategies via Social Media. Jönköping International business school, 2012. Pp. 30-36.

10 Atanesyan A.V. The Impact of Social Networks on Protest Activities (The Case of Armenia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019; No. 3: 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.

11 Yair A.H., Wainapel G., Fox S. “On the Internet No One Knows I’m an Introvert”: Extroversion, Neuroticism, and Internet Interaction // *CyberPsychology & Behavior*. 2002. No. 5(2). Pp. 125–128.

12 Иванова А. Социальные медиа в современной России: тенденции и предпочтения // Журнал исследований в области коммуникаций. 2019.

13 Петров В. Онлайн-дискурс в российской политике: анализ социальных медиа // Политическая коммуникация. 2020.

Согласно Г.Чу и Н.В.Эдж, множество пользователей социальной сети «Фейсбук» (Facebook)* убеждены в том, что их друзья в «Фейсбук»* не только в онлайн-среде, но и в реальной жизни являются более счастливыми и успешными, чем они сами. Таким образом, люди имеют тенденцию сравнивать себя с идеализированным образом себя в виртуальной среде, что может нанести вред формированию положительного отношения к себе и привести к низкой самооценке. Это объясняется тем, что в онлайн-пространстве подобные элементы могут быть включены в сообщения, которые отсутствуют в реальной жизни, либо информация о других пользователях может быть просто недоступна данному пользователю¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что онлайн-взаимодействие внутри семьи иногда уступает офлайн-взаимодействию в силу определенных ситуаций и социальных статусов внутри семьи. Особенно это относится к обучению и работе за границей. Данное явление имеет свое проявление и в армянском обществе, поскольку люди, обучающиеся и работающие за границей, составляют значительную долю общества, для них онлайн-среда играет важную роль в дополнение к офлайн-коммуникации и предоставляет возможность поддерживать связь с родными.

В настоящее время социальные сети играют значительную роль в повседневной жизни людей, влияя на социальную динамику и формирование личной идентичности. В данном контексте важно рассмотреть несколько ключевых аспектов: потребление социальных сетей, демонстративное потребление, самодемонстрация, разрыв и приобретение социальных связей, а также модные социальные сети и символический капитализм, приобретаемый в них.

1. Потребление социальных сетей.

Они стали важным инструментом для общения, информационного обмена, а также создания и поддержания социальных связей. В данном контексте анализ потребления социальных сетей представляет собой актуальную исследовательскую тему.

Потребление социальных сетей включает в себя широкий спектр действий пользователей. Оно охватывает чтение и комментирование контента, создание собственных публикаций, участие в групповых обсуждениях, а также взаимодействие с другими участниками коммуникации. Этот процесс выступает как форма социальной активности, влияющей на общественную и культурную динамику.

Потребление социальных сетей может оказывать разнонаправленное воздействие на индивида. С одной стороны, это может способствовать расширению социальных кругов, повышению уровня самопродвижения и коммуникативных навыков. С другой стороны, чрезмерное потребление социальных сетей может привести к проблемам с психическим здоровьем, включая чувство изоляции и зависимость.

* Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

14 Erin V., Jason P.R., Lindsay R. Social comparison, social media, and self-esteem // American Psychological Association. Psychology of Popular Media Culture. 2014. Vol. 3. No. 4. Pp. 206-222.

2. Демонстративное потребление и самодемонстрация.

Социальные сети также стимулируют демонстративное потребление, когда пользователи выставляют напоказ свои достижения, внешний вид, образ жизни с целью создания определенного имиджа. Это связано с желанием получить признание (в том числе и социальное) в онлайн-сообществе.

С развитием информационных технологий и распространением социальных сетей понятия демонстративного потребления и самодемонстрации приобрели новые формы и проникли в виртуальное пространство. В данном контексте анализ этих явлений в социальных сетях представляет интерес для понимания влияния цифровых платформ на общественную динамику.

Демонстративное потребление в социальных сетях заключается в создании визуальных образов и контента с целью демонстрации своего социального статуса, успешности, а также вовлеченности в определенные социокультурные практики. Это включает публикацию роскошных путешествий, дорогих вещей, участие в престижных мероприятиях и т.д.

Самодемонстрация в контексте социальных сетей предполагает активное выражение своей индивидуальности через создание уникального контента, подчеркивание своих интересов, ценностей и образа жизни. Это может включать в себя публикации о хобби, культурных предпочтениях, а также визуальные отклики на социальные события.

Демонстративное потребление и самодемонстрация в социальных сетях оказывают влияние на формирование культурных трендов, моды и стандартов успешности. Они влияют на восприятие социальной реальности и создают новые нормы потребления. Кроме того, эти явления формируют образ успешного человека, что может влиять на амбиции и цели молодежи.

Вместе с тем демонстративное потребление и самодемонстрация в социальных сетях вызывают вопросы об этике и аутентичности в виртуальном пространстве. Искажение реальности и создание идеализированных образов может приводить к диссонансу между виртуальным и реальным «Я».

Демонстративное потребление и самодемонстрация в социальных сетях представляют собой сложное явление, которое оказывает влияние на формирование общественных предпочтений и ценностей. Понимание этих процессов необходимо для разработки эффективных стратегий виртуальной коммуникации и поддержания аутентичности в онлайн-пространстве.

3. Разрыв и приобретение социальных связей.

Социальные сети могут способствовать как укреплению существующих социальных связей, так и созданию новых. Однако они также могут привести к разрыву реальных взаимоотношений, если потребление социальных сетей выходит за пределы разумного.

Разрыв и приобретение социальных связей в современном обществе приобретают новые формы под воздействием развития информационных технологий и вир-

туальных платформ. В данном контексте анализ этих процессов важен для понимания изменений в общественных взаимосвязях.

Разрыв социальных связей может произойти в результате географической дистанции, изменения жизненных обстоятельств или разнонаправленности интересов. В современном мире виртуальные платформы предоставляют инструменты для поддержания связи вне зависимости от физического расположения¹⁵.

Виртуальные платформы также способствуют приобретению новых социальных связей. Они создают возможности для общения и взаимодействия с людьми, которых можно найти на основе общих интересов, профессиональных или культурных предпочтений.

Эти процессы оказывают влияние на общественную динамику. Виртуальные платформы расширяют круг общения, позволяя людям находить единомышленников и развивать профессиональные и личные связи в глобальном масштабе.

Однако, несмотря на преимущества виртуальных социальных связей, важно осознавать их ограниченность по сравнению с реальными взаимодействиями. Реальные встречи и общение играют неосценимую роль в формировании глубоких и долгосрочных отношений.

Разрыв и приобретение социальных связей на виртуальных платформах представляют собой важные аспекты современной общественной динамики. Понимание этих процессов необходимо для эффективного использования виртуальных социальных сетей в поддержании и развитии общественных взаимосвязей.

4. Приобретение символического капитала в социальных сетях: трансформация социокультурной динамики.

Приобретение символического капитала в социальных сетях представляет собой важное явление в современном обществе. Этот процесс оказывает влияние на формирование социокультурных ценностей и динамику социального взаимодействия.

Символический капитал в социальных сетях представляет собой аккумуляцию символических ресурсов, таких как престиж, репутация, влияние. Он основан на создании и поддержании образа виртуальной личности, который обладает значимостью и влиянием в определенной социальной группе или среде.

Этот процесс имеет существенное воздействие на формирование социокультурных ценностей. Социальные сети становятся площадкой, где пользователи создают и публикуют контент, представляющий их ценности, убеждения и идеалы. Это способствует формированию общественного мнения и влияет на развитие культурных тенденций.

Приобретение символического капитала в социальных сетях изменяет динамику социального взаимодействия. Виртуальные платформы предоставляют инструменты для создания и укрепления социальных связей на основе общих интересов, ценностей и предпочтений. Это способствует формированию онлайн-сообществ и групп, где пользователи объединяются вокруг общих идей и убеждений.

¹⁵ Ширяев Е. Виртуальная сеть как инструмент общения и социальной адаптации личности // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64(1). С. 35–42.

Приобретение символического капитала в социальных сетях играет существенную роль в формировании социокультурных ценностей и общественной динамики. Понимание этого процесса позволяет осознанно воздействовать на общественные процессы через виртуальные социальные сети.

В заключение отметим, что социальные сети оказывают глубокое воздействие на различные аспекты социальной жизни. Они формируют новые модели потребления, а также влияют на создание и поддержание социальных связей. Важно осознавать как позитивные, так и потенциально негативные аспекты использования социальных сетей и поддерживать баланс между виртуальным и реальным общением.

В данной статье мы представляем результаты исследования коммуникационных предпочтений армянских пользователей в социальных сетях, которые проиллюстрируют их подходы к использованию онлайн- и офлайн-коммуникации в разных сферах жизни, предпочтения и цели пользователей социальных сетей в Армении.

Материалы и методы

Исследование было проведено в феврале-мае 2023 г. посредством виртуального анкетного опроса: было опрошено 400 армянских пользователей виртуальной социальной сети. Цель опроса – выяснить коммуникационные предпочтения армянских пользователей в онлайн- и офлайн-сферах, предпочтения и цели пользователей социальных сетей в Армении.

Научные задачи исследования:

- определить наиболее популярные социальные сети среди пользователей в Армении;
- выяснить предпочтения армянских пользователей в онлайн- и/или офлайн-коммуникации в различных сферах жизни с учетом возраста, пола и тематики коммуникации;
- выяснить особенности коммуникативных предпочтений армянских пользователей социальных сетей.

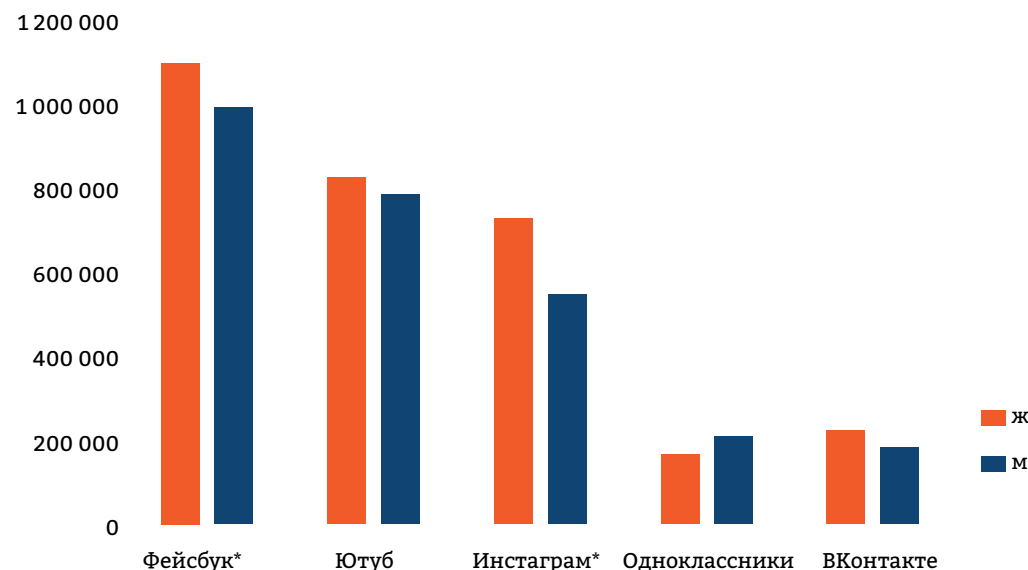
Результаты исследования

На основании ряда факторов, таких как распространенность социальных сетей в Армении, представленность в них армянских пользователей, их функциональные особенности, преимущества и ограничения, страна происхождения и т.д., в Армении широкое распространение получили следующие виртуальные социальные сети: «Фейсбук» (Facebook) *, «Одноклассники», «Инстаграм» (Instagram)*, «Ютуб» (Youtube), «ВКонтакте», «ТикТок» (TikTok).

* Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

Рисунок 1. Представительство армянских пользователей в социальных сетях по полу

Figure 1. Gender Representation of Armenian users in social networks

Популярность социальных сетей в Армении представляет собой интересный аспект изучения современного цифрового общества. Заметим, что наше исследование показало, что российские социальные сети не являются доминирующими в данной стране. Несмотря на большое количество пользователей российских социальных сетей, армянские пользователи предпочитают альтернативные платформы для социального взаимодействия.

Социальная сеть «Фейсбук» (Facebook)* является наиболее популярной среди пользователей в Армении¹⁶. Большинство участников опроса являлись пользователями сети «Фейсбук»* или одновременно пользователями нескольких социальных сетей.

Согласно последним данным, «Инстаграм» (Instagram)* приближается к сети «Фейсбук»* по размеру аудитории в Армении. В настоящее время здесь уже насчитывается около 1–1,1 млн активных пользователей, и каждый месяц это количество увеличивается. Около трех четвертей аудитории Instagram* составляют пользователи в возрасте до 35 лет. В то же время половина пользователей Facebook* старше 35 лет.

Есть социальные сети, включая и «ТикТок» (TikTok), статистика которых нам неизвестна, так как они не предоставляют подробной информации об армянской

¹⁶ Kemp S. Digital 2023: Armenia, 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-armenia#:~:text=Facebook%20users%20in%20Armenia%20in,in%20Armenia%20in%20early%202023>.

* Деятельность в России заблокирована по требованию Роскомнадзора, 18+

Рисунок 2. Какие виды коммуникации предпочитают пользователи

Figure 2. Communication preferences among users

аудитории. Понятно, что количество пользователей растет, однако пока отсутствует четкая статистика¹⁷.

Согласно полученным нами данным, армянские женщины проявляют гораздо большую склонность поделиться личной информацией о себе в Интернете (66%) по сравнению с мужчинами (34%). Эти выводы подтверждаются результатами ряда других международных исследований¹⁸, в том числе и российских¹⁹.

На рисунке видно, что люди все еще отдают предпочтение прямой коммуникации с членами семьи, родственниками и друзьями. В отличие от личных отношений в деловой среде многие респонденты отдают предпочтение онлайн-коммуникации с коллегами. Взаимодействие с государственными организациями, такими как налоговая служба или государственные учреждения, преимущественно осуществляется в

¹⁷ Мартиросян С. Социальные сети в Армении: где сколько людей, 2022. URL: <https://media.am/hy/critique/2022/12/20/34858/>.

¹⁸ Atanasova A. Gender-Specific Behaviors on Social Media and What They Mean for Online Communications, 2016. URL: <https://www.socialmediatoday.com/social-networks/gender-specific-behaviors-social-media-and-what-they-mean-online-communications#:~:text=Social%20media%20data%20also%20shows,warm%27%20and%20more%20positive%20words>.

¹⁹ Mitina O.V., Voiskounsk Al.E. Gender Differences of the Internet-Related Stereotypes in Russia Petrenko, Moscow State University after M.V. Lomonosov // PsychNology Journal. 2005 .Vol. 3. No. 3. Pp. 243–264. URL: https://www.researchgate.net/publication/220168820_Gender_Differences_of_the_Internet-Related_Stereotypes_in_Russia_Retrenko.

Рисунок 3. Виды коммуникации, которые предпочитают пользователи в зависимости от пола

Figure 3. User Gender Preferences

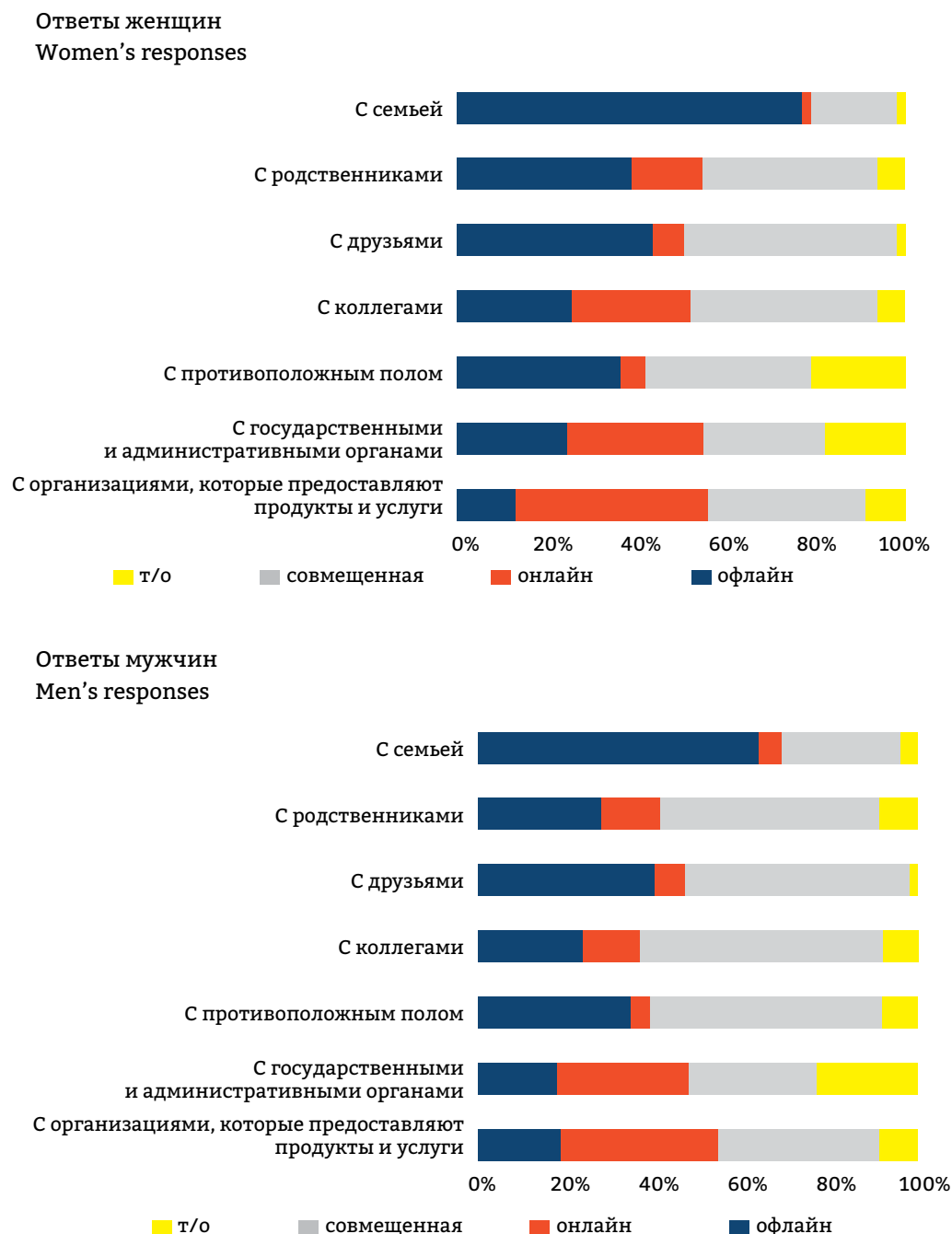
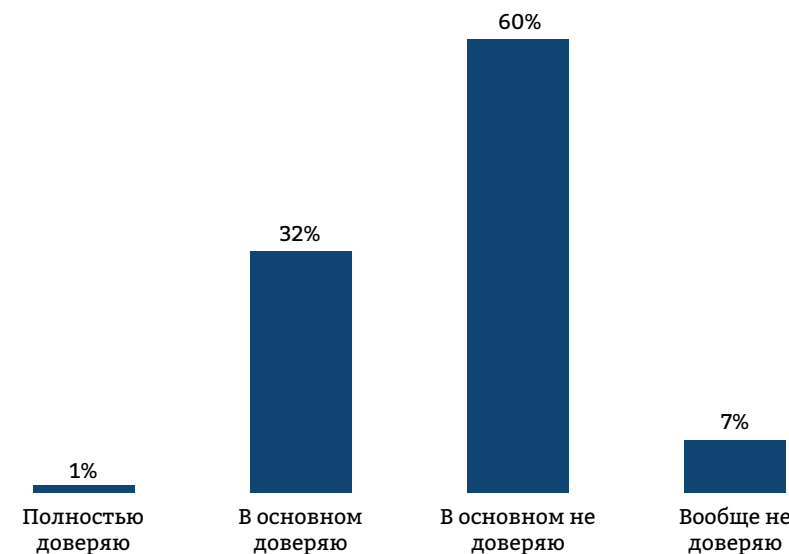

Рисунок 4. Степень доверия пользователей к информации, поступающей из социальных сетей

Figure 4. The degree of trust of users in information coming from social networks

онлайн- или совмещенном формате. Это облегчает процессы обращения и уменьшает временные затраты.

Многие из опрошенных предпочитают покупки онлайн или покупки двумя способами. Онлайн-шопинг становится все более популярным среди респондентов. Удобство, разнообразие товаров и возможность сравнения цен делают онлайн-покупки предпочтительнее.

Интересен тот факт, что количественные показатели предпочтений в общении с родственниками и представителями противоположного пола практически не отличаются. Это также может свидетельствовать о том, что армяне рассматривают представителей противоположного пола как близких себе людей. Это может быть связано с тем, что контакты с представителями противоположного пола у каждого третьего пользователя предполагают долгосрочные связи.

Предпочтения в коммуникации зависят от характера отношений и контекста взаимодействия. Офлайн-коммуникация сохраняет свою релевантность в личных сферах, в то время как онлайн-варианты становятся предпочтительными в более формальных и деловых контекстах.

Предпочтения пользователей не претерпевают значительных изменений в зависимости от пола. Это подтверждают и ранее проведенные исследования по аналогичной проблеме. В рамках исследования «Предпочтения онлайн-коммуникации в зависимости от возраста, пола и продолжительности использования сети» предпринята попытка изучить выбор стратегий онлайн-коммуникации, предпочтения в построении отношений и их вариации в зависимости от возраста, пола и продол-

жительности использования сети. Данное исследование сфокусировано на предпочтениях в коммуникации и построении отношений в семье, среди друзей, коллег и с анонимными лицами.

Таким образом, на основе проведенного опроса в рамках нашего исследования был выявлен ряд предпочтений, которые определяют способ взаимодействия пользователей в онлайн-коммуникации. Основные различия были обнаружены по возрастным категориям, а не по половому признаку.

Социальные сети играют значительную роль в формировании общественного мнения и обмене информацией. В связи с этим анализ степени доверия армянских пользователей к информации, поступающей из социальных сетей, представляет интерес для понимания онлайн-поведения пользователей и восприятия ими информации. Исходя из представленных на рисунке данных, можно констатировать, что группа пользователей, полностью доверяющих информации, составляет 1%, что представляет собой небольшую часть выборки. Эти пользователи, вероятно, имеют высокую степень уверенности в надежности и достоверности источников, с которыми они взаимодействуют. Большинство респондентов (32%) в этой группе в основном доверяют информации, получаемой из социальных сетей. Это может свидетельствовать о том, что они в целом считают социальные сети надежными источниками информации, но при этом сохраняют некоторую недоверчивость. Около 60% опрошенных отметили, что в основном не доверяют информации, поступающей из социальных сетей. Это может быть связано с опасениями по поводу подлинности источников, а также распространения ложной или искаженной информации в сети. Группа пользователей (7%), полностью не доверяющих информации из социальных сетей, представлена небольшим процентом. Эти пользователи, скорее всего, предпочитают получать информацию из других источников, считая социальные сети ненадежными.

Таблица 1. Примарная цель использования социальных сетей
Table 1. The primary purpose of using social networks

Чтение новостных материалов	61%
Общение с друзьями в Армении	56%
Просмотр публикаций	35%
Общение с родственниками и друзьями за рубежом	30%
Проведение свободного времени	23%
Общение с коллегами	22%
Установление профессиональных связей	19%
Организация работы / учебы более эффективно	18%
Публикация фотографий и/или видео	14%
Совершение покупок	13%
Опубликование своих мыслей	10%
Продажа созданных самими пользователями продуктов и предоставление услуг	9%
Установление дружеских отношений	8%

Знакомства с представителями противоположного пола	8%
Рассказывание о повседневной жизни пользователя	6%
Игры	4%
Проведение прямых трансляций	2%
Отслеживание количества лайков, комментариев и просмотров публикаций пользователя	2%
Организация сбора средств	1%

Наиболее значимыми целями, указанными респондентами, оказались:

- получение информации о важных событиях (55%). Это свидетельствует о том, что социальные сети воспринимаются как важный источник новостной и информационной обратной связи в армянском обществе;
- приобретение новых, неvirtуальных знакомых (49%). Это указывает на то, что социальные сети для многих пользователей представляются как платформа для расширения социальных контактов и установления новых личных связей;
- восстановление связи с бывшими друзьями, коллегами и знакомыми (41%). Этот аспект подчеркивает значительную роль социальных сетей в поддержании и восстановлении старых социальных связей.

Кроме того, некоторые респонденты использовали социальные сети с целью нахождения работы (27%), знакомства с потенциальными партнерами (20%), а также для установления деловых отношений (14%).

Таблица 2. Результаты, полученные посредством социальных сетей
Table 2. Results achieved through social networks

Получил(-а) информацию о важных событиях	55%
Приобрел(-а) новых, не виртуальных знакомых	49%
Восстановил(-а) связь с бывшими друзьями, коллегами, знакомыми	41%
Нашел(-а) работу	27%
Познакомился(-ась) с возможным партнером / партнершей	20%
Установил(-а) деловые отношения / приобрел(-а) деловых партнеров	14%
Получил(-а) важную информацию	13%
Нашел(-а) признание	12%
Заработал(-а) деньги	11%
Организовал(-а) сбор средств / финансирование	10%
Задал(-а) более высокие цели, разрешил(-а) проблемы экологического характера в месте проживания / поселения	7%
Приобрел(-а) новые профессиональные навыки	5%
Купил(-а) и/или продал(-а) недвижимость или товары	4%

Из представленных данных видно, что армянские пользователи социальных сетей используют перечисленные выше онлайн-платформы для очень разных целей. Наиболее распространенными мотивациями являются: получение информации о важных событиях (55%), приобретение новых, не виртуальных знакомых (49%). Эти результаты свидетельствуют о том, что социальные сети для многих армян служат средством коммуникации и информационного обмена.

Армянские пользователи применяют социальные сети и в других целях. Например, восстановление связи с бывшими друзьями, коллегами и знакомыми (41%) указывает на роль социальных платформ в восстановлении и поддержании личных связей.

Следующей важной мотивацией пользования соцсетями является поиск работы (27%), что свидетельствует о растущей роли социальных сетей в профессиональной сфере и в сфере трудоустройства.

Анализ полученных данных указывает на разнообразие целей, которые армянские пользователи преследуют при использовании социальных сетей. Платформы не только служат источником информации о важных событиях, но и предоставляют возможность расширить социальное общение, восстановить связи со знакомыми, а также решать практические задачи (такие, как поиск работы).

Результаты исследования показывают растущее влияние социальных сетей на различные сферы жизни армянских пользователей, включая социальные, профессиональные и практические аспекты. Понимание этих мотиваций может быть полезно для разработки стратегии эффективного взаимодействия с аудиторией в социальных медиа и приобретения пользовательского опыта.

Выводы

При исследовании предпочтений армянских пользователей в социальных сетях можно обнаружить, что:

1. Предпочтения армянских пользователей социальных сетей частично заменяются виртуальным общением вместо реального, прямого взаимодействия.

В результате мы наблюдаем увеличение предпочтения совмещенной (онлайн и офлайн) коммуникации (в среднем на 30% во всех возрастных группах) и параллельно сокращение диапазона офлайн-коммуникации в пользу только онлайн-, а также совмещенных форматов коммуникации. Эта тенденция наиболее заметна среди пользователей в возрасте до 15 лет (до 60%), однако среди пользователей старшего возраста явных различий нет.

2. Возрастная группа от 16 до 30 лет (74%) и от 31 до 55 лет (83%) – основная часть пользователей, предпочитающих офлайн-коммуникацию с семьей. Если рассматривать это в контексте использования соцсетей людьми более возрастной категории, то можно предположить, что их непосредственное включение в социальные сети произошло уже в зрелом возрасте, после периода активного распространения Интернета.

С другой стороны, более молодые пользователи ведут такой же образ жизни, как и члены их семей, и поэтому они неизбежно вовлечены в прямые коммуникации.

3. По профессиональным сферам отдают предпочтение онлайн- и комбинированной коммуникации, особенно в случае взаимодействия с государственными и административными органами, а также с организациями, предоставляющими товары и услуги. В отличие от других возрастных групп, молодые люди проявляют большую склонность к минимизации прямого взаимодействия с организациями, предоставляющими товары и услуги (46% предпочитают осуществлять покупки только онлайн). В возрастной группе от 31 до 55 лет данная цифра составляет 36%, в случае лиц до 15 лет – 38%, а у лиц в возрасте 56 и старше данный показатель является наименьшим – 27%.

4. Представители младшего и старшего возрастных диапазонов предпочитают в основном организовывать взаимодействие со своей семьей не только в офлайн-режиме, но и с использованием совмещенного подхода. Доля таких индивидов составляет 43% среди тех, кто находится в возрасте до 15 лет, и 50% среди тех, кому 56+. Если рассматривать ситуацию с молодежью, то ее предпочтение онлайн-общения, начинающегося с детства, может объясняться тем, что они воспринимают его как более комфортный способ коммуникации. В отличие от них пожилые люди могут предпочитать онлайн-общение по другим причинам, таким как проживание отдельно от молодых членов семьи под одной крышей или нахождение в другой стране.

5. Исследование показывает, что большинство армянских пользователей социальных сетей, а именно 60%, выражают в основном недоверие к информации, получаемой из данного источника. В то же время 32% опрошенных имеют склонность доверять социальным сетям в определенных случаях. Эти результаты указывают на необходимость повышения качества информации и доверия к социальным сетям в армянском информационном пространстве. Критическое мышление и развитие навыков проверки источников могут сыграть важную роль в повышении доверия к информации в социальных сетях среди армянских пользователей.

В целом полученные данные свидетельствуют о многообразии целей, которые преследуют пользователи в Армении. Эти выводы могут быть полезными для дальнейшего анализа поведенческих паттернов пользователей и разработки стратегий для эффективной коммуникации и взаимодействия с аудиторией в социальных сетях.

Женщины обладают гораздо более широким спектром коммуникации с различными людьми в онлайн-сфере, в отличие от мужчин, которые предпочитают устанавливать более узкие отношения. В результате у мужчин сужается круг коммуникации, знакомств и отношений.

При этом выбор знаков и языка коммуникации может определяться полом. Еще одним фактом, который был выявлен в представленном исследовании, является то, что женщины чувствуют себя более свободно в онлайн-среде, чем в офлайн²⁰.

Возвращаясь к проведенному в рамках данной статьи исследованию, следует отметить, что мужчины предпочитают гораздо меньше, чем женщины, иметь

20 Thayers S.E., Ray S. Online Communication Preferences across Age, Gender, and Duration of Internet Use // CyberPsychology & Behavior. 2006. Vol. 9. No. 4. Pp. 432-440.

офлайн-коммуникацию с государственными и административными органами. Независимо от возрастных различий пользователи отдают предпочтение прямой коммуникации с семьей, в отличие от коммуникации с родственниками, друзьями или коллегами.

У женщин преобладает предпочтение онлайн-покупок. Одна из гипотез, выдвинутая в проведенных ранее международных исследованиях, утверждает, что удобство использования онлайн-платформ связано с частотой онлайн-покупок, и эта гипотеза подтверждается и армянским примером.

Согласно мнению экспертов, потребительское поведение пользователей в онлайн-сфере значительно изменяет общество, включая культуру потребления и поведения. Вместе с тем даже в онлайн-среде проводятся дискуссии о потребительской зависимости, рассматриваемой как редкое явление.

Из анализа результатов проведенных нами исследований видно, что армянские пользователи социальных сетей имеют различные мотивации и цели при использовании онлайн-платформ. Однако интересно отметить, что примарные цели, указанные в первом исследовании, не всегда совпадают с результатами, полученными через социальные сети.

Например, при первом опросе наиболее распространенной целью было чтение новостей и новостных статей (61%), тогда как при втором опросе только 55% респондентов указали на получение информации о важных событиях. Это может свидетельствовать о том, что часть респондентов использует социальные сети не только для информационных целей, но и для других важных аспектов своей жизни.

Кроме того, при первом опросе общение с друзьями (56%) заняло второе место по популярности целей использования социальных сетей, в то время как при втором эта цель не была оценена ниже, чем получение информации о важных событиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пользователи социальных сетей в Армении имеют разные мотивации, включая как социальные, так и информационные аспекты. Несмотря на различия в результатах, полученных по итогам исследований, полученные результаты свидетельствуют о том, что социальные сети играют важную роль в повседневной жизни армянских пользователей, предоставляя им различные возможности для коммуникации, информационного обмена и достижения различных целей.

Список источников

1. Гречко Д. Влияние символического капитала на социальную динамику: анализ теоретических подходов [The influence of symbolic capital on social dynamics: an analysis of theoretical approaches] // Социология: теория, методы, маркетинг. 2019. № 4. С. 82–91.
2. Крысанова Л. Символический капитал в цифровом обществе: особенности накопления и использования [Symbolic capital in a digital society: features of accumulation and use] // Информационное общество. 2020. № 3. С. 23–35.
3. Левитин М. Символический капитал: природа, механизмы накопления, стратегии использования // Вестник Московского университета. Серия 18: «Социология и политология». 2018. № 1. С. 44–63.

4. Ширяев Е. Виртуальная сеть как инструмент общения и социальной адаптации личности [Virtual network as a tool of communication and social adaptation of personality] // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64 (1). С. 35–42.
5. Atanasova A. Gender-Specific Behaviors on Social Media and What They Mean for Online Communications, 2016. URL: <https://www.socialmediatoday.com/social-networks/gender-specific-behaviors-social-media-and-what-they-mean-online-communications#:~:text=Social%20media%20data%20also%20shows,warm%27%20and%20more%20positive%20words.>
6. Atanesyan A.V. The Impact of Social Networks on Protest Activities (The Case of Armenia). Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]. 2019. No. 3. P. 73–84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
7. Caughlin J.P., Sharabi L.L. A Communicative Interdependence Perspective of Close Relationships: The Connections between Mediated and Unmediated Interactions Matter. Journal of Communication, 2013; 63:873-893.
8. Distribution of internet users worldwide as of 2019, by age group. DOI:10.22201/ij.24484881e.2022.46.17057. URL: [https://www.researchgate.net/publication/361495542_DIGITAL_HUMAN_RIGHTS_RISKS_CHALLENGES_AND_THREATS_OF_GLOBAL_SOCIO-POLITICAL_TRANS-FORMATIONS.](https://www.researchgate.net/publication/361495542_DIGITAL_HUMAN_RIGHTS_RISKS_CHALLENGES_AND_THREATS_OF_GLOBAL_SOCIO-POLITICAL_TRANS-FORMATIONS)
9. Erin V., Jason P.R., Lindsay R. Social comparison, social media, and self-esteem, American Psychological Association. Psychology of Popular Media Culture. 2014; 3 (4):206-222 [In English].
10. Hakobyan A. Fake news and its Spread on Social Media. Journal of Sociology Bulletin of Yerevan University. 2019; 10 (3 (30)) [In English].
11. Interpersonal Communication among Family Members. Canadian Journal of Family and Youth. 2020; 12(1).
12. James L. Social Media and Consumer Culture: Addicted to the Idealized Consumer. Santa Clara University, 2018: 2-9. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215443111.pdf>.
13. Jochen P., Valkenburg P.M. Adolescents' Exposure to Sexually Explicit Material on the Internet, University of Amsterdam. Communication Research. 2006; 33.
14. Juan M. The Effect of Instant Messaging on the Social Lives of Students within a College Dorm. URL: https://web.stanford.edu/class/pwr3-25/group2/pdfs/IM_Social.pdf.
15. Karapetyan A. Mass Communications: From Classics to the Virtual Models. Journal of Sociology, Bulletin of YSU, 2020; Vol. 11, 2(32). DOI: <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.2.059>.
16. König R., Seifert A. University of Zurich Alexander University of Applied Sciences and Arts North. From Online to Offline and Vice Versa: Change in Internet Use in Later Life across Europe. Frontiers in Sociology, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339334351_From_Online_to_Offline_and_Vice_Versa_Change_in_Internet_Use_in_Later_Life_Across_Europe.
17. Lieberman A., Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. Current Opinion in Psychology, 2020:16-21. URL: https://escholarship.org/content/qt94n9w8b9/qt94n9w8b9_noSplash_293949a5e051fffc8e1fdcc9ffc168c4.pdf?t=qdtezbt.
18. Melkumyan Y. Visualization of Social Strata in Media. Journal of Sociology Bulletin of YSU. 2020. Vol. 11, 2(32). DOI: <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.2>.
19. Mitina O.V., Voiskounsk A.E. Gender Differences of the Internet-Related Stereotypes in Russia. Moscow State University after M.V. Lomonosov. Psychology Journal. 2005; 3 (3):243-264.
20. Syed H.A. Impact of Internet Usage Comfort and Internet Technical Comfort on Online Shopping and Online Banking. Journal of International Consumer Marketing, 2015; 27(3):207-219.
21. Thayers S.E., Ray S. Online Communication Preferences across Age, Gender, and Duration of Internet Use. CyberPsychology & Behavior. 2006; 9 (4):432-440.
22. Volodenkov S., Fedorchenko S. Digital human rights: risks, challenges, and threats of global socio-political trans-formations. Cuestiones Constitucionales Revista Mexicana de Derecho Constitucional, 2022.
23. Yair A.H., Wainapel G., Fox S. On the Internet No One Knows I'm an Introvert": Extroversion, Neuroticism, and Internet Interaction. CyberPsychology & Behavior, 2002; 5(2):125-128.
24. Yulia K., Erik K. Communication Strategies via Social Media. Jönköping International business school, 2012:30-36.

Информация об авторе

КАРАПЕТЯН Анриета Араиковна. Аспирантка факультета социологии Ереванского государственного университета. <https://orcid.org/0009-0003-7410-8858>. Адрес: Республика Армения, 375049, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1. anrieta.karapetyan@ysu.am

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Grechko D. The influence of symbolic capital on social dynamics: an analysis of theoretical approaches. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2019; 4:82-91 [In Russian].
2. Krysanova L. Symbolic capital in a digital society: features of accumulation and use. *Informatsionnoye obshchestvo*, 2020; 3:23-35 [In Russian].
3. Levitin M. Symbolic capital: nature, accumulation mechanisms, use strategies. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 2018; 1: 44-63 [In Russian].
4. Shiryayev E. Virtual network as a tool of communication and social adaptation of personality. *Siberian Psychological Journal*. 2017; 64 (1):35-42 [In Russian].
5. Atanasova A. Gender-Specific Behaviors on Social Media and What They Mean for Online Communications, 2016. Available from: <https://www.socialmediatoday.com/social-networks/gender-specific-behaviors-social-media-and-what-they-mean-online-communications#:~:text=Social%20media%20data%20also%20shows,warmer%27%20and%20more%20positive%20words> [In English].
6. Atanesyan A.V. The Impact of Social Networks on Protest Activities (The Case of Armenia). *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019; 3:73-84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1 [In English].
7. Caughlin J.P., Sharabi L.L. A Communicative Interdependence Perspective of Close Relationships: The Connections between Mediated and Unmediated Interactions Matter. *Journal of Communication*, 2013; 63:873-893 [In English].
8. Distribution of internet users worldwide as of 2019, by age group. DOI:10.22201/ij.24484881e.2022.46.17057. Available from: https://www.researchgate.net/publication/361495542_DIGITAL_HUMAN_RIGHTS_RISKS_CHALLENGES_AND_THREATS_OF_GLOBAL_SOCIO-POLITICAL_TRANS-FORMATIONS [In English].
9. Erin V., Jason P.R., Lindsay R. Social comparison, social media, and self-esteem, *American Psychological Association. Psychology of Popular Media Culture*. 2014; 3 (4):206-222 [In English].
10. Hakobyan A. Fake news and its Spread on Social Media. *Journal of Sociology Bulletin of Yerevan University*. 2019; 10 (3 (30)) [In English].
11. Interpersonal Communication among Family Members. *Canadian Journal of Family and Youth*. 2020; 12(1) [In English].
12. James L. Social Media and Consumer Culture: Addicted to the Idealized Consumer. *Santa Clara University*, 2018: 2-9. Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/215443111.pdf> [In English].

13. Jochen P., Valkenburg P.M. Adolescents' Exposure to Sexually Explicit Material on the Internet, *University of Amsterdam. Communication Research*. 2006; 33 [In English].
14. Juan M. The Effect of Instant Messaging on the Social Lives of Students within a College Dorm. Available from: https://web.stanford.edu/class/pwr3-25/group2/pdfs/IM_Social.pdf [In English].
15. Karapetyan A. Mass Communications: From Classics to the Virtual Models. *Journal of Sociology, Bulletin of YSU*, 2020; Vol. 11, 2(32) [In English]. DOI: <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.2.059>.
16. König R., Seifert Al. University of Zurich Alexander University of Applied Sciences and Arts North. From Online to Offline and Vice Versa: Change in Internet Use in Later Life across Europe. *Frontiers in Sociology*, 2020. Available from: https://www.researchgate.net/publication/339334351_From_Online_to_Offline_and_Vice_Versa_Change_in_Internet_Use_in_Later_Life_Across_Europe [In English].
17. Lieberman A., Schroeder J. Two social lives: How differences between online and offline interaction influence social outcomes. *Current Opinion in Psychology*, 2020:16-21. Available from: https://escholarship.org/content/qt94n9w8b9/qt94n9w8b9_noSplash_293949a5e051fffc8e1fdcc9ffc168c4.pdf?t=qdtezbt [In English].
18. Melkumyan Y. Visualization of Social Strata in Media. *Journal of Sociology Bulletin of YSU*. 2020. Vol. 11, 2(32) [In English]. DOI: <https://doi.org/10.46991/BYSU:F/2020.11.2>.
19. Mitina O.V., Voiskounsk Al.E. Gender Differences of the Internet-Related Stereotypes in Russia. *Moscow State University after M.V. Lomonosov. Psychology Journal*. 2005; 3 (3):243-264. [In English].
20. Syed H.A. Impact of Internet Usage Comfort and Internet Technical Comfort on Online Shopping and Online Banking. *Journal of International Consumer Marketing*, 2015; 27(3):207-219 [In English].
21. Thayers S.E., Ray S. Online Communication Preferences across Age, Gender, and Duration of Internet Use. *CyberPsychology & Behavior*. 2006; 9 (4):432-440 [In English].
22. Volodenkov S., Fedorchenko S. Digital human rights: risks, challenges, and threats of global socio-political transformations. *Cuestiones Constitucionales Revista Mexicana de Derecho Constitucional*, 2022 [In English].
23. Yair A.H., Wainapel G., Fox S. On the Internet No One Knows I'm an Introvert": Extroversion, Neuroticism, and Internet Interaction. *CyberPsychology & Behavior*, 2002; 5(2):125-128 [In English].
24. Yulia K., Erik K. Communication Strategies via Social Media. *Jönköping International business school*, 2012:30-36 [In English].

About the author

Anrieta A. KARAPETYAN. Postgraduate student of Faculty of Sociology of the Yerevan State University. <https://orcid.org/0009-0003-7410-8858>. Address: 6, Miklukho-Maklaya street, Yerevan, 117198, The Republic of Armenia, dimitriabazov@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 25, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.42

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-124-139](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-124-139)

Общественные процессы в современной Грузии: есть ли потенциал для развития российско-грузинского сотрудничества?

Николай Шотаевич Цихелашвили^{1a}✉, Гиорги Важаевич Гикашвили^{2b}✉, Арчил Теймуразович Сихарулидзе^{3c}✉, Анна Александровна Хотивришвили^{4d}✉, Гоча Цопурашвили^{5e}✉, Гулбаат Рцхиладзе^{6f}✉

¹ Общественный деятель, Москва, Россия

^a tsikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2537-4742>

² 4Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b giorgi.gikashvili001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9499-992X>

³ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^c archil.sikharulidze@tsu.ge, <https://orcid.org/0000-0002-3989-2451>

^d anakhotvrishvili777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484>

⁵ Академия наук сельского хозяйства Грузии, Тбилиси, Грузия

^e gocha.tsopurashvili@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9695-5107>

⁶ Институт Евразии Грузии, Тбилиси, Грузия

^f geurasiageo@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-1771-5284>

Аннотация. Авторы статьи – участники дискуссии «Коммуникационный режим Грузии: тенденции развития» – представили свои взгляды на общественные процессы в современной Грузии. Рассматриваются глубинные духовные связи грузин и русских, историко-культурная обусловленность российско-грузинских отношений. Обосновывается, что глубинные духовные связи грузин и русских базируются на православии и взаимопомощи, которую оказывали друг другу русские и грузины на протяжении веков. Общее историческое прошлое способствовало взаимопроникновению культур и традиций. Однако под влиянием западных идеологов у большей части современной грузинской молодежи сформировано другое мировоззрение. Авторы статьи вносят свои предложения, как преодолеть мировоззренческий разрыв путем реализации культурных проектов. Рассматриваются перспективные области сотрудничества России и Грузии в условиях отсутствия дипломатических отношений и антироссийской позиции грузинской власти. Кроме культурных обменов, есть перспективы молодежных коммуникаций и сотрудничества в экономике (в первую очередь в сельскохозяйственном секторе). В качестве рисков такого сотрудничества рассматриваются: неурегулированные отношения по вопросу Южной Осетии и Абхазии, флуктуации политических элит Грузии, хаотичность грузинской экономики, роль антироссийски настроенных русских в Грузии, недостаточность работы с грузинским обществом с российской стороны и необходимость активизации потенциала грузинской диаспоры в России.

Статья подготовлена по материалам международного круглого стола «Коммуникационный режим Грузии: тенденции развития» (проведен Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в декабре 2023 г.).

Ключевые слова: коммуникационный режим, Грузия, российско-грузинские отношения, Грузинская православная церковь, экономика Грузии, политика Грузии, политическая элита Грузии, гуманитарное сотрудничество

Для цитирования: Цихелашвили Н.Ш., Гикашвили Г.В., Сихарулидзе А.Т., Хотивришвили А.А., Цопурашвили Г., Рцхиладзе Г. Общественные процессы в современной Грузии: есть ли потенциал для развития российско-грузинского сотрудничества? // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 124-139, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-124-139](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-124-139)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-124-139](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-124-139)

Social processes in Modern Georgia: Is There any Potential for the Development of Russian-Georgian Cooperation?

Nikolay Shotayevich Tsikhelashvili^{1a}✉, Georgy Vazhayevich Gikashvili^{2b}✉, Archil Teimurazovich Sikharulidze^{3c}✉, Anna Alexandrovna Khotivrishvili^{4d}✉, Gocha Tsopurashvili^{5e}✉, Gulbaat Rtskhiladze^{6f}✉

¹public figure, Moscow, Russia^atsikhel@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2537-4742>²4Russia Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia^bgiorgi.gikashvili001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9499-992X>³St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia^carchil.sikharulidze@tsu.ge, <https://orcid.org/0000-0002-3989-2451>^danakhotrishvili777@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484>⁵Georgian Academy of Agricultural Sciences, Tbilisi, Georgia^egocha.tsopurashvili@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9695-5107>

Abstract. The authors of the article, participants in the discussion “Georgia’s Communication Regime: Development Trends,” presented their views on social processes in modern Georgia. It is substantiated that the spiritual ties between Georgians and Russians are based on Orthodoxy and the mutual assistance that Russians and Georgians have provided to each other for centuries. The historical and cultural origins of Russian-Georgian relations are examined. The common historical past contributed to the interpenetration of cultures and traditions. However, under the influence of Western ideologies, a large part of modern Georgian youth has formed a different worldview. The authors of the article propose how to overcome the ideological gap through the implementation of cultural projects. Promising areas of cooperation between Russia and Georgia are considered in the absence of diplomatic relations and the anti-Russian position of the Georgian authorities. Youth communications and cooperation in the economy (primarily in agriculture) are also promising. The following risks of cooperation are considered: the unresolved issue of South Ossetia and Abkhazia, fluctuations of the political elites of Georgia, the chaotic nature of the Georgian economy, the role of anti-Russian position of Russians in Georgia, insufficient work with Georgian society on the Russian side and the need to activate the potential of the Georgian diaspora in Russia.

The article was prepared based on the materials of the international round table “Georgia’s Communication Regime: Development Trends” (conducted by the National Research Institute for the Communications Development in December 2023).

Keywords: communication regime, Georgia, Russian-Georgian relations, Georgian Orthodox Church, Georgian economy, Georgian politics, Georgian political elite, humanitarian cooperation

For citation: Social processes in Modern Georgia: Is There any Potential for the Development of Russian-Georgian Cooperation? Tsikhelashvili N.Sh., Gikashvili G.V., Sikharulidze A.T., Khotivrishvili A.A., Tsopurashvili G., Rtskhiladze G. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 1(11): 124-139, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-124-139](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-124-139)

Введение

Грузинское общество – одно из первых постсоветских обществ, попавших под массированную информационную атаку со стороны западноевропейских институтов и США с целью формирования антироссийских настроений. Признание Россией Южной Осетии и Абхазии усугубило ситуацию, и антироссийские настроения закрепились надолго. Грузинское общество в целом приветствует европейскую интеграцию Грузии (более 80% населения страны поддерживает вступление в ЕС), часть грузинского общества рассматривает НАТО как гаранта национальной безопасности. Молодежь Грузии воспитана в недружественной риторике, и ее часть впитала в себя враждебное

отношение к России. Тем не менее актуальное состояние российско-грузинских отношений носит противоречивый характер. С одной стороны, дипломатические отношения разорваны, грузино-российский конфликт по вопросу Абхазии и Южной Осетии не урегулирован, Грузия поддерживает сторону Украины в СВО, Россия объявлена агрессором, партнерами и союзниками Грузии являются недружественные России страны, Грузия стремится в ЕС и НАТО. С другой стороны, растет товарооборот между странами, развиваются бизнес-контакты, восстановлено авиасообщение, продолжаются коммуникации по линии церкви, поддерживаются гражданские коммуникации, грузинская молодежь обучается в вузах России, в том числе по квотам Правительства РФ.

Исследования сложной динамики грузинского общества, сказывающейся и на отношениях с Россией в последние годы, анализировались в научных исследованиях, монографиях и статьях 2020–2023 гг. [1–11].

С целью выявления возможных сфер расширения российско-грузинских коммуникаций, выявления приоритетных направлений и рисков коммуникаций России и Грузии на современном этапе был проведен международный круглый стол «Коммуникационный режим Грузии: тенденции развития», материалы которого легли в основу данной статьи.

Материалы и методы

Статья подготовлена по материалам выступлений участников международного круглого стола «Коммуникационный режим Грузии: тенденции развития». Круглый стол был проведен в декабре 2023 г. в г. Москве на базе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Участниками круглого стола стали ученые, эксперты, представители сфер экономических, культурных, религиозных, молодежных коммуникаций из Грузии и России. Позиции выступивших участников были обобщены и систематизированы. Наиболее интересные мнения легли в основу данной статьи. В процессе подготовки статьи применялись методы анализа, обобщения, систематизации.

Результаты исследований

Культурно-историческая и духовная общность России и Грузии (Цихелашвили Н.Ш.)

Для современного этапа российско-грузинских отношений характерна негативизация роли России в истории постсоветских стран. Однако исторически для Грузии и России была характерна взаимопомощь и дружелюбность. История дает много примеров, которые могли бы стать основой становления добрососедских отношений в настоящее время.

Дипломатические отношения России и Грузии были налажены в XV в., при русском царе Иване III и грузинском царе Александре I. Благодаря этим отношениям Грузия и укреплялась, и развивалась. С помощью России удалось защитить Картли-Кахетинское царство от набегов Персии и Турции, наносивших грузинским княжествам тяжелый урон. В XIX в. благодаря России удалось объединить грузинские княжества и создать единую грузинскую нацию, присоединить западные земли. В свою очередь, Грузия всегда помогала России в трудные военные периоды. Приведем пример Петра Багратиона (сподвижника Михаила Кутузова), братьев Ивана и Семёна Панчулидзе. Свыше 70 генералов из Грузии воевали в Великую Отечественную войну. Флаг на фашистском рейхстаге установили солдаты Красной армии Егоров и Кантария.

Россию и Грузию связывают глубокие духовные корни. Единая вера всегда укрепляла отношения народов. Достаточно вспомнить историю спасения Иверской иконы Божьей Матери, выкупленной Россией из «персидского плена»; храм святого великомученика Георгия Победоносца Московского патриархата, который был воздвигнут в 1750 г. и в настоящее время является духовным центром грузинской диаспоры в Москве. По соглашению между патриархами Русской и Грузинской православных церквей святейшим и блаженнейшим патриархом Алексием и святейшим и блаженнейшим католикосом – патриархом Илией вторым (близкими друзьями по студенчеству в Троице-Сергиевой лавре), службы в этом храме проходят на грузинском и русском языках.

Еще одна святыня – это подклеть Свято-Донского монастыря с захоронениями князей из царского рода Багратиони, Дадияни и других великокняжеских родов, под предводительством которых грузины сражались за Отчизну. Это великая духовная святыня, которая подчеркивает духовное единство двух православных народов.

В России высоко почитаются грузинские святые, а в Грузии – русские. Многие грузины, например, считают своими покровителями святого Серафима Саровского. И на могиле глинского старца Виталия (Сидоренко) на территории храма святого князя Александра Невского в Тбилиси всегда лежат живые цветы. Русские православные христиане также с почитанием относятся к святому, нашему современнику, юродивому Христу ради Гавриилу Ургебадзе; святой исповеднице Фамари Марджанишвили (основательнице Серафимо-Знаменского женского монастыря по благословению святого Иоанна Кронштадтского в деревне Битюково Домодедовского района), святому Давиду Гареджийскому. Святой Георгий – общепочитаемый святой для двух народов, гербы с его изображением являются официальными символами городов и ведомств.

До сих пор народы России и Грузии относятся друг к другу с большой симпатией и даже любовью. Грузинская диаспора широко представлена не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, в Тверской и в Ярославской областях, в Краснодарском крае (село Пластунка), на Урале и в Сибири.

Глубинные духовные связи России и Грузии воспроизводятся в современных культурных проектах. Как пример – недавно разработанный проект международного молодежного этнокультурного фестиваля «По пути предков вместе». Это первый масштабный проект – исторический, этнографический, культурный, религиозный,

международный музыкальный молодежный фестиваль. Он пройдет осенью 2024 г. в Ингушетии (в Магасе), в Осетии (во Владикавказе), в Москве и Санкт-Петербурге.

В старинных крепостях / монастырях и музеях Грузии и России пройдет серия перформансов «По пути предков вместе». Такие проекты способствуют возрождению грузинской и российской традиционной культуры, истории, привлекают внимание широкой общественности, молодежи, иностранных туристов к памятникам архитектуры, к древним монолитическим объектам, которые представляют огромную историческую и художественную ценность. Проект подчеркивает неразрывную связь поколений прошлого, настоящего и будущего. Интегрируя в современную культуру элементы древней, аутентичной культуры и искусства России и Грузии, соединяя таким образом прошлое и настоящее, возможно заложить связи для общего будущего.

Творческая часть грузинской диаспоры в России (деятели культуры и искусства) совместно с краснодарской общественной организацией инвалидов детства и детей-инвалидов «Инва-Студия» и научно-реабилитационным центром Краснодара реализует арт-терапевтические мастер-классы для людей с ограниченными возможностями здоровья. В планах адаптировать этот опыт для реабилитации ветеранов СВО, получивших тяжелейшие ранения и увечья, лишившихся возможности полноценной интеграции в общество.

Таким образом, Россия и Грузия имеет глубинные духовные связи, актуализация которых в современных условиях становится условием развития грузино-российских отношений и гарантом сохранения традиционных ценностей обеих стран.

Консервативные силы грузинского общества за традиционные ценности (Гикашвили Г.В.)

Западноевропейское влияние на Грузию сформировало определенную часть общества с неолиберальными ценностями, которые под видом борьбы за права и свободы размывают идентичность и снижают способность грузин понять и осознать свою цивилизационную принадлежность. Эти люди и группы воспринимают традиционные ценности как нечто архаичное, ограничивающее свободы человека и препятствующее прогрессу. Между тем большая часть общества придерживается консервативной точки зрения.

Неолиберальная повестка не просто поддерживается, но и навязывается Грузии европейскими институтами. Так, еще в 2012 г. Европейский суд наложил на Грузию денежные санкции в связи с тем, что в ходе парада сексуальных меньшинств (организованного в связи с Международным днем борьбы с гомофобией) произошли столкновения участников парада с противниками популяризации неолиберальных ценностей.

Оплотом консервативной части общества является Грузинская православная церковь (ГПЦ). Церковь (наряду с языком, культурными артефактами и др.) формирует цивилизационную идентичность и социокультурный код грузин, защищает основы традиционных форм семьи и отношений мужчины и женщины, вступая в

противостояние с политическими институтами. В определенной степени ГПЦ имеет на это моральное право, так как издревле участвовала в строительстве грузинской государственности. И сегодня в грузинском обществе высок авторитет и влияние Католикос-Патриарха всея Грузии Илии Второго. В 2014 г. по его инициативе появился общественный праздник – День крепости и святости семьи.

Представители консервативного общества в современной Грузии составляют большинство, несмотря на активную пропаганду и разрешительную политику в отношении ЛГБТ* и т.п. И этот факт следует учитывать при развитии коммуникаций с Грузией. Объединение усилий в отстаивании приоритета традиционных ценностей могло бы сблизить российское и грузинское общество.

Политизация медиа Грузии: феномен «Рустави 2» (Сихарулидзе А.Т.)

Медиапространство Грузии политически ангажировано, на что не раз обращали внимание ученые и эксперты¹.

Все рейтинговые СМИ с большой аудиторией являются инструментами тех или иных политических сил. Это следует учитывать при построении российско-грузинских коммуникаций. В таких СМИ вряд ли удастся получить объективное освещение даже самых благородных поступков. Медиаресурсы Грузии давно перестали восприниматься как объективные источники информации, как четвертая власть, которая могла бы формировать информационную повестку и контент независимо от политических сил. Каждая политическая сила в современной Грузии имеет свои медиаресурсы.

Начало этому процессу положит телеканал «Рустави 2», остающийся в памяти грузин как инструмент политической борьбы. Еще в начале своей профессиональной карьеры известный грузинский бизнесмен Э.Кицмаришвили заявил, что если бы не «Рустави 2», то «революция роз» не смогла бы свершиться. Именно популярность и доверие граждан к этому телеканалу и позволили в 2003 г. начать движение и собрать критические массы на улицах разных городов Грузии и принудить правительство Э.Шеварднадзе осознать существующий кризис. Если красная роза, которую

1 Kandelaki, G., 2006. Georgia's Rose Revolution: A Participant's Perspective, United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2006/07/georgias-rose-revolution-participants-perspective>

Sikharulidze, A., 2020. Georgian Media as a Fake News? Caucasus Watch. URL: <https://caucasuswatch.de/en/insights/georgian-media-as-a-fake-news.html>

Качкаева А., 2009. Информационные маневры Россия – Грузия: в программе Анны Качкаевой дискутируют Эроси Кицмаришвили и Павел Шеремет, Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/1624019.html>

Сихарулидзе А. 2017. Дело «Рустави 2»: дамоклов меч «Грузинской мечты», Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/ArchilSikharulidze/delo-rustavi-2-damoklov-mech-gruzinskoj-mechty/>

*На основании решения Верховного суда РФ от 30.11.2023 внесен в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

Саакашвили, держа в руке, пронес в парламент страны в знак мирного народного протеста, стала символом самой революции, то «Рустави 2» стал символом свободы слова и борьбы за лучшее будущее.

После смены власти М. Саакашвили, осознав роль и значение этого телеканала, забрал его под контроль, отстранив прежнее руководство (Э. Кицмаришвили) и назначив новое. «Рустави 2» превратился в пропагандистский канал и дал толчок формированию политически ангажированного медиапространства Грузии.

Борьба за политический ресурс «Рустави 2» была характерна и в период противостояния между уже бывшей властью М.Саакашвили, Единым национальным движением (ЕНД) и новой политической силой во главе «Грузинской мечты». «Грузинская мечта» – взять под контроль этот канал влияния. Многолетняя юридическая борьба на местном и международном уровнях была окончена решением Европейского суда по правам человека в Страсбурге². Он постановил, что телеканал был незаконно изъят у его владельцев в период правления ЕНД. Следовательно, он должен быть возвращен законным владельцам. Этим решением на международном уровне признавалось использование незаконных методов против независимого медиапространства со стороны правительства М.Саакашвили.

Этот пример показывает характерную для Грузии борьбу за медиаресурсы любыми способами и их значимость в политическом противостоянии разных сил. Медиа перестали транслировать объективную информацию и являются инструментом продвижения интересов своих собственников.

Кинематограф как потенциальная сфера сотрудничества (Хотивришвили А.А.)

Грузинскому кино в 2023 г. исполнилось 115 лет. Единственным сохранившимся частично полнометражным документальным киноочерком 1912 г. является «Путешествие Акакия Церетели в Рача-Лечхуми», автором которого был В.Амашукели³. В советский период было снято порядка 1 200 грузинских фильмов на киностудии «Грузия-фильм»⁴. Первым советским фильмом стал фильм «Убийство генерала Грязнова» (1921 г., реж. И.Перестиани, сц. Ш.Дадияни). С 1928 г. начинается эпоха подъема грузинского кино. За четыре года были созданы громкие фильмы: «Элисо» Н.Шенгелая (1928 г.), «Моя бабушка» К.Микаберидзе (1929 г.), «Джим Шванте!» М.Калатозова (1930 г.) и «Хабарда» М.Чиатурели (1931 г.).

Благодаря поддержке кинематографа в СССР и творческим достижениям режиссеров и сформировалась грузинская национальная школа кино. В грузинских фильмах заложен свой неповторимый колорит, отражены особенности национально-

2 ЕСПЧ опубликовал решение по делу телекомпании «Рустави-2», Civil Georgia. URL: 2019: <https://civil.ge/ru/archives/313737>

3 Национальный архив Грузии. URL: Restored Version of the First Documentary Film was Passed to the National Archives for Preservation 2010-06-03 The National archives of Georgia.

4 Грузинский ССР кинематограф. URL: <http://istoriya-kino.ru/kinematograf/item/f00/s00/e0000767/index.shtml>

го характера: независимый дух грузин, открытость и доброта, человеческая радость общения, традиции и обычаи грузин. В грузинских фильмах прослеживается уважение друг к другу, этноконфессиональность и стремление к добрососедским отношениям. Изюминку грузинскому кино придавали сами актеры. Легендами грузинского и советского кино являются В.Кикабидзе, С.Закариадзе, Р.Чхиквадзе, С.Чиатурели, Л.Кавжарадзе, Л.Абашидзе и др.

Несмотря на новые предпочтения современной грузинской и российской молодежи, эти фильмы, при условии их доступности, могли бы стать мостом к взаимопониманию. Фестивали старого грузинского кино могли бы стать новым проектом для заинтересованных организаторов гуманитарных коммуникаций. При правильном позиционировании фестиваля его организаторы могли бы обойти ограничения режима коммуникаций с Россией в Грузии. Эти фильмы важны и для адаптации в России новых эмигрантов из Грузии. Грузинская диаспора в России проводит совместный показ грузинских фильмов, и творческие вечера спланируют эмигрантов. Организация такого рода мероприятий вызывает интерес у русских [10].

В настоящее время Национальный центр кинематографии Грузии способствует развитию киноиндустрии страны. Современные грузинские фильмы активно участвуют в различных фестивалях по всему миру. Однако отсутствие должного финансирования не позволяет развивать грузинский кинематограф на том уровне, как это было в СССР.

Потребности и потенциал аграрного сектора Грузии (Цопурашвили Г.)

Большие возможности для развития российско-грузинских отношений дает сельскохозяйственный сектор Грузии. Еще в период СССР, в 1930-е гг., в Грузии были проведены комплексные ресурсные исследования и выявлены почвенно-климатические и территориально-микроразностные возможности территории. Грузия производила для всего СССР чай, цитрус, табак, лучшие по вкусу фрукты, ранние овощи, вино и виноматериалы, развивала производство эфирных масел, шелка высшего качества и мн. др. Бренды грузинской продукции известны и в современной России.

Несмотря на то, что и сегодня Россия является для Грузии сельскохозяйственным партнером номер один, вероятно, что 15–20% ее потенциала не используется⁵. Для развития этого потенциала требуется решить ряд проблем:

Достигнуть взаимопонимания и уважения в вопросах политико-дипломатических отношений. Для Грузии самое главное – территориальная целостность и добрососедство. Для России – геополитические интересы на Кавказе и мир. Восстановление дипломатических отношений придаст дополнительный импульс и силу процессу сотрудничества.

Создать российско-грузинский информационно-аналитический центр развития широкомасштабных проектов, который проанализирует и определит перспективные возможности сотрудничества и контуры действий. В настоящее время в Грузии действуют западные аналитические центры и НПО, в том числе и в сфере сельского хозяйства. Их деятельность не только бессистемна, но и малоэффективна. Если бы была эффективность, то Россия не была бы для Грузии жизненно важным торговым партнером в области сельского хозяйства. Некоторые рекомендации западных консультантов не только не имеют результатов, но и наносят вред национальным интересам Грузии, устанавливая диктат в определении направлений и темпов развития, в частности, сельскохозяйственной отрасли страны.

В рамках указанного центра разработать целевые модельные программы по приоритетам: создание совместных предприятий, упрощение поставки продукции и заключение договоров напрямую с производителями, сертификация продукции, реализация «зеленого стандарта» и др.

Работа российско-грузинского информационно-аналитического центра позволила бы преодолеть инерционный режим коммуникаций. Сегодня сельскому хозяйству Грузии нужна альтернативная эффективная стратегия, план действий, ориентированный на результат, доступ к особо интересным традиционным рынкам и производству конкурентоспособной продукции. Затягивать процесс в этом вопросе и оставлять страну в «эволюционной инерции» недопустимо, поэтому углубление торгово-партнерских отношений с РФ даст дополнительный, ни с чем не сравнимый толчок развитию отрасли, и альтернативы этому сегодня нет.

Обсуждение результатов

Риски российско-грузинских отношений (Рцхиладзе Г.)⁶

Прошедший 2023 г. ознаменовался важными событиями в грузино-российских отношениях, которых официально, на дипломатическом уровне, и не существует. Некий позитивный фон обусловлен текущим совпадением интересов руководства Грузии и России, которых трудно назвать даже ситуативными союзниками, но возникшая ситуация достаточно близка к этому определению.

Грузии, экономика которой сильно пострадала вследствие объявленной «пандемии», очень помог бурный наплыв российских временных мигрантов, а также скачок торгового и транспортного оборота, начиная с 2022 г. Благодаря этому произошло быстрое восстановление экономического роста и наполнение бюджета. Хотя этот процесс во многом отягощен сильной инфляцией.

Россия тоже стала заинтересованной в промежуточном улаживании с Грузией споров, в снятии запрета авиасообщений (который был введен в 2019 г.), возвраще-

5 National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/ka>.

6 Полная версия доклада опубликована автором на сайте geworld.ge. URL: <https://geworld.ge/ge/sakartvelos-komunikatsiuri-rezhimis-ganvitarebis-tendantsiebi/>.

нии безвизового въезда в РФ для граждан Грузии и других косметических уступках с целью обезопасить свои наземные перевозки из / в Турции(-ю) и из / в Армении(-ю). России нужен надежный тыл на Кавказе в условиях СВО на Украине. Россия занялась расширением и благоустройством территории контрольно-пропускного пункта Ларс для увеличения пропускной способности этого КПП.

Институционально потепление экономических отношений России и Грузии оформилось в Российско-грузинский деловой совет при ТПП РФ. Вероятно, Россия прогнозирует усиление экономических связей. Но, на наш взгляд, есть серьезные риски. К тому же деятельность Совета пока не отмечена каким-то диалогом в Грузии, консультативные площадки и обсуждения проводятся в основном в России.

Запад, преследующий радикальные цели по отношению к России, естественно, не приветствует российско-грузинское сотрудничество. Но есть опасность, что и без особого нажима со стороны Запада Грузия и Россия могут затормозить и даже повернуть вспять скромные достижения в двухсторонних отношениях. Рассмотрим причины этого.

Проблема границ и возможная эскалация конфликта. В начале СВО со стороны представителей российского политического истеблишмента послышались призывы о принятии Южной Осетии (и, возможно, Абхазии) в состав Российской Федерации. На уровне высшего руководства РФ эти инициативы не были подтверждены. В парламенте Южной Осетии были инициированы изменения в закон о госгранице, которые могли спровоцировать в Грузии реакции, нарушающие относительную стабильность в регионе. На самой границе с Южной Осетией не прекращаются провокации со стороны определенных сил внутри Грузии и реагирование на них российских пограничников, которое, на наш взгляд, является асимметричным.

Флуктуации грузинских политиков. Серьезность намерений Грузии вступить в ЕС и НАТО детерминирована зависимостью от западных стран, и прежде всего – от США. Бюджет Грузии зависит от западных инвестиций, грантов и кредитов (у Грузии огромный внешний долг). Представители власти имеют личную зависимость: их денежные средства вложены в западные офшорные компании, обучение и трудоустройство детей происходит на Западе, отдыхают они преимущественно в западных странах. Показательный пример тотальной зависимости – случай с попыткой принять закон об «иностранных агентах», от которой отказались по причине давления со стороны США (причем со стороны не самого высокого лица в американской политической иерархии). Таким образом, очевидно то, что под страхом прямой интервенции американской карательной дипломатии грузинская власть откажется и от денежных вливаний из России, даже если будет личная заинтересованность ее представителей в этом. Риски слишком высоки. Интересы российско-грузинских отношений не смогут пролоббировать даже грузинские бизнесмены, делающие бизнес в России, со связями во властных кулуарах Грузии.

После получения статуса кандидата в ЕС грузинская власть в отношениях с Россией будет повторять позицию ЕС. Ценность этого статуса настолько высока для власти, что гражданину Грузии грозит от трех до шести лет тюрьмы только из-за

того, что он сорвал флаг ЕС с административного здания г. Мцхета в знак протеста против статуса кандидата в ЕС и против излишне пышной реакции на это событие (власть устроила массовые уличные празднества после подтверждения статуса кандидата в ЕС).

Хаотичность торгово-экономических отношений в условиях незащищенности грузинского рынка. Грузия нуждается в российском рынке для сбыта вина (основной товар экспорта) и сельскохозяйственной продукции. Вино экспортируется, но продукция грузинских фермеров (овощи и бахчевые) в условиях дешевого российского импорта трудно продается даже на внутреннем рынке. Инвестиции российского бизнеса в туристско-рекреационную систему (земли, отели, рестораны) нередко ставят в трудное положение местный средний бизнес, среди которого усиливается недовольство. Эти акценты расставляют прозападные СМИ и НКО, тиражируя каждый случай как официальную политику России, направленную на уничтожение грузинской экономики⁷.

Западными странами разработаны программы по снижению «экономической зависимости от России». Они начали предлагать альтернативы: дешевые кредиты, техническую поддержку, консультации по вопросам развития бизнеса и сбыта продукции сельского хозяйства. Возможно, России следует создать коммерческую организацию, которая будет решать как коммерческие, так и социальные задачи. В частности, централизованно принимать излишки урожая фруктов и овощей от грузинских крестьян.

Русофобия с русским лицом. Препятствовать развитию экономических отношений с Россией могут и имиджевые издержки. Негативный имидж России формируют не только западные страны, но и сами русские. Есть примеры, когда на сцене Русского драматического театра проводят акции в поддержку Украины с перечислением денежных средств в пользу ВСУ⁸; директор частной русской школы «Интеллект» запретил учебник русского языка для начальных классов, так как в этом учебнике упомянута Россия. Причем делается это под давлением НКО, которые следят за правильностью содержания учебников.

При этом есть в Грузии и другая часть общества – люди, гордящиеся поступком Гиви Ванишвили, специально приехавшего в Россию для участия в СВО. Для укрепления доверия этой части общества, снижения недовольства и конфликтности, улучшения позиции России в Грузии, наоборот, необходим ряд шагов, представленных в заключении к данной статье.

⁷ Песчур «Qartli.ge». URL: <https://mix.metronome.ge/news/122992> (18.10.2023).

⁸ Про помощь от доходов от спектакля, который ставился в беспрецедентном количестве с октября по декабрь 2022 г., не раз говорил организатор спектакля С.Кения, и это было напечатано на официальных афишах. В запрещенном в России спектакле среди прочих выступал русофоб Мирзали-Заде, депортированный из РФ за русофобию. См.: Арно Хидирбегишвили «Не играйте театром!» (24.10.2022). URL: <http://ru.gruzinform.ge/news/55483/arno-Kidibegishvili-ne-igrayte-teatrom-.html>; Радио «VeraTV» – «Дмитрий Потапенко, Серго Кения» (07.09.2022). URL: <https://youtu.be/33RStiXmv7c> (с 1:19:20).

Выводы

Анализ современного грузинского общества, представленный авторами статьи, и рассмотренные риски развития российско-грузинских коммуникаций показывают необходимость ряда значимых шагов.

Во-первых, кабинетная дипломатия не решит большинство проблем. Работать с грузинской властью, несомненно, надо, но необходимо начать работу с обществом. Западные страны за долгое время присутствия в Грузии сумели создать безразлично или негативно настроенное общество. Сторонники выгод Грузии от добрых отношений с Россией чувствуют себя в меньшинстве и разрозненными. Но это не значит, что их нет. Без работы с общественностью не получится развитие российско-грузинских отношений.

Во-вторых, при реализации масштабных экономических инициатив следует сформировать общественное одобрение. Например, территория, прилегающая к Южной Осетии, нередко используется для создания провокационных ситуаций. В то же время и россияне, и осетины, и грузины, заинтересованы в открытии транзитных дорог. Поэтому следует начать народный диалог на тему экономики транзитов между представителями общественности Грузии и Южной Осетии при содействии России (по принципу «обсуждаем то, что выгодно сторонам»). Без этой подготовительной работы общества (как и без подготовительной работы с обществом) рискованно начинать масштабные проекты. Проект может быть заблокирован общественными акциями сопротивления.

В-третьих, необходимо работать с молодежью. Как минимум начать работать с теми студентами и аспирантами, которые приезжают в Россию из Грузии. Большинство из них потом остается в России, но никак не задействовано в общественном диалоге россиян и грузин. Эта молодежь больше других заинтересована в дружественных отношениях Грузии и России. Грузинская диаспора могла бы реализовать эту инициативу и создать так называемую «Alumni».

В-четвертых, есть темы, объединяющие наши народы. Это общая история, культура (например, грузинский кинематограф в СССР), традиционные ценности, память об И.Сталине и др. Несмотря на неоднозначность оценок его личности, роль Сталина в мировой истории создает для грузин повод для гордости. Вокруг памятных событий общего исторического прошлого могут выстраиваться культурные проекты.

В-пятых, православие объединяет русских и грузин. Общая задача – всемерно содействовать развитию ГПЦ и противодействовать расколам, политизации церкви и политическому давлению на священнослужителей (что наблюдается, например, на Украине, в Молдове).

В-шестых, развитие экономического сотрудничества, торговых отношений России и Грузии видится более институционализированным и управляемым. Целесообразно создание российско-грузинского центра анализа, разработки стратегий и проектов экономического сотрудничества, создание более открытой и управляемой инфраструктуры бизнес-участников.

Все эти предложения могут быть реализованы при наличии хотя бы минимальных правовых и политических условий. В этой связи важнейшее значение приобретают выборы в Грузии 2024 г., так как нормы и правила коммуникаций с Россией будут зависеть преимущественно от победившей политической силы.

Список источников

1. Абгарян Д.Р. Политика Российской Федерации и Грузии в Черноморском регионе: международно-правовые аспекты [The policy of the Russian Federation and Georgia in the Black Sea region: international legal aspects] // Международное право и международные организации. 2022. № 2. С. 10–19.
2. Айвазян Д.С. Актуальные тенденции взаимодействия прибрежных черноморских государств [Current trends in the interaction of coastal Black Sea states] // Современная Европа. 2021. № 7.
3. Бахтуридзе З.З. Внешнеполитический курс Грузии в XXI веке: региональное измерение [Georgia's foreign Policy course in the XXI century: regional dimension]. Монография. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2018. 127 с.
4. Каримов Ш.И., Кисляков А.С. Геополитическое взаимодействие России со странами Закавказья на рубеже XX-XXI веков [The geopolitical interaction of Russia with the countries of Transcaucasia at the turn of the XX-XXI centuries] // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 52–56.
5. Марабян К.П. Фактор России во внешней политике Грузии [The factor of Russia in Georgia's foreign policy] // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 4 (56). С. 1274–1283.
6. Наумов А.О., Демин Д.В. Политика России в отношении «революции роз» в Грузии [Russia's policy towards the «Rose Revolution» in Georgia] // Вестник Московского университета. Серия 21: «Управление (государство и общество)». 2023. Т. 20. № 2. С. 85–103.
7. Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. Внешнеполитическая ориентация как фактор электорального поведения: результаты социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане [Foreign policy orientation as a factor of electoral behavior: the results of sociological surveys in Belarus, Georgia and Kazakhstan] // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 55–85.
8. Саани С.В. Основные направления взаимодействия России и Грузии в гуманитарнокультурной сфере [The main directions of interaction between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere] // Постсоветские исследования. 2022. № 5.
9. Хидирбегишвили А.А., Хотивришвили А.А., Горюнов И.П. Общественно-политические факторы гуманитарных коммуникаций Грузии и России [Socio-political factors of humanitarian communications between Georgia and Russia] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1 (7). С. 54–65.
10. Хотивришвили А. А. Кинематограф Грузии в постсоветский период [Cinematography of Georgia in the post-Soviet period] // Постсоветские исследования. 2023. № 7 (6). С. 767–774.
11. Шестакова М.Н. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса) [Territorial differentiation of public attitudes in modern Georgia (the experience of a sociological survey)] // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 146–157.

Информация об авторах

ЦИХЕЛАШВИЛИ Николай Шотаевич. Общественный деятель г. Москвы. <https://orcid.org/0009-0008-2537-4742>. Адрес: Российская Федерация, 119019, г. Москва, пер. Большой Знаменский, д. 2, стр. 7, tsikhel@mail.ru

ГИКАШВИЛИ Гиорги Важаевич. Преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. <https://orcid.org/0009-0009-9499-992X>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. giorgi.gikashvili001@gmail.com

СИХАРУЛИДЗЕ Арчил Теймуразович. Аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, основатель SIKHA foundation. <https://orcid.org/0000-0002-3989-2451>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9. archil.sikharulidze@tsu.ge

ХОТИВРИШВИЛИ Анна Александровна. Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, заместитель директора Центра исследований постсоветских стран, эксперт по миграции ЕС и постсоветского пространства. <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. anakhotvishvili777@gmail.com

ЦОПУРАШВИЛИ Гоча. Доктор экономических наук, соруководитель комиссии аграрных инноваций Академии наук сельского хозяйства Грузии. <https://orcid.org/0009-0004-9695-5107>. Адрес: Грузия, 0102, г. Тбилиси, ул. Ив. Джавахишвили, 51. gocha.tsopurashvili@gmail.com

РЦХИЛАДЗЕ Гулбаат. Кандидат политических наук, руководитель Института Евразии Грузии. <https://orcid.org/0009-0009-1771-5284>. Адрес: Грузия, 0108, г. Тбилиси, ул. Костава, 21. geurasiageo@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 декабря 2023 г. Одобрена после рецензирования: 10 января 2024 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abgaryan D.R. The policy of the Russian Federation and Georgia in the Black Sea region: international legal aspects. *Mezgdunarodnoje pravo i mezgdunarodnyje organizatsii* [International law and international organizations]. 2022; 2:10-19 [In Russian].
2. Ayvazyan D.S. Current trends in the interaction of coastal Black Sea states. *Sovremennaja Jevropa* [Modern Europe]. 2021; 7 [In Russian].
3. Bakhturidze Z.Z. Georgia's foreign Policy course in the XXI century: regional dimension. Monograph. St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House. 2018:127 [In Russian].
4. Karimov Sh.I., Kislyakov A.S. The geopolitical interaction of Russia with the countries of Transcaucasia at the turn of the XX-XXI centuries. *Gumanitarij* [Humanities]. Bulletin of the Financial University. 2022; 12 (3):52-56 [In Russian].
5. Marabyan K.P. The factor of Russia in Georgia's foreign policy. *Questions of political science*. 2020; 10 (4(56)):1274-1283 [In Russian].
6. Naumov A.O., Demin D.V. Russia's policy towards the "Rose Revolution" in Georgia. *Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*. 2023; 20 (2):85-103 [In Russian].
7. Okunev I.Yu., Shestakova M.N. Foreign policy orientation as a factor of electoral behavior: the results of sociological surveys in Belarus, Georgia and Kazakhstan. *Bulletin of MGIMO University*. 2022; 15 (6):55-85 [In Russian].
8. Saani S.V. The main directions of interaction between Russia and Georgia in the humanitarian and cultural sphere. *Post Sovetskije issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2022; 5 [In Russian].

9. Khidirbegishvili A.A., Khotivrishvili A.A., Goryunov I.P. Socio-political factors of humanitarian communications between Georgia and Russia [Socio-political factors of humanitarian communications between Georgia and Russia]. *Russia&World: Scientific dialogue*. 2023; 1(7):54-65 [In Russian].
10. Khotivrishvili A.A. Cinematography of Georgia in the post-Soviet period [Cinematography of Georgia in the post-Soviet period]. *Post Sovetskije issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2023; 7(6):767-774 [In Russian].
11. Shestakova M.N. Territorial differentiation of public attitudes in modern Georgia (the experience of a sociological survey). *Sotsialnyje i gumanitarnyje znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2021; 7 (2(26)):146-157 [In Russian].

About the authors

Nikolay Sh. TSIKHELASHVILI. Moscow public figure. <https://orcid.org/0009-0008-2537-4742> Address: 2, p. 7, Bolshoy Znamensky, Moscow, 119019, Russian Federation. tsikhel@mail.ru

Giorgi V. GIKASHVILI. Lecturer at the Department of Foreign Languages at the Russia Peoples' Friendship University. <https://orcid.org/0009-0009-9499-992X> Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. giorgi.gikashvili001@gmail.com

Archil T. SIKHARULIDZE. Postgraduate student at St. Petersburg State University, founder of the SIKHA foundation. <https://orcid.org/0000-0002-3989-2451> Address: 7/9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. archil.sikharulidze@tsu.ge

Anna A. KHOTIVRISHVILI. CandSc (Hist.), Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations at the Russia Peoples' Friendship University, Deputy Director of the Center for Post-Soviet Studies, expert on EU and Post-Soviet migration. <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484> Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. anakhotvishvili777@gmail.com

Gotcha TSOPURASHVILI. DSc (Econ.), Co-head of the Commission of Agrarian Innovations of the Academy of Sciences of Agriculture of Georgia. <https://orcid.org/0009-0004-9695-5107> Address: 51, Iv. Javakhishvili str., Tbilisi, 0102, Georgia. gocha.tsopurashvili@gmail.com

Gulbaat RTSKHILADZE. CandSc (Polit.), Head of the Georgia Institute of Eurasia. <https://orcid.org/0009-0009-1771-5284> Address: 21, Kostava str., Tbilisi, 0108, Georgia. geurasiageo@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: December 25, 2023. Approved after peer review: January 10, 2024. Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

К началу второго тысячелетия римская цивилизационная матрица обладала не только двумя различными институциональными ядрами, но и расколотой оболочкой. Определяется западноевропейский путь развития на последующие столетия: доминирование светской власти при достаточно сильной власти духовной, выполняющей роль институционального балансира, и укрепляющихся рыночных институтах. Параллельно оформлялась цивилизационная матрица Византии, образованная институциональным ядром редиистрибутивного типа и оболочкой, специфика которой определялась доминирующей православной верой, этническим многообразием, близостью Средиземного моря, сильным влиянием римской и греческой культур и технологий и постоянной угрозой существованию империи.

Барахвостов П.А.

Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства)

Сталинизм в Абхазии (Абхазской АССР) привел к напряжению в отношениях с грузинским этносом, к формированию тенденции ущемления прав абхазского народа, к проблеме сохранения абхазской национальной идентичности и к практически полному уничтожению политической элиты.

Кобахия К.Д.

Особенности общественно-политических процессов в Абхазии (Абхазской АССР) в 30–40-е гг. XX в.

Искандеркульский поход стал ключевым моментом в истории Средней Азии, в результате которого Россия укрепила свое влияние и обеспечила стабильность в приграничных районах... Несмотря на первоочередные военные цели, состав Искандеркульской экспедиции включал в себя также выдающихся ученых и специалистов. Их основной целью было проведение всестороннего научного изучения областей, вовлеченных в экспедицию. Эта многозадачность подчеркивает комплексный характер исследовательского предприятия, предпринятого российской администрацией в верховьях Зарафшана.

Одинаев А.Н.

Искандеркульская экспедиция 1870 г.: вклад российского востоковеда А.Л.Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира

Будучи многонациональным государством, обремененным религиозными и традиционными, экономическими и коммуникационными проблемами, Афганистан также пытался соединиться с двумя противоборствующими центрами холодной войны, чтобы использовать определенные позиционные возможности, повысить геополитическое значение собственной страны, создать и развивать легкие связи с технологическими центрами.

Погосян В.А.

Влияние холодной войны на состояние афганского общества

Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства)

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. Геополитические трансформации последних десятилетий актуализировали исследования цивилизационных различий Востока и Запада. Среди факторов, способствовавших их формированию, наиболее часто называют религию, подтверждая данный тезис примером раскола христианской церкви на римско-католическую и православную церкви и, как следствие, возникновения западно- и восточнохристианской цивилизаций. Как правило, авторы «вычленяют» религию из социальной системы, рассматривая ее независимо от всех остальных сфер, как первичный фактор, запускающий выделение цивилизации. В настоящей работе возникновение новой цивилизации, в том числе западно- / восточнохристианской, рассмотрено в рамках институционального подхода, как процесс формирования сложной институциональной структуры, состоящей из комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе религии. Данный процесс может начаться в недрах «материнской» цивилизации, вызвав ее кризис, этапы развития и разрешения которого проанализированы на примере раскола единого христианского мира с использованием матричного подхода, предполагающего, что цивилизация характеризуется цивилизационной матрицей, образованной институциональным ядром, содержащим одновременно на условиях доминантности – комплементарности рыночные и редистрибутивные институты, и оболочкой, включающей культурно-религиозные и национально-демографические особенности, природно-климатическую и материально-технологическую среду. Показана необходимость как укрепления доминантных институтов в институциональном ядре, так и создания балансиров (комплементарных институтов) для устойчивого развития цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационная матрица, институциональное ядро, рыночные институты, редистрибутивные институты, институциональная матрица, религия

Для цитирования: Барахвостов П.А. Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства) // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 142-157, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)

The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity)

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. The geopolitical transformations of recent decades have added to the topicality of the study of civilizational differences between the East and the West relevant. Religion is often cited as a contributing factor to these differences. This can be confirmed by the example of the split of the Christian Church into the Roman Catholic and Orthodox churches and, as a consequence, the emergence of the Western and the Eastern Christian civilizations. As a rule, the authors “isolate” religion from the social system, considering it independently of all other spheres, as the primary factor that triggers the emergence of civilization. In this work, the emergence of a new Western and Eastern Christian, is considered within the framework of the institutional approach, as a process of formation of a certain complex institutional structure that regulates the life of society and consists of a whole complex of interconnected and interdependent economic, political, and socio-cultural institutions, including religion. This process can begin in the bowels of the “mother” civilization, causing its crisis. The stages of development and resolution of such a crisis are analyzed using the example of a split in the united Christian world using a matrix approach. This approach assumes that civilization is characterized by a civilizational matrix formed by an institutional core that simultaneously contains market and redistributive institutions on the basis of dominance/complementarity, and a shell that includes cultural-religious and national-demographic characteristics, the natural-climatic and material-technological environment. The necessity of both strengthening dominant institutions in the institutional core and creating balancers (complementary institutions) for the sustainable development of civilization is shown.

Keywords: civilizational matrix, institutional core, market institutions, redistributive institutions, institutional matrix, religion

For citation: Barakhvostov P.A. The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity). Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 1(11): 142-157, [doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)

Введение

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий, до неузнаваемости изменившие современный мир, актуализировали исследования дихотомии «Восток – Запад». Особенности географического расположения делают данную проблему исключительно важной для России, находящейся одновременно и в Европе, и в Азии. Проблематика противостояния Востока и Запада и роль России в нем занимала многих российских мыслителей, в частности Н.Я.Данилевского [9], Л.Н.Гумилёва [8], К.Н.Леонтьева [16], выявивших его основу – цивилизационные противоречия. Представляет интерес установление обусловивших их факторов.

Среди них довольно часто называют религию, в качестве примера рассматривая постфактум сформировавшиеся различия (противоречия) западно- и восточнохристианской цивилизаций как следствие раскола христианской церкви на две части: римско-католическую и православную. Роль религиозного фактора при формировании двух христианских миров на протяжении десятилетий исследуется историками [13, 15, 20, 21, 22, 26, 27], философами [5, 14, 25, 28, 29, 32], политологами и правоведами [19, 23, 30], богословами [11, 18, 24]. Как правило, авторы вычленяют религию из социальной системы, рассматривают ее независимо от всех остальных сфер, как первичный фактор, запускающий процесс выделения цивилизации. Однако действительно ли это так, ведь религия – лишь один из институтов общественной системы? Для ответа на этот вопрос в настоящей работе возникновение новой цивилизации рассмотрено как процесс формирования определенной сложной институциональной структуры, регулирующей жизнь социума и состоящей из целого комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе религии. Данный процесс может начаться в недрах «материнской» цивилизации, вызвав ее кризис, этапы развития и разрешения которого проанализированы на примере раскола единого христианского мира.

Материалы и методы

В работе используется интегральный институциональный подход [1; 4; 10; 35]. В его основе – идея о том, что эволюция цивилизации определяется ее цивилизационной матрицей (ЦМ), образованной взаимосвязанными элементами (оболочкой, включающей культурно-религиозные и национально-демографические особенности, природно-климатическую и материально-технологическую среду), и институциональным ядром – сложной системой институтов («правил игры», определяющих направленность социальных действий [36]), обеспечивающих функционирование всей системы. В институциональном ядре можно выделить институциональную матрицу, образованную базовыми институтами – «глубинными, исторически устойчивыми и постоянно воспроизводящимися социальными отношениями, обеспечивающими интегрированность разных типов обществ, историческими инвариантами, которые

позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [12].

Базовые институты бывают двух типов: редистрибутивные и рыночные. В соответствии с работами С.Г.Кирдиной [12], к базовым редистрибутивным институтам относятся: в экономической сфере – общественная собственность, перераспределение (аккумулирование – согласование – распределение с обязательным участием Центра); в политической сфере – унитарно-централизованное политическое устройство, иерархическая вертикаль власти; в социокультурной сфере – коммунитарное мировоззрение, которое выражает осознание приоритетности «Мы» над «Я», эгалитаризм.

Базовые рыночные институты: в экономической сфере – частная собственность, купля-продажа как институт обмена, наёмный труд, конкуренция; в политической сфере – федеративное политическое устройство, самоуправление и субсидиарность; в социокультурной сфере – индивидуалистское мировоззрение, выражающее доминирование «Я» над «Мы».

В институциональной матрице базовые институты двух типов (редистрибутивные и рыночные) сосуществуют на принципах доминантности – комплементарности [12]. Аналогично в институциональном ядре также можно обнаружить институты альтернативных типов, причем доминирующий тип совпадает с таковым в институциональной матрице.

Цивилизационная матрица не является раз и навсегда заданной конструкцией. В процессе социокультурной динамики, обусловленной влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов, она реконструирует свои элементы. Возникает вопрос: при каких условиях возникает цивилизационный кризис и какому состоянию цивилизационной матрицы он соответствует? Каким образом развивается кризис и каковы способы его разрешения? Данные проблемы будут проанализированы в настоящей работе на примере распада римской цивилизации и рождения западно- и восточнохристианских цивилизаций.

Результаты исследования

В процессе рождения западно- и восточнохристианской цивилизаций можно выделить несколько стадий, каждая из которых ассоциирована с определенной фазой кризиса «материнской» римской цивилизации. Далее проанализированы их особенности.

Западная Римская империя и Восточная Римская империя: зарождение и развитие цивилизационного кризиса

В 330 г. центр Римской империи, испытывавшей колоссальное давление воинственных племен варваров, переместился в более спокойные и богатые восточные провинции, где на берегу Босфора располагался древний греческий город-колония

Византий. Однако в силу огромной протяженности и, как следствие, плохой управляемости Римской империи разразился внутренний экономический и политический кризис, и в 395 г. она разделилась на две части: Западную (латинскую) и Восточную (греческую) Римские империи. Языковые и культурные различия между ними (различия в социокультурных институтах) обусловили центробежные тенденции, что послужило началом I стадии цивилизационного кризиса. Западная часть империи оказалась соседствующей и, следовательно, подверженной диффузии (проникновению) институтов германских, а восточная – азиатских племен и империй. Главным интегрирующим фактором являлась единая христианская религия, однако в силу книгопечатания на различных языках в западной и восточной частях Римской империи обнаруживались отличия даже в литургических текстах.

В результате падения Рима под натиском варваров Италия оказалась под готским владычеством. «Готские государи не были преследователями кафоличества, но сознание того, что живешь без защиты, заставило епископов сплотиться в более солидарный союз» [2, с. 457]. Возникла сила, которая могла противостоять слабой государственной власти в варварских королевствах раннего Средневековья, – церковь. Функции правления в городах взяли на себя епископы [7]. Так, «итальянский епископат воспитан был в сознании своей полной церковной независимости» [2, с. 457].

Несмотря на колоссальные разрушения, началось восстановление земель бывшей Западной Римской империи. Этому благоприятствовали географические преимущества Западной Европы: мягкий климат, теплое морское течение Гольфстрим, наличие рек, ведущих к морю, что способствовало развитию земледелия и торговли; разнообразие природных ландшафтов, обусловивших развитие различных форм хозяйствования; удаленность от наиболее агрессивных племен и империй того времени, вследствие чего не было необходимости в организации сильного централизованного государства для обеспечения защиты. Западная Европа унаследовала от римлян и греков ряд передовых для своего времени технологий (например, в сельском хозяйстве – виноградарство и виноделие, технологии градостроительства, водоснабжения, дорожного строительства) и институциональных наработок (институты полисной демократии, рациональное правосознание, идеи «общего блага», защищенной правом частной собственности, достоинства свободного человека). Из Восточной Римской империи вследствие диффузии институтов на эти земли пришли монетная система, законодательные своды, опыт государственного управления, ряд культурных достижений восточных цивилизаций.

В то же время значительное влияние оказали институциональные наработки древних германских народов: акцент на личные и групповые права свободных людей, подотчетность власти сообществу. Огромную интегрирующую роль сыграл латинский язык, понимаемый повсюду в Западной Европе, литургический язык западнохристианской церкви. Отсутствие препятствий в коммуникации стимулировало распространение идей и технических инноваций.

Как следствие воздействия множества вышеперечисленных факторов, в Западной Европе началось формирование и укрепление институтов рыночного типа: в

экономике – частной / личной собственности, товарно-денежного обмена; в политической сфере – органов сословного представительства, самоуправления; в социокультурной сфере – элементов индивидуалистского мировоззрения. Одновременно шло усиление ветви духовной власти (западнохристианской церкви), для которой была характерна высокая степень централизации, присущая институтам редистрибутивного типа. В совокупности это явилось балансиrom, препятствовавшим зарождению деспотий восточного типа при преодолении раздробленности и становлении крепкой центральной власти в Западной Европе.

В другой, восточной, части некогда единой Римской империи развитие пошло другим путем. Для окруженной врагами Византии одной из первоочередных задач была защита от внешней агрессии. Эту функцию могло выполнить только сильное государство. Причем победа могла быть достигнута лишь при доминировании «Мы» над «Я». Таким образом, необходимым условием выживания социума в данном случае было доминирование в институциональной матрице редистрибутивных институтов. Византия – это общественная система, спаянная духом боевого коллективизма.

Вместе с тем здесь причудливым образом соединились как новые институты, так и институциональные наработки Римской империи, игравшие роль балансира. Во главе Византии – император, однако в период раннего Средневековья еще отсутствовал порядок престолонаследия. Формально считалось, что императора избирает сенат, армия и народ в лице своеобразных партий. При императоре существовал постоянный совещательный орган – сенат (синклит), который обсуждал вопросы внешней и внутренней политики, рассматривал законопроекты, направляемые на утверждение императором, назначал высших должностных лиц, осуществлял судебные функции по наиболее важным уголовным делам. Во главе центрального государственного управления стоял Государственный совет (Консistorий) – совещательный орган, обсуждавший все текущие вопросы государственного управления и осуществлявший судебные функции. Тем не менее решающей роли в жизни общества данные органы не играли. Впоследствии у сената в пользу императорской власти было изъято право рассматривать законопроекты и назначать высших должностных лиц империи, что свидетельствует об укреплении редистрибутивных институтов.

Местное управление первоначально строилось на принципах разделения военного и гражданского управления. Местные общины управлялись выборными чиновниками под контролем государственных (назначаемых) чиновников. Но под воздействием военной угрозы во многих регионах образуются новые административные единицы – фемы, где военная и гражданская власть сосредотачивалась в руках назначаемого командующего военными подразделениями, размещенными на этой территории.

Вообще сильная армия – стержень общественной системы Византии. В доиндустриальном обществе одним из главных источников дохода являлась земля. В Византии наиболее распространенный способ её получения – как вознаграждение за воен-

ную службу. В VII в. из числа свободных крестьян-общинников было создано особое военное сословие стратиотов. Земля стратиотов не могла отчуждаться и переходила по наследству к одному из сыновей, который должен был нести службу.

Потребности содержания армии обусловили создание системы централизованного перераспределения доходов – государственных налоговых сборов и раздач, что, как следствие, привело к возникновению огромного бюрократического аппарата. Служба чиновников и военных оплачивалась золотыми монетами, выпуск которых монополизировало государство. Те, в свою очередь, покупали на них всё необходимое для жизни. «Растекающиеся» по Византии монеты возвращались государству в виде налогов. Государственное регулирование объема выпускаемых монет обусловило возможность управления хозяйственной жизнью: если монет выпускалось больше, производители вынуждены были продавать свою продукцию по заниженным ценам.

Крестьяне платили ренту монетами в виде налога государству. Эта рента была намного выше крестьянских платежей в Западной Европе и зачастую оказывалась неподъемной, что обусловило возникновение особой формы закрепощения – централизованной, которая тормозила развитие частных поместий, усиление власти землевладельцев и, следовательно, формирование сильного класса, который мог бы сбалансировать чрезмерное усиление ветви государственной власти. Примечательно, что здесь не найти таких замков, как на Западе. Знать предпочитала жить в городах, причем не во всех, поскольку в течение III–V вв. широко практиковалась политика «рационализации» распределения городов: многие из них в густонаселенных регионах были лишены своего статуса и привилегий, что опять-таки было связано с необходимостью увеличения налоговых поступлений в казну. Центральные власти стали непосредственно контролировать городские фискальные дела и использовать местную власть преимущественно как оценщиков и сборщиков налогов. К середине VI в. только государство могло позволить себе инвестировать в строительство зданий в городах – как правило, оборонительных или административных сооружений. К концу VI в. города фактически утратили подавляющую часть своей самостоятельности и более не выполняли роль культурных очагов. Упадок городов, а следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности, не дали развиваться (как в Западной Европе) «третьему сословию», с присущими ему ценностями индивидуализма.

При таком упадке провинциальных, мелких городов столица Византийской (Восточной Римской) империи Константинополь процветал. Главной целью для каждого было занять определенное место в имперской системе. Благополучие представителей господствующего класса гораздо сильнее зависело от их места в иерархии государственной власти, чем от унаследованной и приобретенной собственности. Для Византии характерно нерасчлененное единство властных и собственнических функций, т.е. институт власти-собственности [6].

Таким образом, в Византийской империи формировалась институциональная матрица с доминированием редистрибутивных институтов, что, как правило, харак-

терно для восточных гидравлических обществ (термин введен К.Виттфогелем [37]). Как заметил И.Бродский, «Византия была мостом в Азию, но движение по нему шло в обратном направлении» [3, с. 373]. Главной причиной этого явилась обусловленная внешними факторами милитаризация Византии.

В условиях жесткого господства и подчинения в государстве (доминирования политических институтов редистрибутивного типа) восточнохристианская церковь стремилась сохранять определенный демократизм внутри себя, выполняя тем самым компенсаторную функцию, балансируя институциональные перекосы в институциональном ядре. Восточнохристианская церковь являлась представительным органом для всех христиан, проживавших как на территории империи, так и за ее пределами. Решения, касавшиеся церковной жизни, принимались большинством голосов и имели обязательную силу для всех. В раннесредневековой Византии в работе соборов наряду с клиром участвовали и миряне. Жизнь церкви между соборами направлялась и регулировалась на основании достижения консенсуса Вселенскими патриархами при отсутствии строгой иерархии между ними. Если в Западной Европе существовало две сильные ветви власти – светская и духовная, представленная западнохристианской церковью, то в Византии взаимоотношения церкви и государства выстраивались по принципу союза («симфонии»).

Таким образом, к середине VII в. институциональное ядро некогда единой Римской империи разделилось на две части: западную и восточную с альтернативными институциональными матрицами (на Западе доминировали рыночные, а на Востоке – редистрибутивные институты). Религия как институт на западе и востоке Римской империи нашла отражение в институциональных формах альтернативного типа, соответствующих комплементарным институтам частей разделенного институционального ядра. Эти различные институциональные формы оказывали соответствующее воздействие на культурно-религиозные особенности – оболочку ЦМ, что привело к ее существенной пространственной деформации. Цивилизационный кризис в Римской империи перешел в следующую, II стадию.

Развитие цивилизационного кризиса (VII–IX вв.)

К середине VII в. вследствие экспансии арабских племен Византия потеряла значительное количество своих земель: Египет, Иерусалим, Сирию и Антиохию. В составе империи остались только греческие территории, поэтому стала забываться латынь, что негативно отразилось на торговых контактах с Западной Европой и развитии ремесел. Государство стало в значительной степени деурбанизированным, опиравшимся на крестьянскую общину с ее коллективной ответственностью (редистрибутивный институт). Римская служебная аристократия постепенно превратилась в церковную и правительственную служебную элиту, стремившуюся осесть в Константинополе и его окрестностях, поближе к императору. Уменьшилась экономическая мощь и независимость верхних слоев общества при соответствующем усилении императорской власти.

Окончательно оформилась византийская властная модель, которая составила основу первой в истории христианской идеологии: император (вождь народа и армии) и действующая под его опекой церковь (хранительница нравственных устоев государства и общества). Активно внедряя данную модель, императоры наделяли церковь и её важный структурный элемент – монастыри – огромными владениями и привилегиями, что, с другой стороны, ограничивало возможности раздач земель за службу.

Необходимость жить в состоянии постоянной военной угрозы (особенно на азиатских окраинах империи) и тяжелое экономическое положение обусловили рост недовольства, упадок культуры и всплеск суеверий. Константинополь тех времен представлял собою «ковчег, полный мощей и иных религиозных реликвий» [31], отношение к которым со стороны малограмотного населения граничило с языческим идолопоклонством. Это явилось основанием иконоборчества, развернутого императором Львом III Исавром. Для религиозного обоснования своих действий иконоборцы использовали тезис о невозможности достойно изобразить Христа, поскольку он не являлся человеком в обычном смысле. Кроме борьбы с иконопочитанием иконоборчество предполагало усиление власти государства в церковных делах, т.е. усиление элементов редистрибуции в религиозных институциональных формах, в частности, секуляризацию монастырской земельной собственности. Реализация подобной политики приводила к устранению балансирующих институциональной матрицы, роль которых играет религия, и к чрезмерному усилению доминирующих редистрибутивных институтов.

Римские папы увидели в иконоборчестве победу цезарепапизма¹, впервые заявив о противоречиях принципов государственно-церковных отношений, сложившихся на Востоке и Западе, что послужило началом противостояния восточно- и западнохристианской церквей, завершившегося схизмой, которая продлилась около ста лет и сформировала «трещину» в оболочке (культурно-религиозных особенностях) римской цивилизационной матрицы. К ее окончанию бывшая Римская империя оказалась разделенной как в административном, так и в религиозном плане. Таким образом, де-факто в результате развития цивилизационного кризиса появились два христианских мира (западный и восточный).

К началу второго тысячелетия римская цивилизационная матрица обладала не только двумя различными институциональными ядрами, но и расколотой оболочкой. Великий раскол 1054 г., в результате которого западнохристианская и восточнохристианская церкви де-юре разделились, образовав соответственно римско-католическую и православную церкви, формально зафиксировал окончательный распад римской цивилизационной матрицы, который явился способом разрешения цивилизационного кризиса.

1 Цезарепапизм – термин, обозначающий форму правления, при которой глава светской власти – император (цезарь) фактически являлся одновременно главой церкви (папой). URL: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/4619>.

Преодоление последствий раздела цивилизаций

Благоприятное расположение Западной Европы способствовало укреплению рыночных институтов в институциональном ядре. Демографический взрыв в начале второго тысячелетия вызвал активную колонизацию пустующих европейских земель. Возникали новые поселения, процветали города, находившиеся под патронажем феодалов и королей, заинтересованных в развитии торговли, которая обеспечивала приток пошлин. Рост торговли требовал развития инфраструктуры (хороших и безопасных дорог, мостов). Появились новые ремесла (например, производство сукна), которые стали приносить большой доход.

Как правило, ремесленники, составляющие основное население города, объединялись в особые социальные корпорации (цеха), представляющие собой институт гибридного типа, который нередок в обществах переходного типа [34]. С одной стороны, цеха создавались для того, чтобы помочь выстоять вчерашним крестьянам в новых условиях, в их основе – идея о том, что только коллектив может быть силой. Цеха отличались строгой организацией и изолированностью от внешнего мира, что предполагало преимущественное общение и даже браки внутри такого объединения. В этом плане цеха представляют собой институт, обладающий чертами редистрибутивного типа. Однако руководство цехом было выборное. Кроме этого, отсутствовал уравнительный принцип распределения доходов цеха, вследствие чего данный институт обладал также характеристиками рыночного типа.

Богатые члены цехов, торговцы, землевладельцы составляли выборные органы городского управления. Автономия или даже независимость города от власти феодала нередко достигалась путем выкупа. Независимые города устанавливали между собой связи, создавали агломерации или даже союзы, как это было, например, в случае Ганзейского союза. Таким образом, экономические рыночные институты приводили к возникновению и укреплению институтов политических и социокультурных (индивидуалистского мировоззрения).

Достаточно сильной на Западе была ветвь духовной власти – римско-католическая церковь. Между римскими папами и европейскими королями развернулась настоящая битва за политическое господство. Ее этапами явились: борьба за совместное участие представителей духовных и светских властей при актах инвеституры вассалов-епископов, признание непогрешимости пап, право совершать военные действия в различных регионах мира от имени Бога (крестовые походы). Церковью были созданы особые военизированные структуры, которые являлись передовым отрядом крестовых походов и колонизации новых христианизированных земель – духовно-рыцарские ордена. Их членами, как правило, становились младшие сыновья в феодальных домах (в силу существовавшего в Западной Европе права наследования (майората) они не имели возможности рассчитывать на отцовские владения). Сглаживая возможные социальные последствия майората, католическая церковь явилась активным участником формирования западной цивилизации [33].

Тем не менее с начала XIV в. римская церковь начинает терять свое влияние в Западной Европе, что не в последнюю очередь связано с модификацией данного института – проникновением в его структуру рыночных элементов в виде торговли индульгенциями. Окончательно определяется западноевропейский путь развития на последующие столетия: доминирование светской власти при достаточно сильной власти духовной, выполняющей роль институционального балансира, и укрепляющихся рыночных институтах.

Параллельно оформлялась цивилизационная матрица Византии, образованная институциональным ядром редистрибутивного типа и оболочкой, специфика которой определялась доминирующей православной верой, этническим многообразием, близостью Средиземного моря, сильным влиянием римской и греческой культур и технологий и постоянной угрозой существованию империи. Пребывание империи в состоянии перманентной войны обусловило материальные расходы, съедавшие ежегодно до 70% бюджета, и, как следствие, консервацию существовавших порядков [17]. Не экономическая сфера определяла политическую, а наоборот. Г.Г.Литаврин отмечал, что Византийская империя – единственная страна европейского Средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту. При этом своеобразной собственностью были и сами подданные [17].

В ситуации высоких жизненных рисков расходы императора было достаточно трудно просчитать заранее, поэтому за ним признавалось право собирать не только обычные, но и чрезвычайные налоги. В то же время государство являлось гарантом сельской общины в случае неурожая. Это обусловило развитие государственного патернализма и «моральной экономики», которая культивировала превалирование «Мы» над «Я», представление о традиции как высшей ценности в сравнении с новациями, уравнильные ценности.

Тем не менее институциональное ядро византийской ЦМ содержало не только доминирующие редистрибутивные институты, но и комплементарные рыночные в виде формирующегося частного землевладения и товарно-денежных отношений в развивающихся провинциальных городах, оспаривавших торгово-ремесленную монополию Константинополя. Однако эти институты были слабыми, а нахождение в агрессивной внешней среде не позволило им развиваться и выполнить свою функцию институционального балансира.

Несбалансированность институционального ядра Византии (чрезмерное усиление редистрибутивных институтов при крайне слабом развитии рыночных) не позволила ей преодолеть последствия цивилизационного кризиса.

Таким образом, проведенное исследование показывает первичность институциональных различий Западной и Восточной Римских империй как фактора, обусловившего цивилизационный кризис и в конечном итоге раскол между западнохристианской и восточнохристианской цивилизациями. Выделены стадии этого процесса. Показано, что I стадия характеризуется появлением гетерогенности институционального ядра ЦМ; данная стадия проявилась в разделе Римской империи

на западную и восточную части. На следующей, II стадии имеют место разделение институционального ядра на части с альтернативными институциональными матрицами и деформация «оболочки» (культурно-религиозных особенностей), что наблюдалось к середине VII в. III стадия цивилизационного кризиса характеризуется появлением трещины оболочки, охватывающей все ее компоненты. Данная стадия завершается цивилизационным расколом, что имело место в 1054 г. при разделе западнохристианской и восточнохристианской церквей де-юре.

Показано, что для развития цивилизации необходимо укрепление доминантных институтов в институциональном ядре и создание балансиров (комплементарных институтов), способствующих устойчивому развитию социума.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что причиной цивилизационного раскола является возникновение в недрах «материнской» цивилизации двух пространственно-разделенных институциональных систем (ядер цивилизации), включающих институциональные матрицы альтернативных типов. Цивилизационный кризис характеризуется достаточно продолжительным стадийным развитием и может завершаться, как в случае римской цивилизации, расколом, проявляющимся, в частности, в культурно-религиозных особенностях образовавшихся «осколков». Условием формирования из них новых цивилизаций является укрепление доминантных институтов в новом институциональном ядре и создание балансиров (комплементарных институтов).

Список источников

1. Барахвостов П.А. Особенности цивилизационного пограничья: интегрально-институциональный анализ [Features of the civilizational frontier: an integral institutional analysis] // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. Т. 12. № 1. С. 119–126.
2. Болотов В. В. История Церкви в период Вселенских Соборов: История богословской мысли [History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of theological thought]. М.: Поколение, 2007.
3. Бродский И. Форма времени [Form of the time]. Т. 2. Минск: Эридан, 1992.
4. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А. К созданию институциональной политической экономики [Towards an Institutional Political Economy creation] // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 17–24.
5. Бурлака Д.К. Религия и Церковь [Religion and Church] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2005. № 6. С. 7–54.
6. Васильев Л.С. Законы эволюции и проблемы человечества: препринт WP17/2011/03 [Evolution laws and problems of Mankind: preprint WP17/2011/03]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
7. Гергей Е. История папства [History of the papacy]. М.: Республика, 1996.
8. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь [Ancient Rus' and the Great Steppe]. М.: Мысль, 1989.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Russia and the Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. СПб.: Н. Страхов, 1895.

10. Дементьев В.В. Институциональная политическая экономия: с чего начать? [Institutional political economy: where to start?] // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 1. С. 25–44. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.025-044.
11. Каллист У. Православная Церковь [The Orthodox Church]. М.: Дух и Литера, 2004.
12. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
13. Костромин К.А. Разделение церквей в контексте общеевропейской международной политики IX–XII вв. [The division of churches in the context of pan-European international politics in the 9th–12th centuries] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 1. С. 14–22.
14. Ле Гофф Ж. Рождение Европы [Birth of the Europe]. СПб.: Александрия, 2008.
15. Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках [The churches division history of the 9th, 10th and 11th centuries]. М.: RUGRAM_Пальмира, 2022.
16. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Избранное [Byzantism and Slavism. Selected works]. М.: «Рарог», «Московский рабочий», 1993.
17. Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. [The geopolitical position of Byzantium in the medieval world in the VII–XII centuries] // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 2001.
18. Мартынов О.П. О причинах расхождения мирозерцаний христианских Востока и Запада [On the reasons for the divergence of the worldviews of the Christian East and West] // Рязанский богословский вестник. 2018. № 2. С. 54–68.
19. Орлов М. Религиозно-культурный фактор как условие трансформации международных и правовых отношений [Religious and cultural factor as a condition for the transformation of international and legal relations] // Власть. 2008. № 5. С. 66–69.
20. Перепёлкин Л.С. Фобии в Европе как механизм межцивилизационного размежевания [Phobias in the Europe as a mechanism of intercivilizational disengagement] // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2018. Т. 10. С. 80–89. DOI: 10.30936/222779512018108089.
21. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) [Christian Church History (before the division of the Churches – 1054)]. Киев: Христиан. Благотворит.-просвет. асоц. «Путь к истине», 1991.
22. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия [Eastern Schism. Byzantine theocracy]. М.: Восточная литература, 1998.
23. Сальников В.П., Романовская Л.Р. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? [“Orient” or “oxident”: which way is the Russian eagle facing?] // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 11–15.
24. Синайский А. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католицизму) (X–XV вв.) [Relations of the Ancient Russian Church and society to the Latin West (Catholicism) (X–XV centuries)]. СПб.: Тип. СПб. акционер. общества «Издатель», 1899.
25. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад [Civilization on trial the world and the west]. М.: АСТ, 2011.
26. Треушников И.А. Основные аспекты проблемы «Запад – Восток» в историософии всеединства [The main aspects of the problem “West – East” in the historiosophy of the unity] // Вестник Московского университета. Серия 7: «Философия». 2009. № 2. С. 30–40.
27. Филонов В.И. Взаимоотношение православия и католичества в контексте этнокультурной самоидентичности Европы: историко-политический аспект [The Orthodoxy and Catholicism Relationship in the context of the Europe ethnocultural self-identity: historical and political aspect] // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 120–123.
28. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) [At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century)]. СПб.: Алетейя, 2004.
29. Фрис В. Православие и католичество. Противоположность или взаимодополнение? [Orthodoxy and Catholicism. Opposite or Complementary?] Брюссель: Жизнь с Богом, 1992.
30. Шишова М.И. Проблема государства и церкви в религиозно-философской концепции метафизики культуры [The problem of relations between the state and the church in the religious and philosophical concept of the metaphysics of culture] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. № 4. С. 260–267.
31. Шмеман А. Все монархи мира: Древняя Греция, Древний Рим, Византия [All the monarchs of the world: Ancient Greece, Ancient Rome, Byzantium] / Под ред. К. Рыжова. М.: Вече, 1999.
32. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. М.: Мысль, 1993.

33. Barakhvostov P. The Inheritance Rights in the Process of Formation and Evolution of Institutional Matrices // Mir Rossii. 2022. V. 31. № 2. P.163–173. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173.
34. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The risk society and beyond: critical issues for social theory / B. Adam, U. Beck, J. Van Loon (Eds.). London: Sage Publications, 2007. P.211–230.
35. Hodgson G.M. What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. 2000. V. 34. № 2. P. 317–329.
36. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. V. 5. № 1. P. 97–112.
37. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1963.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: 220070, Белоруссия, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Barakhvostov P.A. Features of the civilizational frontier: an integral institutional analysis. Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 1. History and archaeology. Philosophy. 2020; 12 (1) 119-126 [In Russian].
2. Bolotov V.V. History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of the theological thought. Moscow: Pokolenie, 2007 [In Russian].
3. Brodsky I. Form of the time. T. 2. Minsk: Eridan, 1992 [In Russian].
4. Boyer R., Brousseau E., Kaye A. Towards an Institutional Political Economy creation. Jekonomicheskaja sociologija. 2008; 9 (3):17–24. [In Russian].
5. Burlaka D. K. Religion and Church. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2005; 6: 7–54 [In Russian].
6. Vasiliev L.S. Evolution laws and problems of Mankind: preprint WP17/2011/03. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshij shkoly jekonomiki, 2011 [In Russian].
7. Gergey E. History of the papacy. Moscow: Republic, 1996 [In Russian].
8. Gumilyov L.N. Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow: Mysl', 1989 [In Russian].
9. Danilevsky N.Ya. Russia and the Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance] St. Petersburg: N. Strakhov, 1895 [In Russian].

10. Dementyev V.V. Institutional political economy: where to start? Zhurnal institucional'nyh issledovanij. 2015; 7 (1):25-44 [In Russian]. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.025-044.
11. Callistus W. The Orthodox Church. Moscow: Izdatel'stvo Duh i Litera, 2004 [In Russian].
12. Kirdina S.G. Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory. St. Petersburg: Nestor-History, 2014 [In Russian].
13. Kostromin K.A. The division of churches in the context of pan-European international politics in the 9th–12th centuries. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2015; 14 (1):14-22 [In Russian].
14. Le Goff J. Birth of the Europe. St. Petersburg: Alexandria, 2008 [In Russian].
15. Lebedev A.P. The churches division history of the 9th, 10th and 11th centuries. Moscow: RUGRAM_Palmira, 2022 [In Russian].
16. Leontiev K.N. Byzantium and Slavism. Selected works. Moscow: Rarog, Moscow Worker, 1993 [In Russian].
17. Litavrin G.G. Geopolitical position of Byzantium in the medieval world in the VII–XII centuries. Vizantija mezhdu Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy harakteristiki. Saint-Petersburg, Aleteija, 2001 [In Russian].
18. Martynov O.P. On the reasons for the divergence of the worldviews of the Christian East and West. Rjazanskij bogoslovskij vestnik. 2018; (2):54–68 [In Russian].
19. Orlov M. Religious and cultural factor as a condition for the transformation of international and legal relations. Vlast', 2008; (5): 66–69 [In Russian].
20. Perepelkin L.S. Phobias in the Europe as a mechanism of intercivilizational disengagement. Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2018; 10: 80-89 [In Russian]. DOI: 10.30936/222779512018108089.
21. Posnov M.E. Christian Church History (before the division of the Churches – 1054). Kyiv: Christian. Charitable-educational association «Put' k istine», 1991 [In Russian].
22. Runciman S. Eastern schism. Byzantine theocracy. Moscow: Vostochnaja literature, 1998 [In Russian].
23. Salnikov V.P., Romanovskaya L.R. “Orient” or “oxident”: which way is the Russian eagle facing? Mir politiki i sociologii. 2014; (11):11–15 [In Russian].
24. Sinaisky A. St. Petersburg: Tipografija Sankt-Peterburgskogo akcionernogo obshhestva “Izdatel’”, 1899 [In Russian].
25. Toynbee A.J. Civilization on trial the world and the west. Moscow: AST, 2011 [In Russian].
26. Treushnikov I.A. The main aspects of the problem “West – East” in the historiosophy of the unity. Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 7. Filosofija. 2009; (2):30–40 [In Russian].
27. Filonov V.I. The Orthodoxy and Catholicism Relationship in the context of the Europe ethnocultural self-identity: historical and political aspect. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2017; (2):120–123 [In Russian].
28. Florya B.N. At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century). St. Petersburg: Aletheya, 2004 [In Russian].
29. Fries V. Orthodoxy and Catholicism. Opposite or complementary? Brussels: Zhizn's Bogom, God, 1992 [In Russian].
30. Shishova M.I. The problem of relations between the state and the church in the religious and philosophical concept of the metaphysics of culture. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2014; 15 (4): 260–267 [In Russian].
31. Schmemmann A. All the monarchs of the world: Ancient Greece, Ancient Rome, Byzantium / Ed.K. Ryzhova. Moscow, Veche, 1999 [In Russian].
32. Spengler O. The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History. Moscow: Mysl, 1993 [In Russian].
33. Barakhvostov P. The Inheritance Rights in the Process of Formation and Evolution of Institutional Matrices. Mir Rossii. 2022, 31(2):163–173 [In English]. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173.
34. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes. The risk society and beyond: critical issues for social theory / B. Adam, U. Beck, J. Van Loon (Eds.). London: Sage Publications. 2007:211–230 [In English].
35. Hodgson G.M. What is the essence of institutional economics? Journal of Economic Issues. 2000. 34 (2):317–329 [In English].
36. North D.C. Institutions. Journal of Economic Perspectives. 1991; 5 (1):97–112 [In English].
37. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1963 [In English].

About the author

Pavel A. BARAKHVESTOV. CandSc (Polit.). Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Особенности общественно-политических процессов в Абхазии (Абхазской АССР) в 30–40-е гг. XX в.

Кама Дауровна Кобахия✉

Независимый исследователь, Сухум, Республика Абхазия

KamaKD@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8336-5362>

Аннотация. В статье рассмотрена специфика сталинских репрессий в Абхазии в 30–40-е гг. XX в. Автор выявил изменения в общественно-политических процессах страны, происходившие под влиянием сталинизма. В результате исследования были выделены основные направления сталинской репрессивной политики в Абхазии. Подробно описаны попытки уничтожения политической и культурной элиты, ущемления прав абхазов и иных народов, проживавших в Абхазии. Предоставлены официальные данные о принудительном изменении этнического состава населения и преследовании представителей политической элиты, а также проанализированы условия грузино-абхазского взаимодействия в указанный период. Автор сделал вывод о трагическом влиянии сталинских репрессий на развитие абхазской государственности, сохранение национальной идентичности, а также построение грузино-абхазских взаимоотношений.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва) для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: сталинизм, Абхазия, репрессии, переселенческая политика, лингвоцид, государственность

Для цитирования: Кобахия К.Д. Особенности общественно-политических процессов в Абхазии (Абхазской АССР) в 30–40-е гг. XX в. // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 158–172, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-158-172](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-158-172)

Features of Socio-Political Processes in Abkhazia (Abkhaz ASSR) in the 1930–1940s

Kama D. Kobakhia✉

Independent researcher, Sukhum, Republic of Abkhazia

KamaKD@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8336-5362>

Abstract. The article examines Stalin's repressions in Abkhazia in the 1930s and 1940s. The author revealed the specifics of socio-political processes that took place under the influence of Stalinism. As a result of the study, the main directions of Stalin's repressive policies in Abkhazia were identified. Attempts to destroy the political and cultural elite, infringe on the rights of Abkhazians and other peoples living in Abkhazia are described in detail. Official data on the forced change of the ethnic composition of the population and the persecution of representatives of the political elite are provided, as well as the conditions of Georgian-Abkhazian interaction during this period are analyzed. The author drew a conclusion about the tragic impact of Stalin's repressions on the development of the Abkhazian statehood, the preservation of national identity, as well as the construction of Georgian-Abkhazian relations.

The article was prepared according to the International Academic Mobility Program, organized by the National Research Institute of the Communications Development (Moscow) for young scientists from foreign countries.

Keywords: Stalinism, Abkhazia, repression, resettlement policy, linguocide, statehood

For citation: Kobakhia K.D. Features of Socio-Political Processes in Abkhazia (Abkhaz ASSR) in the 1930–1940s. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024; 1(11): 158–172, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-158-172](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-158-172)

Введение

Распад Советского Союза в 1991 г. стал катализатором межнациональных конфликтов и началом вооруженных столкновений на постсоветском пространстве. Одним из итогов существовавших противоречий стала Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. Хотя ликвидация централизованной системы власти и послужила поводом к открытой агрессии, реальные причины войны следует искать в истоках самого конфликта, начавшегося задолго до того, как был зафиксирован конец СССР.

К обострению грузино-абхазского конфликта во многом причастен генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин и проводимая им политика насильственного интегрирования Абхазской Советской Социалистической Республики в Грузию. Принятые в период его руководства решения сформировали основные тенденции в грузино-абхазских отношениях, последующее развитие которых и привело к войне.

Межнациональные противоречия, уже существовавшие к моменту установления в Абхазии и Грузии советской власти, были культивированы сталинской политикой 30–40-х гг. XX в., что усилило напряжение между соседними республиками.

Хронология исследования определена тем фактом, что именно с середины 1930-х гг. сталинская репрессивная политика активизировалась в Абхазии, ухудшая политическую и социальную обстановку в регионе. По мере усиления грузинской власти абхазское правительство теряло возможность контролировать происходящие в республике процессы. В 1920-е гг. все принимаемые здесь решения являлись итогом соглашений между центральной советской властью и непосредственно абхазским правительством. Этому способствовали товарищеские взаимоотношения между Сталиным и председателем ЦИК Абхазии Нестором Лакобой. Его убийство в 1936 г., как и понижение статуса Абхазии в 1931 г., стали отправной точкой начала открытого ущемления прав абхазской нации, которые до этого момента ему удавалось отстаивать. Репрессивная политика против абхазского населения продолжалась как до смерти Сталина, так и до самого распада СССР – в зависимости от того, о каком аспекте репрессий идет речь. Но происходившие с конца 1940-х гг. события фактически можно считать закономерным последствием политики, выработанной и реализованной здесь Сталиным после смерти Лакобы.

Объектом исследования стала сталинская репрессивная политика в Абхазии в 30–40-е гг. XX в., а предметом – спровоцированные этой политикой общественно-политические процессы в республике в тот же период. В статье поставлена цель: выделить особенности сталинских репрессий в Абхазии. Актуальность темы исследования заключается в том, что установление специфики сталинских репрессий в Абхазии является необходимым условием для понимания современной политической обстановки, в которой оказалась Республика Абхазия. В частности, в исследовании сделан акцент на противоречиях, возникших в грузино-абхазских отношениях в указанный период.

Для ясности понимания обстановки, сложившейся в Абхазии в начале 30-х гг. XX в., а также особенностей взаимоотношений между Абхазией и Грузией читателю предлагается краткая справка об условиях, в которых возникла Абхазская Советская Республика. В частности, автор обращает внимание на важные этнодемографические и политические изменения в Абхазии, происходившие до начала сталинских репрессий.

Одним из ключевых вопросов в процессе установления в Абхазии советской власти был вопрос государственного статуса страны. Абхазия отсчитывает свою государственность с момента создания Абхазского царства в VIII в. Однако с течением времени государственный статус страны изменялся. Например, на момент присоединения к Российской империи в 1810 г. Абхазское княжество было одним из немногих государств в Закавказье, получивших статус автономии. Многие из соседних грузинских княжеств (Картлийско-Кахетинское царство, Имеретия, Гурия и др.) уже были упразднены царской администрацией [15]. Однако в 1864 г. в результате Кавказской войны (1817–1864) княжество было преобразовано в Сухумский округ и подчинено администрации царского наместника на Кавказе [6, с. 3–7]. В абхазской историографии процесс установления в Абхазии советской власти ознамено-

вал восстановление суверенитета Абхазии. Хотя данную точку зрения оспаривают грузинские исследователи, трактующие факт создания ССР Абхазии как «уловку» центрального правительства, но не способные отрицать его ввиду наличия подтверждающих нормативно-правовых актов [7–9]. Примечательно, что еще в 1917 г. созданный здесь местный орган власти – Абхазский Народный Совет – развивал международные отношения по трем направлениям: интеграция в союз кавказских республик (в частности, вхождение Абхазии в состав Горской республики), установление равноправных отношений с меньшевистской Грузией (с подписания 9 февраля 1918 г. соглашения о добрососедстве до оккупации Абхазии войсками грузинского генерала Мазниева), а также сближение с РСФСР.

4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена советская власть. 28–29 марта 1921 г. в Батуми состоялось совещание ответственных работников Кавказского бюро РКП(б), ЦК КП(б) Грузии и Абхазии по вопросу «О структуре Соввласти и Компартии в Абхазии», на котором было выработано постановление, согласно которому Абхазия объявлялась «социалистической советской республикой». На основании этого 31 марта 1921 г. Революционный Комитет Абхазии принял декларацию «Об образовании Абхазской Советской Республики». ЦК РКП(б) одобрил постановление Батумского совещания и Декларацию Революционного комитета (далее – Ревком) Абхазии. 21 мая 1921 г. Ревком Грузии принял декларацию «О независимости Социалистической Советской Республики Абхазия», в которой он «признает и приветствует образование независимой Социалистической Советской Республики Абхазия...» [13, с. 114–121]. Тем не менее вскоре республика подверглась давлению со стороны центра, выступавшего за ее объединение с Грузией. Главным инструментом давления стала проводимая Сталиным экономическая изоляция. Так, еще в сентябре 1921 г., когда Абхазия обладала статусом советской республики, он писал секретарю ВЦИК А. Енукидзе: «Абхазия является автономной частью независимой Грузии, отсюда самостоятельных представителей при РСФСР не имеет и не должна иметь. Поэтому кредит от РСФСР она не может получить» [6, с. 84–100]. А 5 июля 1921 г. на заседании Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) с участием Сталина было принято постановление о ведении партийной работы «в направлении объединения Абхазии и Грузии в форме автономной республики, входящей в состав Грузии». 14 ноября 1921 г. было обнародовано заявление первого Председателя Военно-революционного комитета (ВРК) Абхазии Ефрема Эшбы в адрес Кавбюро ЦК, в котором он настаивал на вхождении Абхазии в Закавказскую Федерацию в качестве четвертой республики. В ответ на это Кавбюро РКП(б) 16 ноября 1921 г. приняло постановление, в котором говорилось: «Считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии»; было предложено либо объединиться на договорных началах с Грузией, либо стать автономной областью в РСФСР [13, с. 114–121].

Уже в феврале 1922 г. ССР Абхазия на основании «особого союзного договора» объединилась с ССР Грузия. Формальная независимость сохранялась вплоть до 11 февраля 1931 г. Понижение государственного статуса стало лишь первым пунктом в плане ликвидации Абхазии как независимого государства. Следом начинает-

ся целенаправленное уничтожение абхазской нации путем использования разного рода репрессий – от попыток интеллектуального и физического уничтожения до замещения коренного народа переселенцами.

Материалы и методы

Исследование сталинских репрессий в Абхазии осложнено высоким политическим значением данной темы. Нередко случается, что позиции абхазских (С.З.Лакоба, Т.М.Шамба, В.А.Чирикба и др.) [6, 13, 15] и грузинских (М.Лордкипанидзе, З.Папаскири, М.Мацаберидзе и др.) [7–9] исследователей при рассмотрении одних и тех же проявлений сталинизма в Абхазии разительно отличаются. Существующее многообразие мнений подчеркивает актуальность и спорность выбранной тематики. Стремясь достигнуть максимальной объективности в своем исследовании, автор опирался не только на работы отечественных ученых, но и анализировал публикации грузинских авторов по выбранной тематике. Тем не менее степень изученности непосредственно заявленной тематики в грузинской историографии оставляет желать лучшего. Несмотря на многочисленность работ, оспаривающих государственно-правовой статус Абхазии в 20-е гг. XX в., лишь в единицах из них упоминаются события, о которых пойдет речь в данной статье. Создается впечатление, что это делается с целью замалчивания невыгодных для Грузии моментов совместной истории.

Стоит отметить, что другим аспектом, осложнявшим исследование, послужило небрежное отношение причастных должностных лиц к фиксации информации, например, о числе осужденных граждан, мерах наказания или истинных мотивах обвинения. Неоднократно в рамках исследования автору приходилось сталкиваться с некорректными или неполными данными о судьбе жертв сталинских репрессий в Абхазии. Например, известно, что многие из осужденных граждан, направленных на исправительные работы на 10 лет без права переписки, вскоре погибали, но по документам еще некоторое время числились в живых. Необходимо понимать, что действительное число репрессированных лиц не может быть установлено, т.к. не все акты вынесения приговоров были задокументированы должным образом. Это означает, что используемые в рамках исследования данные всегда будут относительно и примерны. Работа по установлению числа жертв продолжается и сегодня. Так, большой вклад в процесс формирования источниковой базы исследования внесли некоммерческие организации, занимающиеся сбором и публикацией списков памяти жертв репрессий, такие как «Мемориал»¹, «Открытый список» (база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991), «Бессмертный барак» и др. Непосредственное значение имеет изучение не только архивных данных, но и воспоминаний репрессированных должностных лиц, членов их семей

1 Организация выполняет функции иноагента (на 16.11.2023), 18+.

и рядовых граждан. Ментальный портрет сталинского периода в Абхазии отчетливо отражен в мемуарах Адиле Аббас-оглы², в семейном архиве и воспоминаниях Ирины Вардания³ и работах Н.Н.Иоаниди [3].

С целью объективного исследования темы в качестве теоретической базы используются материалы как абхазских (С.З.Лакоба, Т.А.Ачугба, Б.Е.Сагария и др.) [1, 6, 10], так и грузинских исследователей (М.Лордкипанидзе, З.Папаскири, М.Мацаберидзе и др.) [7–9].

Источниковая база исследования включает официальные документы: государственные нормативно-правовые акты, в частности: Постановления ЦК КПСС, ЦИК КПСС, СНК СССР и местных органов советской власти, указы Президиума Верховного Совета СССР, а также архивные документы органов НКВД (приказы, приговоры, судебные решения). Важно упомянуть, что во время Грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. был уничтожен Государственный архив Абхазии. При работе с абхазскими архивными данными автор вынужден был опираться на сборники документов, опубликованные до 1992 г., а также на сохранившиеся сведения⁴ [2].

В рамках исследования преобладает использование структурно-диахронного метода. Он позволяет отследить развитие общественно-политических процессов, происходивших в Абхазии с начала 30-х до конца 40-х гг. XX в.

Результаты исследования

Автор выделил несколько характерных направлений сталинской репрессивной политики в Абхазии (Абхазской АССР) в 30–40-е гг. XX в., каждое из которых трагирует отдельные общественно-политические аспекты.

Массовые репрессии и преследование абхазской политической элиты

28 декабря 1936 г. Председатель ЦИК Абхазской АССР Нестор Лакоба скончался во время своей командировки в Тбилиси. С этого момента в Абхазии стал активно раскручиваться маховик репрессий.

20 июля 1937 г. Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Л. Берия направил Сталину письмо «О контрреволюционных группах в Грузии». В нем он утверждал о создании Н.Н.Бухариным и А.И.Рыковым местной контрреволюционной организации, в которую якобы вошел и Нестор Лакоба. По свидетельству Берии, Лакоба лично развернул

2 Невестка Нестора Лакоба, Председателя ЦИК Абхазии в 20–30-е гг. // Аббас-оглы А. Не могу забыть. М., 2005.

3 Дочь Анатолия Вардания, политического деятеля и соратника Нестора Лакоба // Дочь за отца... отвечает! (Тайны семейного архива Анатолия Вардания и Вероники фон Белински) / Сост.: С.Лакоба, А.Дбар. Сухум, 2018.

4 Значительным объемом данных в своих работах делится абхазский публицист Екатерина Бебия, занимавшаяся сбором документов еще до уничтожения абхазских архивов в 1992 г.

работу правых в целях создания самостоятельной Абхазии под протекторатом Англии и Турции. Берия сообщил, что намеревается расстрелять «не менее 1000 человек из числа к.р. правых, троцкистов, шпионов, диверсантов, вредителей и проч.»⁵. В это число он не включал бывших кулаков или уголовников, но к аресту предлагались семья и близкие Нестора, поскольку «ведут себя подозрительно»⁶.

С 30 октября по 3 ноября 1937 г. ведется открытый судебный процесс «над контрреволюционной, вредительской, шпионской организацией в Абхазии», по которому проходят 13 человек – товарищи, родственники и коллеги Нестора Лакобы. Также известный как «Дело о тринадцати лакобовцах», процесс завершился вынесением всем участникам смертного приговора. На списке арестованных еще до начала судебного процесса стояла резолюция Л. Берии, гласившая: «Расстрелять» [6, с. 132-136].

Репрессии проводились против всей абхазской интеллигенции. Начатые дела проходили под такими названиями: «Всадники», «Абхазторг», «Антропиды», «Динамит», «Дипломаты», «Иранцы», «Каратели» и др. На основании сфальсифицированных данных и вымученных пытками показаний выносились смертные приговоры. По делу об абхазских юношах от 1937 г. проходили четыре несовершеннолетних мальчика, от 13 до 15 лет, – Рауф Лакоба и его братья. Все они были расстреляны 6 июля 1941 г.⁷

По данным С.З.Лакобы, с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. в Абхазии были репрессированы 2 186 человек; из них 748 расстреляны, 377 бесследно сгинули в тюрьмах, многие «нашли свой конец в лагерях» [6, с. 132-136].

Переселенческая политика и изменение этнического состава населения

Большой террор 1937–1938 гг. был всего лишь вступлением в новый, не менее сложный этап сталинских репрессий в Абхазии. Террор не прекратился ни в период Великой Отечественной войны, ни тем более в послевоенный период. Наоборот, Абхазия оказалась на грани полного исчезновения из-за ускоренных этнодемографических изменений в стране (см. Таблицу 1).

Стоит отметить, что еще до установления советской власти ключевую роль в изменении этнодемографической ситуации в Абхазии сыграло «махаджирство» – массовое, вынужденное переселение абхазского народа, происходившее в результате Кавказской войны XIX в., восстания 1866 г. в Абхазии, Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Например, подобным губительным последствием Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало насильственное выселение примерно 50 тыс. абхазов в Сибирь и Турцию, в результате чего Абхазия «опустела». Таким образом, в результате переселения 60–70-х гг. XIX в. число абхазов в стране сократилось почти до 46 тыс. [1, с. 105-106].

5 Записка Л.П. Берия И.В. Сталину о контрреволюционных группах в Грузии. 20 июля 1937 г. URL: <https://istmat.org/node/31615>.

6 Там же.

7 День памяти Рауфа Лакоба. URL: <http://lakobamuseum.ru/24-06-2022>.

Таблица 1. Этнодемографический состав и численность населения Абхазии (по материалам статистических исследований, проводимых в разные периоды)
Table 1. The ethnodemographic structure and population of Abkhazia (on the materials of statistical studies conducted in different periods)

годы	абхазы	картвелы	русские	армяне	греки	всего
1886	589636	4166	971	1049	2149	69184
1897	58697	25875	5135	6552	5393	104449
1914	91450	14731	4978	7980	9922	132538
1916	111780	37414	21978	15794	10627	197593
1926	55918	67494	20456	30048	27085	202927
1939	56197	91967	60201	49705	34621	294600
1959	61193	158221	86715	64400	9111	379640
1970	83097	213322	79730	73000	13600	462749
1977	77000	200000	93000	75000	14000	503000
1989	93267	239872	74913	76541	14664	499357

Источник: Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. URL: http://apsnyteka.org/228-abkhazia_pravovye_osnovy_gosudarstvennosti_i_suvereniteta_glava1.html
Source: Shamba T. M., Neproshin A. Yu. Abkhazia. Legal foundations of statehood and sovereignty. Moscow, 2004. URL: http://apsnyteka.org/228-abkhazia_pravovye_osnovy_gosudarstvennosti_i_suvereniteta_glava1.html

Впервые в своей истории абхазы оказались в меньшинстве на собственной территории [14, с. 10].

Подобные условия упростили процесс колонизации края и легли в основу формирования здесь полиэтнического населения. Имперские власти занялись освоением опустевших земель, раздавая их переселенцам в качестве наград и организуя русские поселения. Постепенно в Абхазии обосновались греки, русские, болгары, немцы, мегрелы (мингрелы), армяне и др. Однако местные климатические условия и вызванные ими заболевания (в частности, малярия) замедляли освоение региона [12, с. 88-96]. Этим воспользовалась соседняя Западная Грузия, запустив активный процесс заселения абхазских земель. По большей части на освободившихся участках селились мегрелы, подстрекаемые к этому не только тяжелым экономическим положением, но и публикациями грузинских общественных деятелей. Разработанная российским правительством программа ускорила этот процесс, и к концу XIX в. грузины, мегрелы и сваны составили четверть населения Абхазии [12, с. 96-99].

Следствием русско-грузинской борьбы за освоение Абхазии стало изменение этнодемографического состава населения. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., население практически удвоилось с 1868 г. При этом число абхазов составляло 58,7 тыс., грузин и мегрелов – 25 тыс., русских – до 6 тыс., армян – от 1,3 до 6,5 тыс., греков – от 2 до 5,4 тыс. человек [1, с. 137-138]. Историк Т.А.Ачугба отмечает, что уже в советский период, с 1926 по 1939 г., снова произошло изменение состава

населения Абхазии. Увеличилось число русских, армян и греков – на 40, 20 и 7 тыс. человек соответственно [1, с. 137–138]. Стоит отметить, что ведущие грузинские историки предпочитают умалчивать факт активного заселения Абхазии грузинскими переселенцами и делают акцент на числе переселенных сюда русских [7, с. 214–216].

Целенаправленное заселение Советской Абхазии грузинами началось с 1937 г., после того, как был создан трест «Абхазпереселенстрой», поставивший своей задачей постройку этнических поселений для переселенцев из Грузии. Фонд земель для данных нужд развивали за счет конфискации участков абхазских сел. Ситуация обострялась по мере изменения центральной политики СССР. Постановление СНК СССР от 1939 г. № 1447 утвердило создание при нем Переселенческого управления, которому было поручено направление «сельскохозяйственных переселенцев» из малоземельных районов в многоземельные⁸. В докладе Госплана Абхазии Правительству от 1940 г. утверждается, что переселение происходит «по инициативе любимого сына грузинского народа товарища Л.П. Берия» с целью «освоения огромного количества веками “неосвоенных земель”»⁹. Очевидно, что доклад манипулирует данными о земельной обстановке в стране, игнорируя реальные предпосылки и причины опустошения земель в виде массового оттока населения. Об этом же свидетельствует постановление Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР от 2 сентября 1941 г. № 1595 «Об отрезке излишек неосвоенных земель от 12-ти колхозов Абхазской АССР и передаче их вновь организованным колхозам из переселенческих хозяйств»¹⁰.

А 25 апреля 1940 г. СНК Грузинской ССР было принято постановление «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР», ускорившее процесс заселения Абхазии новыми переселенцами¹¹. За один 1941 г., несмотря на начало Второй мировой войны и соответствующие военные расходы, на мероприятия по благоустройству колхозных поселков было выделено 28,9 млн рублей. К этому времени уже было построено 11 переселенческих колхозов, вместивших 1 650 семей. К 1944 г. планировалось увеличить число до 5 404 семей [1, с. 197–228].

Главная проблема проведения переселенческой политики заключалась в создании искусственного перевеса грузинского населения на абхазской территории. Опираясь на численное превосходство, пришлые грузины неоднократно влияли на принятие политических решений в Абхазии, оборачивая их в свою пользу и не учитывая позиции абхазов. Кроме того, говоря о Советской Абхазии, грузинские исследователи нередко сетуют на то, что интересы многочисленного грузинского населения

не являлись главным ориентиром абхазской политики, как бы подразумеваемая ущемление здесь прав грузин [7, с. 214–216]. При этом их не смущает ни факт происхождения этого грузинского «большинства», ни необходимость репрезентации абхазских интересов, хотя бы на уровне непосредственно абхазского правительства.

Ментальное уничтожение абхазов: от лингвоцида до преследования интеллигенции

Начало Великой Отечественной войны не только не помешало проведению переселенческой политики, но также поспособствовало безнаказанным посягательствам на национальную идентичность абхазов. В этот период активно продолжается политика ущемления коренного этноса, начатая еще в 30-х гг. XX в. Так, например, 17 августа 1936 г. было принято Постановление ЦИК СССР «О правильном начертании названий населенных пунктов». Согласно этому документу, названия трех абхазских городов, включая столицу, были переведены на грузинский лад (Сухум – Сухуми)¹². За год до этого ЦИК Абхазии и, в частности, его председатель Н.Лакоба обращались к центральной власти с просьбой о присвоении абхазским населенным пунктам названий на родном языке (например, Сухум – Акуа; Ахали-Афони – Псырдзха и т.д.). В докладной записке отмечалась нецелесообразность перевода топонимии на грузинский язык, не соответствующий этнографическим истокам абхазских названий. Разумеется, предложение было отклонено¹³.

Тогда же были закрыты радиопередачи на абхазском языке, газетно-журнальные издания. Начались гонения на абхазских авторов, изымались книги репрессированных писателей (С.Чанба, Л.Лабахауа, С.Ашхацава, З.Агрба, Б.Зантария и др.). По всей Абхазии были сняты вывески с абхазскими надписями, было запрещено использование абхазского языка в делопроизводстве¹⁴.

Не прекращались и репрессии. В этот раз им подверглась абхазская интеллигенция, вновь открывались дела по сфальсифицированным обвинениям. Подробное описание данным репрессиям, а также сведения о подвергшихся им лицах представляет историк Б.Е.Сагария [10, с. 20–22].

Началась интенсивная деятельность по ассимиляции местного населения в грузинской культурной среде. Коренной реформе подверглись школьное образование и использование абхазского языка. Еще в 1938 г. абхазский алфавит был переведен на грузинскую графическую основу. С 1940 г. из официального обращения исчез-

8 Постановление № 1447 Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Москва. Кремль. 14 сентября 1939 г. // Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник документов. Сухум, 1992. С. 22–24.

9 Из доклада Госплана Абхазии правительству. 1940 год // Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник документов. Сухум, 1992. С. 44.

10 Постановление № 1595 СНК Грузинской ССР 2 сентября 1941 года «Об отрезке излишек неосвоенных земель от 12-ти колхозов Абхазской АССР и передаче их вновь организованным колхозам из переселенческих хозяйств». URL: <http://doc20vek.ru/node/1531>.

11 Постановление № 13 СНК Абхазской АССР и бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии. URL: <http://doc20vek.ru/node/1527>.

12 Постановление ЦИК СССР «О правильном начертании названий населенных пунктов» // Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник документов. Сухум, 1992. С. 488–489.

13 Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов А.С.С.Р. Абхазии – в Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР. Копия: Народному Комиссариату Связи Союза ССР. 1935. Докладная записка [Нестора Лакоба о переименовании абхазских населенных пунктов] // Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник документов. Сухум, 1992. С. 486–488.

14 Авидзба А.Ф. Абхазия в 1945–53 гг. // История Абхазии. Курс лекций. Сухум, 2021. С. 358–364.

ло наименование абхазов. В январе 1945 г. была создана комиссия по реорганизации абхазских школ. Было заявлено о необходимости перевода обучения в школах с абхазского (в первых трех классах) и русского исключительно на грузинский язык. Поводом выступали сложности при обучении, возникавшие у учеников, якобы не владевших родными языками. Также говорилось о непреодолимой сложности абхазского языка, затруднявшей учебный процесс [11, с. 88-96]. Было ликвидировано Абхазское педагогическое училище, что повлекло за собой изменение кадрового состава в учебных заведениях в пользу преподавателей-грузин, приезжавших из Грузии¹⁵.

Кадровый дисбаланс существовал не только в сфере образования. Как отмечает А.М.Хашба, в 1938 г. невозможно было найти ни одного абхаза ни в правительственных, ни в торговых органах¹⁶. Что касается последствий реорганизации школ, успеваемость учащихся в начальной школе резко снизилась. Она составляла 66,1% в 1945/46 учебном году – показатель ниже, чем было когда-либо. Успеваемость в 5–8 классах снизилась до 48,9% [5].

Происходившая по языковому признаку дискриминация вызвала естественное недовольство в абхазском обществе. Некоторые родители объявляли бойкот школам, не пуская детей на занятия. Фиксировались случаи доносов на абхазов, называвших реформы инициативой нынешней грузинской власти Абхазии, «которая ненавидит абхазцев»¹⁷. Народные настроения этого периода отражены в так называемых «Абхазских письмах», представляющих собой часть национально-освободительного движения абхазов. В 1947 г. представителями абхазской интеллигенции (К.Шакрыл, Б.Шинкуба, Г.Дзидзария) на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.Кузнецова было отправлено письмо, в котором были приведены факты ущемления абхазского народа, а сложившаяся ситуация была названа национально-культурным геноцидом¹⁸.

Выселение иных этнических групп Абхазии

Продолжением политики изменения этнодемографии Абхазии стала произошедшая в 1949 г. массовая депортация проживавших здесь греков. Как пишет абхазский историк-архивист Н.Иоаниди, предпосылки этого события возникли гораздо раньше его реализации. Например, по его сведениям, с 1938 по 1949 г. греки не упоминались в абхазских газетах в качестве постоянных жителей региона. Кроме того, он считает, что проводилось замещение греческих руководителей на кадры других национальностей. В этот же период были закрыты греческие школы и театральные студии [3, с. 11].

¹⁵ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сборник документов. Сухум, 1992. С. 481–531.

¹⁶ Хашба А.М. Абхазия в эпоху тоталитарной системы Сталина // История Абхазии. Курс лекций. Сухум, 2021. С. 358–368.

¹⁷ Докладная записка. Об отдельных высказываниях некоторых антисоветски настроенных лиц по Гудаутскому району, в связи с введением обучения на грузинском языке в абхазских школах. URL: <http://doc20vek.ru/node/1511>.

¹⁸ Абхазия в советскую эпоху // Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов. Т. 1. Сухум, 1994. С. 81–86.

17 мая 1949 г. в секретном решении Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении греческих подданных» был принят план депортации греков. Целью этой операции объявлялась «очистка» Черноморского побережья, Грузии и Азербайджана от «политически неблагонадежных элементов»¹⁹.

Исследователь Т.Ачугба считает, что истинным мотивом выселения греков служило освобождение территории для грузинских переселенцев, безвозмездно получавших опустевшие дома [1, с. 228-229]. На это указывал тот факт, что в постановлении о депортации греков содержался указ о размещении в их жилищах новоприбывших грузин. 28 мая 1949 г. решение было закреплено приказом, а к грекам в списке депортируемых добавили турок и дашнаков Грузинской ССР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР.

Важно отметить, что в 1942 г. иностранно-подданные греки уже были выселены. Волна переселений 1949 г. стала второй фазой депортации народа [3, с. 21-23]. Так, с 14 по 16 июня было выселено 4 830 семей (28 043 чел.): турок – 361 семья (1 058 чел.), греков – 4 474 семьи (21 837 чел.) армян-дашнаков – 45 семей (148 чел.). Под предлогом добровольного желания 17 июля были высланы еще 1 092 семьи греков (5 124 чел.) и 10 семей турок. Таким образом, в 1949 г. было депортировано около 34 тыс. человек, 22 тыс. из которых были греками. Переселенцев направляли в Казахстан, правительство которого занялось хозяйственным устройством прибывших. 60% были трудоустроены в убыточных колхозах, 20% – в совхозах [4, с. 35-36]. Принудительное выселение продолжалось вплоть до ареста Л.Берии в июле 1953 г., а реабилитация выселенных народов правительством произошла лишь в 1956 г.

Выводы

Деятельность Сталина, развернувшаяся после убийства лидера Абхазии Нестора Лакобы в 1936 г., поставила абхазский народ на грань выживания, ограничив в правах на справедливую кадровую политику, а также лишив возможности говорить и развиваться на родном языке в собственном государстве. Сталинские репрессии в Абхазии, включавшие в себя уничтожение интеллигенции, преследование инакомыслия, закрытие национальных школ и даже высылку целых народов, наложили тяжелый отпечаток на всё население страны. Возникшие в 30–40-х гг. XX в. проблемы не были решены ни в период XX съезда КПСС в 1956 г. и «хрущевской оттепели», ни позднее, так как затрагивали намного более масштабные аспекты, чем необходимость амнистирования политических осужденных или ликвидации инстанций внесудебного вынесения наказаний. В частности, сталинизм в Абхазии (Абхазской АССР) привел к напряжению в отношениях с грузинским этносом, к формированию

¹⁹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство». 17 мая 1949 г. // Поболь Н.Л. Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 665–666.

тенденции ущемления прав абхазского народа, к проблеме сохранения абхазской национальной идентичности и к практически полному уничтожению политической элиты. Репрессиям подверглись не только собственно абхазы, но и греки, армяне, эстонцы и многие другие представители Абхазской Республики.

В целом сталинские репрессии в Абхазии (Абхазской АССР) не только коренным образом изменили этнический состав населения, спровоцировали понижение государственного статуса и повлекли за собой сокращение численности абхазского населения, но и определили дальнейший ход истории в регионе. Именно в этот период были заложены основы противоборства Абхазии и Грузии, которые в 1992 г. привели к Грузино-абхазской войне. Территория Абхазии оказалась объектом притязаний коренных жителей и переселенцев, поддерживаемых центральной властью. Смерть Сталина в марте 1953 г. и арест Л.Берии в 1956 г. на некоторое время приостановили репрессивную политику. Это была короткая передышка в рамках национально-освободительной борьбы абхазов, которая вскоре возобновится и продлится еще не одно десятилетие.

Список источников

1. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты [Ethnic history of the Abkhazians of the 19th–20th centuries. Ethnopolitical and migration aspects]. Сухум, 2010.
2. Бебия Е.Г. Без вины виноватые [Guilty without guilt]. Сухум–Краснодар, 2021.
3. Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления) [1949 (technology of crime)]. Сухум, 2006.
4. Кешаниди Х.Л. Выселение греков в 1949 г. [Eviction of Greeks in 1949]. Афины, 2015.
5. Кураскуа В.Б. Абхазская национальная школа (1921–1958) [Abkhazian national school (1921–1958)]. Сухум, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://apsnyteka.org/329-kuraskua_v_b_abkhazskaiya_nazionalnaiya_shkola.html#5.
6. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии [Essays on the political history of Abkhazia]. Сухуми, 1990.
7. Лордкипанидзе М., Отхмезури Г. Статус Абхазии в составе Грузии: к истории вопроса [The status of Abkhazia within Georgia: to the history of the issue] // Кавказ и глобализация. 2010. Т. 4. Вып. 1–2. С. 205–217. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-abkhazii-v-sostave-gruzii-k-istorii-voprosa>.
8. Мацаберидзе М. Грузия – Россия: поиск цивилизованной модели отношений [Georgia – Russia: search for a civilized model of relations] // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5 (53). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruziya-rossiya-poisk-tsivilizovannoy-modeli-otnosheniy>.
9. Папаскири З. Еще раз об одном ложном историографическом постулате абхазской сепаратистской идеологии: к вопросу о политико-государственном статусе Абхазии в 1921–1931 годах. [Once again about one false historiographical postulate of the Abkhaz separatist ideology: on the question of the political and state status of Abkhazia in 1921–1931] // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 2. С. 191–204. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-ob-odnom-lozhnom-istoriograficheskom-postulate-abkhazskoy-separatistskoy-ideologii-k-voprosu-o-politiko-gosudarstvennom-viewer>.
10. Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии [About tragic pages in the history of Abkhazia]. Сухум, 1995.
11. Цвижба Л.И. Абхазский язык на фоне языковой политики Грузии [Abkhazian language against the background of Georgian language policy. Central Eurasia. “Painful” points in Russia’s relations with post-Soviet countries: history, sociology, historiography] // Центральная Евразия. «Болевые» точки в отношениях России с постсоветскими странами: история, социология, историография. 2020; 1(4). Москва, ИВ РАН, 2020. С. 160–174.
12. Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке [Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century]. Сухум, 2001.

13. Чирикба В.А. Независимость Республики Абхазия в свете международного права [Independence of the Republic of Abkhazia in the context of international law]. Сухум, 2022.
14. Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы [Development of the Abkhaz language in a multi-ethnic society: challenges and prospects]. Сухум, 2012.
15. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета [Abkhazia. Legal foundations of statehood and sovereignty]. Москва, 2004. URL: http://apsnyteka.org/225-abkhazia_pravovye_osnovy_gosudarstvennosti_i_suvereniteta.html.

Информация об авторе

КОБАХИЯ Кама Дауровна. Независимый исследователь. <https://orcid.org/0009-0003-8336-5362>. Адрес: Республика Абхазия, 384904, г. Сухум, ул. Университетская, 1. KamaKD@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Achugba T.A. Ethnic history of the Abkhazians of the 19th–20th centuries. Ethnopolitical and migration aspects. Sukhum, 2010 [In Russian].
2. Bebiya E.G. Guilty without guilt. Sukhum–Krasnodar, 2021 [In Russian].
3. Ioanidi N.N. 1949 (technology of crime). Sukhum, 2006 [In Russian].
4. Keshanidi H.L. Eviction of Greeks in 1949. Athens, 2015 [In Russian].
5. Kuraskua V.B. Abkhazian national school (1921–1958). Sukhum, 2003. Available from: http://apsnyteka.org/329-kuraskua_v_b_abkhazskaiya_nazionalnaiya_shkola.html#5 [In Russian].
6. Lakoba S.Z. Essays on the political history of Abkhazia. Sukhumi, 1990 [In Russian].
7. Lordkipanidze M., Otkhmezuri G. The status of Abkhazia within Georgia: to the history of the issue. Kavkaz I globalizatsiya [Caucasus and Globalization]. 2010; 4 (1–2):205–217 [In Russian].
8. Matsaberidze M. Georgia – Russia: search for a civilized model of relations. Central Asia and the Caucasus, 2007, 5(53). Available from <https://cyberleninka.ru/article/n/gruziya-rossiya-poisk-tsivilizovannoy-modeli-otnosheniy> [In Russian].
9. Papaskiri Z. Once again about one false historiographical postulate of the Abkhaz separatist ideology: on the question of the political and state status of Abkhazia in 1921–1931. Kavkaz I globalizatsiya [Caucasus and Globalization]. 2012; 6 (2):191–204 [In Russian].
10. Sagariya B.E. About tragic pages in the history of Abkhazia. Sukhum, 1995 [In Russian].
11. Tsvizhba L.I. Abkhazian language against the background of Georgian language policy. Central Eurasia. “Painful” points in Russia’s relations with post-Soviet countries: history, sociology, historiography. Moscow, Institute of RAS Oriental Studies, 2020. 1(4):160–174 [In Russian].

12. Tsvizhba L.I. Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century. Sukhum, 2001 [In Russian].
13. Chirikba V.A. Independence of the Republic of Abkhazia in the context of international law. Sukhum, 2022 [In Russian].
14. Chirikba V.A. Development of the Abkhaz language in a multi-ethnic society: challenges and prospects. Sukhum, 2012 [In Russian].
15. Shamba T.M., Neproshin A.Yu. Abkhazia. Legal foundations of statehood and sovereignty. Moscow, 2004. Available from: http://apsnyteka.org/225-abkhazia_pravovye_osnovy_gosudarstvennosti_i_suvereniteta.html [In Russian].

About the author

Kama D. KOBAKHIYA. Independent researcher. <https://orcid.org/0009-0003-8336-5362>. Address: 1, st. Universitetskaya, Sukhum, 384904, Republic of Abkhazia. KamaKD@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 14, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(571.13)

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-173-186](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-173-186)

Искандеркульская экспедиция 1870 г.: вклад российского востоковеда А.Л.Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира

Абдумавлон Назирович Одинаев✉

Институт истории, археологии и этнографии имени А.Дониша
Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Республика
Таджикистан

abdumavlon1987@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Аннотация. Статья посвящена анализу Искандеркульской экспедиции 1870 г., организованной с целью исследования малоизвестных территорий вдоль восточной границы Зарафшанского округа и к южной границе Сырдарьинской области. Основное внимание уделено роли востоковеда А.Л.Куна в проведении экспедиции и его вкладу в подготовку «Дневника Искандеркульской экспедиции» мирзы муллы 'Абд ар-Рахмана, сына Мухаммада Латифа Мустаджира. Статья выделяет стратегическое значение этой экспедиции для царской России и подчеркивает роль А.Л.Куна, обладавшего глубокими знаниями в области восточных культур и языков. Он стал ключевой фигурой, уделив особое внимание языку и культуре таджиков долины Зарафшана. В контексте геополитики, этнографии и языковых исследований статья подчеркивает актуальность сотрудничества между русскими исследователями и местными авторами для изучения и сохранения культурного наследия Средней Азии. Искандеркульская экспедиция и «Дневник» А.Мустаджира представляют собой значимые источники для

исследования истории, этнографии, духовной культуры и социально-экономических аспектов верховий Зарафшана во второй половине XIX в. Данное исследование имеет актуальное значение для понимания исторического и культурного контекста Средней Азии, особенно в контексте верховий Зарафшана.

Благодарности: Выражаю глубокую благодарность руководству и коллективу Национального исследовательского института развития коммуникаций (НИИРК) за ценную поддержку при написании научной статьи и предоставленную возможность собирать материалы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (г. Москва) и в Институте восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН) (г. Санкт-Петербург).

Ключевые слова: А.Л.Кун, Искандеркульская экспедиция 1870 г., А.Мустаджир, рукопись, «Дневник», Зарафшанский округ, языковые исследования, историческое значение

Для цитирования: Одинаев А.Н. Искандеркульская экспедиция 1870 г.: вклад российского востоковеда А.Л.Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 173-186, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-173-186](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-173-186)

Original article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-173-186](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-173-186)

Iskanderkul Expedition of 1870: Contribution of the Russian Orientalist A.L.Kuhn to the Preparation and Editing of the «Diary of the Iskanderkul Expedition» by A.Mustajir

Abdumavlon Nazirovich Odinaev✉

Institute of History, Archaeology, and Ethnology, A. Donisha National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
abdumavlon1987@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Iskanderkul expedition of 1870, organized with the aim of exploring little-known territories along the eastern border of the Zarafshan district and the southern border of the Syrdarya region. The main attention is paid to the role of the orientalist A.L.Kuhn in conducting the expedition and his contribution to the preparation of the “Diary of the Iskanderkul Expedition” Mirza Mullah “Abd ar-Rahaman, son of Muhammad Latif Mustajir. The article notes the strategic importance of this expedition for Tsarist Russia and emphasizes the role of A.L.Kuhn, who has deep knowledge of Eastern cultures and languages. He paid special attention to the language and culture of the Tajiks of the Zarafshan Valley. The article highlights the relevance of cooperation between Russian researchers and local authors for the study and preservation of the cultural heritage of Central Asia in the context of geopolitics, ethnography and language studies. The Iskanderkul expedition and A.Mustajir’s “Diary” are important sources for the study of history, ethnography, spiritual culture and socio-economic conditions of life in the upper reaches of Zarafshan in the second half of the

19th century. This study is relevant for understanding the historical and cultural context of Central Asia, especially the upper reaches of Zarafshan.

Acknowledgments: I would like to express my deep gratitude to the management and staff of the National Research Institute of the Communications Development (NIIRK) for their valuable support and the opportunity to collect materials in the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) (Moscow) and at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IWRAS RAS) (St. Petersburg).

Keywords: A.Kuhn, Iskanderkul Expedition of 1870, A.Mustajir, «Diary», Zarafshan District, linguistic studies, historical significance

For citation: Odinaev A.N. Iskanderkul Expedition of 1870: Contribution of the Russian Orientalist A.L.Kuhn to the Preparation and Editing of the “Diary of the Iskanderkul Expedition” by A.Mustajir. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 1(11): 173-186, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-173-186](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-173-186)

Введение

В период военных действий, связанных с присоединением территорий Средней Азии к Российской империи, были предприняты систематические усилия по собиранию рукописей и архивов, а также формированию археологических и этнографических коллекций. Наряду с востоковедами значительный вклад в изучение и документирование древних памятников внесли участвующие в экспедиции русские офицеры, отличавшиеся высоким уровнем образования. Особый, выдающийся вклад в изучение Средней Азии внес российский ученый и востоковед Александр Людвигович Кун¹.

В 1870 г. из-за неисследованности территории верховьев реки Зарафшан было решено организовать научное исследование этой зоны. Для этого был создан рекогносцировочный отряд, состоящий из специалистов и военных под командованием генерал-майора А.К.Абрамова². Этот отряд, получивший название «Искандеркульская», или «Искандар-Кульская ученая экспедиция», имел военные задачи, включая полное покорение верхней долины Зарафшана.

Несмотря на первоочередные военные цели, состав Искандеркульской экспедиции включал в себя также выдающихся ученых и специалистов. Их основной целью было проведение всестороннего научного изучения областей, вовлеченных в экспедицию. Эта многозадачность подчеркивает комплексный характер исследовательского предприятия, предпринятого российской администрацией в верховьях Зарафшана.

1 Способ написания имени А.Л.Куна может варьироваться в различных исторических источниках, представляясь как «Кун», так и «Kuhn». Однако, когда он сам использовал латиницу, он последовательно предпочитал ее немецкий вариант – «Kuhn». В данной статье мы придерживаемся русской формы его имени, которую А.Л.Кун использовал при публикации своих статей в русских дореволюционных газетах и журналах. Секретарь его, А.Мустаджир, упоминается в «Дневнике Искандаркульской экспедиции» и «Записке о Московской выставке» как «Искандер-тюре», и сам А.Л.Кун использовал это прозвище в нескольких своих публикациях в различных номерах газеты «Туркестанские ведомости».

2 Александр Константинович Абрамов (28 августа [9 сентября] 1836 г. – 21 октября [2 ноября] 1886 г.) являлся российским генерал-лейтенантом, участником среднеазиатских походов, генерал-лейтенантом русской армии.

Ученые и специалисты, входившие в состав экспедиции, призваны были не только поддерживать военные усилия, но и оценивать и документировать географические, природные и этнографические особенности региона. Их участие в экспедиции подчеркивает стремление российской администрации к систематическому и всестороннему изучению этой ранее малоизвестной территории.

Среди участников экспедиции были отвечавший за геологические исследования геолог Д.К.Мышенков³ (1841–1906), А.Л.Кун – археолог и филолог, ответственный за исследование региона в этих аспектах. Капитан А.Д.Гребенкин⁴ (1840–1888) занимался сбором статистических и исторических данных. П.А.Аминов⁵ (1844–1899), занимавший должность офицера Генерального штаба в отряде, руководил исследовательскими работами и сбором топографико-географических данных; Л.Н.Соболев⁶ (1844–1913) занимался определением мест для астрономических исследований.

В состав экспедиции также входили сапер Е.Воронец и житель Самарканда, таджик А.Мустаджир, который выступал в качестве мирзы (секретаря) востоковеда А.Л.Куна. В дальнейшем, в ходе передвижения военной команды из села Оббурдана, начиная с 2 июня 1870 г. присоединились А.П.Федченко⁷ (1849–1873) и его жена О.А.Федченко⁸ (1845–1921) для проведения естественных исследований. Они были включены в команду А.К.Абрамова, связанного с А.П.Федченко. Также присоединились А.М.Скасси, ответственный за топографические данные, и прапорщики II Туркестанского батальона Н.П.Старцев, помощник офицера Генерального штаба П.А.Аминова для сбора данных по указанным регионам, и др. Используя прикрытие военных отрядов, они собрали обширные научные данные в области геологии, биологии, археологии, истории, этнографии и филологии.

³ Мышенков Дмитрий Константинович (1841–1906) – российский геолог, географ и горный инженер. Он также занимал должность чиновника с особыми поручениями по горной части при Туркестанском генерал-губернаторе.

⁴ Гребенкин Афанасий Давыдович (1840–1888) был офицером Русской Императорской армии, занимавшим должность полковника. Он также был удостоен звания кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени.

⁵ Барон Иоганн-Фридрих-Густав Александрович Аминов (1844–1899) был генерал-лейтенантом, активным участником Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он также занимал должность губернатора в Куопиоский период своей карьеры.

⁶ Соболев Леонид Николаевич (9 июня 1844, Торопецкий уезд – 13 октября 1913, Торопецкий уезд) был российским генералом от инфантерии и участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В дополнение к своей военной службе он также занимал должность премьер-министра Болгарии.

⁷ Федченко Алексей Павлович (7 [19] февраля 1844, Иркутск – 3 сентября 1873, Монблан) был российским ученым, биологом, географом и путешественником, специализирующимся на изучении Средней Азии, прежде всего Памира. В период своих путешествий по Средней Азии (1868–1871) он собрал обширный материал по флоре, фауне, географии и этнографии региона. Его основные научные труды касались паразитологии и энтомологии. Федченко открыл Заалайский хребет и, к сожалению, погиб на Монблане. В его честь ледник в Республике Таджикистан, открытый экспедицией под руководством В.Ф.Ошанина в 1878 г., был назван «Ледником Федченко».

⁸ Федченко Ольга Александровна (1845–1921) – российский ботаник и член-корреспондент Петербургской академии наук с 1906 г. (с 1917 г. – Российской академии наук). Жена Алексея Павловича Федченко, дочь профессора Московского университета А.О.Армфельда и мать Бориса Алексеевича Федченко.

Материалы и методы

Исследование базируется на двух рукописях из архива Санкт-Петербургского Института востоковедения Российской академии наук (СПбФИБ РАН): № D 133 (старый шифр 609g) и № D 134 (старый шифр 609h). Рукопись № D 133 представляет собой дневник таджикского жителя Самарканда, мирзы муллы 'Абд ар-Ра' хмана, ибн Мухаммада Латифа Мустаджира⁹ за период с 25 апреля по 27 июня 1870 г. на самаркандском таджикском наречии. Рукопись D 134 аналогична D 133 по содержанию и оформлению, но не подвергалась редакторской правке А.Л.Куна. Исследование также основано на материалах из архива А.Л.Куна в Санкт-Петербургском Институте востоковедения Российской академии наук (ИБ РАН).

Применены метод текстологии и метод сравнительного анализа. Эти методы и материалы обеспечивают более глубокое понимание вклада А.Л.Куна в подготовку и редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции» и его роли в сохранении и интерпретации исторических записей данной экспедиции.

Результаты исследования

В истории исследования Средней Азии Искандеркульская экспедиция 1870 г. занимает важное место, представляя собой значимое событие. Организованная с целью изучения малоизвестных территорий вдоль восточной границы Зарафшанского округа и к южной границе Сырдарьинской области, эта экспедиция ставила перед собой ряд задач.

Эта экспедиция была осуществлена с целью восстановления порядка в регионах Верхнего Зарафшана, которые находились в состоянии конфликта с Бухарским ханством. Экспедиция была направлена на территории, где существовали напряженные отношения между местным населением и Бухарским ханством. Основная задача – восстановление порядка в регионе, подчиненном Бухаре бекствам (Фальгарское, Матчинское, Фанское, Ягнобское, Фарабское и Киштудское). Экспедиция предо-

⁹ Многие исследователи допускают ошибки в использовании имени А.Мустаджира, вероятно, из-за неверного написания его имени как «Мирза Мулла» Абдурахман, сын Мухаммада Лятифа Мустаджира. Использование заглавных букв перед словами «Мирза» и «Мулла» считается неточностью, так как «мирза» – это титул, который может означать 1) «князь, эмир-зоде», и 2) «писатель, секретарь». Слово «Мулла» (или «Мулла»), также известное как «мола», происходит от арабского слова, переводится как «господин, повелитель, владыка». На персидском этот термин обозначается как «malā», а также имеет синонимы: 1. «грамотный», «образованный», «ученый»; 2. «Мулла», «священнослужитель», «шейх»; 3. «Образованный, означающий необразованный». В исламской традиции мулла представляет собой духовного лидера, обладающего знанием Корана и религиозных обрядов. В Российской империи термин «мулла» широко использовался для обозначения различных мусульманских духовных лидеров, включая преподавателей в медресе и квалифицированных знатоков. В шиитской традиции мулла играет ключевую роль в религиозном сообществе, выступая в качестве теолога и эксперта по толкованию вопросов веры и права, в то время как в суннитской традиции эти функции выполняют улемы. В данной статье мы придерживаемся формы «мирзо мулла Абдурахманом сын Махмед Лятифа Мустаджира», которую использовал востоковед А.Л.Кун при написании предисловия к «Дневнику».

ставила России возможность расширения границ и интеграции горных территорий в состав империи. В связи с неопределенностью отношений к бекам Фальгарского бекства существовала возможность привлечения этих территорий подданству России. Кроме научных исследований, экспедиция имела важное политическое значение, учитывая слухи о естественных богатствах и стратегическом положении региона. Решение конфликтов и восстановление порядка имели военный компонент, подчеркивая влияние России в этом регионе. Экспедиция не только решала текущие проблемы, но и создавала основу для будущих исследований. Географические, геологические, археологические и исторические исследования позволили получить подробные сведения о регионе, положившие основу для дальнейших исследований и управления территорией. Экспедиция способствовала установлению контроля России над регионом и поддержанию политической стабильности. Возвращение порядка и установление дружественных отношений с местным населением создали предпосылки для укрепления влияния России в Средней Азии.

Следуя подписанию мирного договора с Бухарой в 1868 г., Россия приняла эмират под свой протекторат. Тем не менее горные бекства продолжали нарушать стабильность в регионе, а Россия приняла решительные меры для прекращения этих набегов.

Русское командование разработало стратегию проведения наступательной кампании с целью установить контроль над мятежными бекствами к югу от Ферганской долины. Это позволило бы укрепить влияние России в Средней Азии и обезопасить границы Бухарского эмирата и Кокандского ханства.

25 апреля 1870 г. начался Искандеркульский поход, в рамках которого российские войска под командованием генерал-майора А.К.Абрамова столкнулись с сопротивлением со стороны местных жителей и горных бекств. В результате нескольких ограниченных боевых столкновений российская армия одержала победу, продемонстрировав эффективность своих тактических действий и рассеяв противника.

Потери царской России составили 5 убитых и 32 раненых, в то время как противник понес значительные потери: 16 пленных и 1,5 тысячи голов скота. Победа в конфликте создала условия для присоединения территорий нескольких горных бекств, укрепив позиции России в приграничных районах.

Искандеркульский поход стал ключевым моментом в истории Средней Азии, в результате которого Россия укрепила свое влияние и обеспечила стабильность в приграничных районах. Этот конфликт также содействовал установлению контроля над горными бекствами, способствуя обеспечению безопасности Бухарского эмирата и Кокандского ханства.

Благодаря материалам Искандеркульской экспедиции, включая исследовательские статьи А.Л.Куна [6–12, 18] и «Дневник Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира [1, 3, 4], верховья Зарафшана привлекли внимание ученых. Эти материалы стали доступными для широкого круга исследователей в области социально-гуманитарных наук, проявляющих интерес к истории, этнографии, материальной и нематериальной культуре населения региона, особенно во второй половине XIX в.

Среди ученых, внесших значительный вклад в исследование этого региона, выделяются как дореволюционные российские ученые, в том числе военные, например, П.А.Аминов, Н.Маев, В.В.Стасов, так и современные исследователи, такие как Б.В.Андрианов, доцент Н.Д.Миклухо-Маклай, а также А.Д.Каримова; отмечается вклад академика А.Мухторова, профессоров Б.В.Лунина, А.Л.Хромова, Х.Ш.Камолова, С.Н.Брежнева, доцентов О.И.Смирновой, О.М.Ястребова, М.Ю.Юлдашева, М.С.Исакова, У.А.Султонова, Ш.Юсуфи и Н.Икромова [2–5; 13, 16–20]. Эти исследователи продолжают расширять наше понимание о Средней Азии и ее истории, особенно в контексте вклада востоковеда А.Л.Куна в историю региона.

Труды вышеупомянутых ученых и исследователей не только обогащают наши знания о Средней Азии, но и способствуют сохранению и передаче историко-культурного наследия этого региона. Они поддерживают интерес к этой важной теме среди исследователей и общественности в наши дни. Важно отметить, что при подготовке данной статьи мы посчитали необходимым сослаться на труды вышеупомянутых авторов, что позволило нам более глубоко погрузиться в научную деятельность А.Л.Куна и его роль в сборе информации, описании и подготовке исторического дневника А.Мустаджира – «Дневника Искандеркульской экспедиции».

Результатом исследований участников Искандеркульской экспедиции стали ценные сведения в различных областях знаний, таких как география, история, этнография, антропология, филология, демография, зоология, ботаника и метеорология Кухистана. На протяжении экспедиции велся дневник, который стал важным историческим источником и запечатлел множество наблюдений и данных, собранных во время исследований [5, с. 133].

Более того, научные труды, основанные на результатах Искандеркульской военной экспедиции, опубликованы в период с 1870 по 1875 г. и были представлены авторами, такими как А.Л.Кун, А.П.Федченко, А.Д.Гребенкин, П.А.Аминов и др. Эти работы стали первыми шагами в изучении Кухистана в рамках русской и европейской востоковедческой науки.

Особенно А.Л.Кун был «полевым» ориенталистом-ученым в конце XIX в. У него было смешанное происхождение: его мать была армянкой из Тебриза¹⁰, а отец – пруссаком из Мемеля¹¹.

Интересно отметить, что Александр Людвигович Кун в своих исследованиях и экспедициях активно сотрудничал с местными образованными людьми, в том числе

¹⁰ Тебриз (Табриз, Тавриз, перс. Tabriz, азерб. Təbriz) – город в Иране, являющийся административным центром иранской провинции Восточный Азербайджан. Расположен между вулканическими массивами Сехенд и горой Эйнали, у озера Урмия. В Тебризе преобладают азербайджанцы в численности населения, за которыми следуют персы, курды и представители других национальностей. Местное население общается как на азербайджанском, так и на персидском языке. Город занимает четвертое место по величине среди городов Ирана.

¹¹ Клайпеда (лит. Klaipėda; до 1923 г. и в 1939–1945 гг. официально известен как Мемель; нем. Memel) – третий по величине город в Литве после Вильнюса и Каунаса. Расположенный в западной части республики, он находится там, где Балтийское море переходит в Куршский залив. Является административным центром Клайпедского уезда и крупнейшим по объему грузов портом в странах Балтии.

с А.Мустаджиром, который был родом из Самарканда и одним из первых местных исследователей древних артефактов и истории. Их совместная деятельность приносила плоды, включала участие в экспедициях и исследованиях региона.

А.Мустаджир принимал участие в известной Искандеркульской экспедиции 1870 г. под руководством генерала А.К.Абрамова, в которой также участвовал А.Л.Кун. А.Мустаджир выполнял функции переводчика и собирал ценные материалы, включая надписи на скалах, придорожные камни, стены зданий и надгробные надписи. Его дневники содержали ценные сведения о древних памятниках и быте населения в областях Бухары, Шахрисабза и Хивы.

Сотрудничество между Александром Людвиговичем Куном и А.Мустаджиром дало ценные результаты и оказало важное влияние на исследование и понимание истории и культуры Средней Азии. С 1870 по 1875 г. А.Л.Кун сопровождал российские войска в различных военных экспедициях, собирая обширную информацию по фольклору, лингвистике и этнографии. Секретарь А.Мустаджир часто помогал ему в этой работе, в том числе и в изучении «дафтаров» из архива хивинских ханов.

Во время экспедиции секретарь Куна А.Мустаджир вел дневник на таджикском языке, включающий хронику передвижений отряда, описание местности и рассказы местных жителей. Этот дневник был составлен по указанию А.Л.Куна и лично им корректировался. Некоторые рассказы, записанные во время экспедиции, остались в его архиве, не вошедши в дневник. Например, в копии (№ D 134 (609h)) записана оригинальная версия «Дневника», текст, написанный А.Мустаджиром, иногда зачеркивается синими чернилами и черным карандашом, на его месте появлялись новые слова, фразы и предложения. Большинство написанных предложений и словосочетаний являются литературными, а внесенные изменения представляют собой местные идиомы и фразы, характерные для Самарканда или Кухистана. Тем не менее трудно сказать, имеет ли эта редакция отношение к автору «Дневника» или она принадлежит А.Л.Куну. Вторая ситуация действительно редкая. Этот тип редактирования начинается с [лл. 4, 16, 2а и 26] и встречается на многих страницах. Копия принадлежала А.Л.Куну до самой его смерти, и лишь в 1890 г. она была передана в казну Азиатского музея (ИВР РАН).

В период с 30 апреля по 29 июня 1870 г. в походе Мустаджир вел свой дневник, начиная с кишлака Йори [3, л. 16] и завершая в городе Самарканде (л. 304б). Последняя запись в дневнике датирована 14 раб аль-ахир 1287 г. хиджри, что соответствует 14 июля 1870 г.

«Дневник» А.Мустаджира представляет собой ценный источник информации о географии, природе, этнографии и социальной структуре региона, пройденного экспедицией в 1870 г.

Напомним, что Александр Людвигович Кун поручил мирзе мулле Абд ар-Рахману, сыну Мухаммада Латифа Мустаджира, вести путевой дневник и предоставил предварительно составленную программу на таджикском языке, близкую к программам, изданным Русским географическим обществом того времени. По ежедневным записям Мустаджира А.Л.Кун сверял названия местностей и дополнял то, что не было

замечено переводчиком. А.Кун также вел собственные записи. Этнографические данные он собирал лично в присутствии А.Мустаджира, который фиксировал услышанное на таджикском языке.

Заметно, как А.Л.Кун стремится к полноте и точности собранных материалов. Он рассказывает о методах и приемах, используемых им в процессе исследования, таких как ведение мирзой путевого дневника и акцент на точном определении названий местностей. Этот подход позволяет ему систематизировать данные и собирать максимально подробную информацию.

Из «Предисловия» к «Дневнику» А.Л.Куна можно сделать несколько выводов.

Во-первых, автор акцентирует внимание на обнаруженных древних надписях, сделанных на скалах и валунах. Он делает различие между двумя типами надписей: первые, на скалах из кремнистого сланца, представляют собой простые и безграмотные записи, которые, по его мнению, не имеют исторического значения. Вторые, на валунах, вызывают больший интерес, поскольку могут быть использованы для определения времени заселения кишлаков. Кун обращает внимание на языковое разнообразие надписей, отмечая, что большинство из них написано по-таджикски, с некоторыми исключениями на арабском языке.

Во-вторых, автор выражает сожаление по поводу невозможности собрать все надписи из-за быстрого движения отряда и недостатка времени. Это подчеркивает сложности и ограничения, с которыми сталкивались исследователи в ходе своих экспедиций.

Третий важный момент – это отметка об образовании мирзы, который вел дневник. А.Л.Кун подчеркивает его специализацию в каллиграфии и отмечает, что благодаря этому его речь сохранила простоту и близость к обыденному языку, что делает дневник более доступным для понимания и аутентичным.

В целом предисловие А.Л.Куна к «Дневнику» передает его глубокий интерес к верховьям Зарафшана, его жителям и их культуре. Это введение позволяет читателю погрузиться в атмосферу исследования, понять методологию и трудности работы, а также оценить значимость собранных данных для науки и истории.

Наконец, А.Л.Кун завершает отрывок выражением надежды на завершение дневника, а также на подготовку примечаний и перевода к новому году. Это указывает на его стремление предоставить полный и интерпретированный материал для будущих читателей и исследователей.

«Дневник Искандеркульской экспедиции» является ценным источником для историков, этнографов и филологов, предоставляя информацию о верховьях Зарафшана, которая не всегда доступна из других источников. Надежность «Дневника» обеспечивается тем, что он был составлен под руководством ученого-специалиста, который контролировал объективность записей. Однако, несмотря на недостаточный перевод, «Дневник» остается важным научным документом.

Несмотря на обширные исследования, касающиеся «Дневника Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира, вклад востоковеда А.Л.Куна в редактирование и подготовку данного дневника остается актуальным для исследователей, включая историков, и сохраняет свою научную значимость по сей день.

Выводы

Искандеркульский поход 1870 г. стал важным этапом в истории взаимоотношений России с регионом и подчеркнул стратегическую значимость для обеспечения стабильности и влияния в Средней Азии.

Экспедиция в Искандеркуль в 1870 г. стала ключевым событием в истории изучения Средней Азии, в частности, верховий Зарафшана. Результаты этой экспедиции и «Дневник», написанный А.Мустаджиром при содействии российского востоковеда А.Л.Куна, обладают выдающимся научным и историческим значением. Настоящая статья акцентирует внимание на возрождении интереса к этой экспедиции, ее исторической значимости и вкладе в понимание культуры Зарафшана во второй половине XIX в.

Материалы Искандеркульской экспедиции 1870 г. и «Дневник Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира являются значимыми источниками для исследования истории и культуры Зарафшанского региона. Вклад востоковеда А.Л.Куна в подготовку исследовательской работы, его способность к пониманию и фиксации языка и культуры местного населения выделяют его как ключевого участника в этом направлении.

Экспедиция и «Дневник» А.Мустаджира подчеркивают важность сотрудничества между российскими исследователями и представителями местных культур в изучении и сохранении культурного наследия Средней Азии, особенно в верховьях Зарафшана.

Искандеркульская экспедиция 1870 г. имеет выдающееся историческое и культурное значение. Она проходила в период, когда Российская империя активно расширяла свои владения в Средней Азии, представляя собой одну из первых попыток систематического изучения верховий Зарафшана и окрестностей озера Искандеркуль.

А.Л.Кун, как русский востоковед, был специально назначен для сбора обширного материала о языке, культуре, истории и этнографии местных народов. Эти материалы были важны как для научных исследований, так и для военно-стратегической политики царской России в регионе.

«Дневник Искандеркульской экспедиции» представляет собой уникальный источник, содержащий обширную информацию о жизни и обычаях местных жителей, географических особенностях региона, а также о политической обстановке и взаимоотношениях между различными общинами в этом регионе. Это предоставляет исследователям ценные материалы для изучения истории и этнографии Средней Азии в XIX в.

В заключении исследования можно выделить несколько ключевых выводов. Во-первых, Искандеркульская экспедиция 1870 г. представляет собой стратегически важное событие в истории царской России, являясь попыткой исследования малоизвестных территорий вдоль восточной границы Зарафшанского округа и к южной гра-

нице Сырдарьинской области. Экспедиция была возможна благодаря участию востоковеда А.Л.Куна, обладающего глубокими знаниями в области восточных культур и языков.

Во-вторых, статья подчеркивает роль А.Л.Куна в подготовке и редактировании «Дневника Искандеркульской экспедиции» мирзы муллы 'Абд ар-Ра' хмана, сына Мухаммада Латифа Мустаджира. А.Л.Кун становится ключевой фигурой, уделяющей особое внимание языку и культуре таджиков долины Зарафшана. Это свидетельствует не только о научной значимости его работы, но и о важности сохранения культурного наследия региона.

В-третьих, исследование акцентирует актуальность сотрудничества между российскими исследователями и местными культурами в контексте геополитики, этнографии и языковых исследований. Это сотрудничество способствовало глубокому пониманию культурного многообразия региона и является важным элементом сохранения этого наследия.

В ходе проведенного исследования, посвященного Искандеркульской экспедиции 1870 г. и вкладу востоковеда А.Л.Куна в редактирование и подготовку «Дневника Искандеркульской экспедиции» А.Мустаджира, были выделены ключевые аспекты, определяющие значение этого исторического события.

Одним из важных выводов является то, что экспедиция 1870 г. под руководством А.К.Абрамова стала значимым этапом в истории изучения региона верховий Зарафшана. Важность этого события обусловлена не только научными достижениями, но и формированием традиций и методологии исследований, оказавших влияние на последующие востоковедческие исследования.

В работе также выявлен вклад А.Л.Куна в редактирование «Дневника Искандеркульской экспедиции». Его профессионализм и внимание к деталям сыграли ключевую роль в сохранении и передаче достоверной информации о тех временах, подчеркивая важность коллективного участия ученых в деле сохранения исторического наследия.

В перспективе для будущих исследований в рамках данной темы следует обратить внимание на более глубокий анализ не только научных, но и социокультурных аспектов Искандеркульской экспедиции. Следует также рассмотреть возможности использования современных методов и технологий для более полного воссоздания контекста событий того времени.

В заключение следует подчеркнуть, что исследование Искандеркульской экспедиции 1870 г. и вклад А.Л.Куна имеют не только историческое, но и актуальное значение для современного научного сообщества. Это свидетельствует о важности сохранения и изучения культурного наследия для понимания истории и формирования будущих научных подходов.

Наконец, исследование Искандеркульской экспедиции 1870 г. и вклада А.Л.Куна в редактирование «Дневника» А.Мустаджира представляет собой важный вклад в изучение истории верховий Зарафшана и роли востоковедов в сохранении и передаче культурного наследия этого региона. Анализ этих аспектов позволяет

более глубоко понять не только события прошлого, но и методологию исследования в тот период, а также влияние одного ученого на формирование исторического нарратива. Данное исследование приобретает актуальность в контексте понимания исторического и культурного развития Средней Азии, особенно верховой Зарафшана.

Таким образом, Искандеркульская экспедиция 1870 г., помимо своей научной значимости, сыграла ключевую роль в установлении контроля царской Россией над малоизвестными территориями вокруг Верхнего Зарафшана. Ее результаты предопределили последующие шаги в интеграции этих регионов в состав Российской империи, а также оказали влияние на формирование политической карты Средней Азии.

Список источников

1. Абдуррахмани Мустаджир. Дневник Искандеркулской экспедиции [The diary of the Iskanderkul expedition]. [Редакторы введения и пояснения Алохон Афсахзод и Мирзо Муллоахмадов]. Душанбе: Ирфон, 1989.
2. Аминов П.А. Искандеркульская экспедиция 1870 г. [Iskanderkul expedition of 1870] // Туркестанские ведомости. 1873. № 13–14.
3. Дневник Искандеркулской экспедиции [The diary of the Iskanderkul expedition] (рукопись) // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. №D 133 (609g).
4. Дневник Искандеркулской экспедиции [The diary of the Iskanderkul expedition] (рукопись) // Архив Санкт-Петербургского Института восточных рукописей Российской академии наук. №D 134 (609h).
5. Икрамов Н. Искандеркульская военная экспедиция и начало изучения Верхнего Зарафшана [Iskanderkul military expedition and the beginning of the study of Upper Zarafshan] // Ученые записки Худжандского гос.ун-та им. академика Б. Гафурова. Серия гум.-общ. наук. 2010. № 1(21). С. 133–143.
6. Искандер-Тюря [Кун А.Л.]. Сведения о ягнауском народе (К материалам для исследования ягнобского языка) [Information about the Yagnau people (Materials for the study of the Yagnob language)] // Туркестанские ведомости. 1881. №3–4.
7. Иск-ъ Т-ра [Искандер-Тюря, А.Л. Кун]. От Хевы до Газавата [From Kheva to Gazavat] // Туркестанские ведомости. 1873. № 32. С. 125.
8. Кун А.Л. Бухарские порядки. Заметки о порядке взимания поземельных податей [Bukhara rules. Notes on the procedure for collecting land taxes] // Туркестанские ведомости. 1873. № 32.
9. Кун А.Л. Очерк Коканского ханства x Sketch of the Kokan Khanate] // Изв. Импер. Русского географического общества. 1876. Т.12. С. 2–12.
10. Кун А.Л. Очерки Шагрисязского бекства [Sketches on Shagrisyabz bekstvo] // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1880. Т. VI. С. 203–237.
11. Кун А.Л. Порядок взимания податей в Хивинском ханстве [The procedure for collecting taxes in Khiva Khanate] // Туркестанские ведомости. 1873. № 33. С. 130–131.
12. Кун А.Л. Предание о библиотеке Тамерлана [The Legend of Tamerlane's Library] // Материалы для статистики Туркестанского края. 1874. Вып. III. С. 405–406.
13. Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении [Central Asia in pre-revolutionary and Soviet Oriental Studies]. Ташкент: Фан, 1965. 408 с.
14. Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения [Description of Tajik and Persian manuscripts of the Institute of Oriental Studies]. Вып. 1 / ответственные редакторы В.И.Беляев, Д.И.Тихонов. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1955. С. 100–102.
15. Мухторов А.М. Надписи на скалах и камнях в Верховьях Зарафшана [Inscriptions on rocks and stones in the upper reaches of Zarafshan] // Труды Академии наук Таджикской ССР (Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии). Т. СХХ. Сталинабад, 1960. С. 147–167.

16. Н. М-в [Маев Н.]. Кун А.Л. [Kuhn A.L.] // Туркестанские ведомости. 1888. № 46. С. 182–183.
17. Хромов А.Л. О дневнике Искандеркульской экспедиции 1870 г. [About the diary of the Iskanderkul expedition of 1870] // Известия Отд. общественных наук АН Таджикской ССР. 1972. № 2(68). С. 72–76.
18. Чтение А.Л. Куна о Ферганской долине [Reading of A.L. Kuhn about the Fergana Valley] // Туркестанские ведомости. 1876. № 12. С. 46.
19. Ястребова О.М. Документы XIX века из верховьев реки Зарафшан в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [Documents of the XIX century from the upper reaches of the Zarafshan River in the Manuscripts Department of the Russian National Library] // Восточный сборник. РНБ. 2003. Вып. 6. С. 77–123.
20. Ястребова О.М. Персидские и таджикские документы в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: сист. кат. [Persian and Tajik documents in the Manuscripts Department of the Russian National Library: System. catalog]. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 1999. 207 с.

Информация об авторе

ОДИНАЕВ Абдумавлон Назирович. Младший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша при Национальной академии наук Таджикистана. <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33. abdumavlon1987@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abdurahmoni Mustajir. The diary of the Iskanderkul expedition. Eds. Alokxon Afsahzod and Mirzo Mulloahmadov. Dushanbe: Irfon, 1989:176 [In Tajik]
2. Aminov P.A. Iskanderkul expedition of 1870. Turkestanskije Vedomosti. 1873; 13-14 [In Russian].
3. Diary of the Iskanderkul expedition (manuscript). Archive of the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. № D 133 (609g).
4. Diary of the Iskanderkul expedition (manuscript). Archive of the St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. № D 134 (609h).
5. Ikramov N. Iskanderkul military expedition and the beginning of the study of Upper Zarafshan. Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of humanitarian and social sciences. 2010; 1(21):133-143 [In Russian]
6. Iskander-Turya [A. L. Kuhn]. Information about the Yagnau people (Materials for the study of the Yagnob language). Turkestan Vedomosti. 1881; 3-4 [In Russian].

7. Isk-r T-ra [Iskander-Tyurya, A. L. Kuhn]. From Kheva to Gazavat. Turkestanskije Vedomosti. 1873; 32:125 [In Russian].
8. Kuhn A.L. Bukhara rules. Notes on the procedure for collecting land taxes. Turkestanskije Vedomosti. 1873; 32 [In Russian].
9. Kuhn A.L. Sketch of the Kokan Khanate. Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. 1876; 12:2-12 [In Russian].
10. Kuhn A.L. Sketches of Shagrisyabz bekstvo. Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the department of ethnography. 1880; VI:203-237 [In Russian].
11. Kuhn A.L. The procedure for collecting taxes in Khiva Khanate. Turkestanskije Vedomosti. 1873; 33: 130-131 [In Russian].
12. Kuhn A.L. The Legend of Tamerlane's Library. Materials for the statistics of the Turkestan region. 1874; III:405-406 [In Russian].
13. Lunin B.V. Central Asia in pre-revolutionary and Soviet Oriental Studies. Tashkent: Fan, 1965:408 [In Russian].
14. Miklukho-Maklai N.D. Description of Tajik and Persian manuscripts of the Institute of Oriental Studies. Issue 1 / responsible eds V. I. Belyaev, D. I. Tikhonov. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955:100-102 [In Russian].
15. Mukhtorov A.M. Inscriptions on rocks and stones in the upper reaches of Zarafshan. Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR (Coll. of articles on the history and philology of the peoples of Central Asia), V. CXX. Stalinabad, 1960:147-167 [In Russian].
16. N. M-v [N.Maev]. Kuhn A. L. Turkestanskije vedomosti. 1888; 46:182-183 [In Russian].
17. Khromov A.L. About the diary of the Iskanderkul expedition of 1870. Izvestiya Otd, of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Tajik SSR. 1972; 2(68):72-76 [In Russian].
18. Reading of A.L. Kuhn about the Fergana Valley. Turkestanskije Vedomosti. 1876; 12:46 [In Russian].
19. Yastrebova O.M. Documents of the XIX century from the upper reaches of the Zarafshan River in the Manuscripts Department of the Russian National Library. Oriental Collection. Russian National library. 2003; 6:77-123 [In Russian].
20. Yastrebova O.M. Persian and Tajik documents in the Manuscripts Department of the Russian National Library: System. catalog. Saint-Petersburg: Izd-vo RNL, 1999:207 [In Russian].

About the author

Abdumavlon N. ODINAEV. Junior Researcher at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History of the Institute of History, Archaeology, and Ethnology, A. Donisha National Academy of Sciences of Tajikistan. <https://orcid.org/0000-0002-9730-8735>. Address: 33, Rudaki Avenue, Dushanbe city, 734025, Republic of Tajikistan. abdumavlon1987@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 16, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ История международных отношений и внешней политики HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК 327.51, 327.54, 396.11

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-187-199](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-187-199)

Влияние холодной войны на состояние афганского общества

Владимир Арменович Погосян✉

Иджеванский филиал Ереванского государственного университета,
Иджеван, Республика Армения

vladimir.pogosyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0001-9581-6453>

Аннотация. Статья посвящена особенностям политики глобальных игроков холодной войны на примере Афганистана. Подчеркивая особенности афганской политики холодной войны, автор выделил модельное содержание самого понятия «холодная война», политические события в Афганистане, внутренние и внешние вызовы, этнические проблемы и проблему женщин в период холодной войны. Рассматривается влияние геополитических процессов на развитие, внутренние и внешние интересы афганского общества в XX в., социальные, экономические и политические последствия влияния, особенности развития политической системы и политической культуры Афганистана, этнические проблемы в афганском общественном дискурсе и др. Автор заключает, что холодная война сверхдержав оказала прямое влияние на внутривнутриполитическое развитие в Афганистане, где представленные партии и общественные организации сформировались и идеологически стали политическими органами, имеющими светскую или исламскую систему ценностей. Автор приходит к выводу, что внутривнутриполитическое единство афганского общества не было обеспечено и по той причине, что афганская элита не смогла сформировать идеологию, выражающую национальное единство, а отдельные ее части предпочли служить интересам того или иного игрока, не поддерживая национальные интересы Афганистана.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (г. Москва) для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Афганистан, холодная война, афганский кризис, политическая инкубация, исламская система ценностей, консервативное общество

Для цитирования: Погосян В.А. Влияние холодной войны на состояние афганского общества // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 187-199, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-187-199](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-187-199)

Original Article

Historical Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-187-199](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-187-199)

The Impact of the Cold War on the Afghan Society

Vladimir A. Poghosyan✉

Ijevan branch of Yerevan State University, Ijevan, Republic of Armenia
vladimir.poghosyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0001-9581-6453>

Abstract. The article is devoted to the policies of the global players of the Cold War using the example of Afghanistan. Noting the features of the Afghan policy of the Cold War, the author highlighted the key content of the very concept of the Cold War, political events in Afghanistan, internal and external challenges, ethnic problems and the problem of women during the Cold War. The influence of geopolitical processes on the development, internal and external interests of Afghan society in the 20th century, the social, economic and political consequences of the Cold War, features of the development of the political system and political culture of Afghanistan, ethnic problems in Afghan public discourse, etc. are considered. The author concludes that “The Cold War of the superpowers had a direct impact on internal political developments in Afghanistan, where parties and public organizations emerged as political structures with secular or Islamic ideology. The author comes to the conclusion that the internal political unity of Afghan society was not ensured for the reason that the Afghan elite was unable to form an ideology expressing national unity, and its individual parts preferred to serve the interests of one or another player without supporting the national interests of Afghanistan.”

The article was prepared according to the International Academic Mobility Program, organized by the National Research Institute of the Communications Development (Moscow) for young scientists from foreign countries.

Keywords: Afghanistan, Cold War, Afghan crisis, political incubation, Islamic value system, conservative society

For citation: Poghosyan V.A. The Impact of the Cold War on the Afghan Society. Russia & World: Scientific Dialogue. 2024. № 1(11): 187-199, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-187-199](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-187-199)

Введение

В Центрально-Азиатском регионе, система безопасности которого неразрывно связана с глобальной системой безопасности, новые и традиционные вызовы получают динамичное развитие.

В XX в. вокруг Афганистана и афганского общества происходили наиболее серьезные процессы, которые прямо и косвенно привели к формированию кризисной реальности в Афганистане и Центрально-Азиатском регионе. Афганская война, являвшаяся проверкой системы сдержек и противовесов времен холодной войны, сыграла важную роль в оценке возможностей и рисков противостояния и реагирования на вызовы двух военно-политических систем.

Таким образом, объектом исследования являются тенденции изменения афганского общества под влиянием холодной войны, а предметом – политические и социально-нормативные изменения в афганском обществе в 1950–80-е гг.

Цель статьи – выявить компоненты социальной и гуманитарной политики, присутствовавшие в социальной политике Афганистана периода холодной войны.

Для достижения вышеуказанной цели мы поставили перед собой следующие задачи:

- изучить причины раскола афганской элиты, влияние внешних и внутренних факторов на эти процессы;
- описать динамику развития партийной системы.

Материалы и методы

Научная база исследования основана на трудах российских и зарубежных исследователей. В исследовании были использованы работы Р.Ахрамовича [1], М.Слинкина [6], А.Ляховского [5], В.Спольникова [8], В.Коргун [3], В.Малия [16], Б.Рубина [18], Р.Невеля [17] и других авторов.

Исследование проводилось путем изучения научного и междисциплинарного подходов и существующего исходного и научного материала. При его написании автор пользовался историко-сравнительными и статистическими методами, методология исследования основана на принципах историзма и объективности, на системном изучении внутренних и внешних влияний на социальную политику Афганистана.

Результаты исследования

В Центрально-Азиатском регионе, система безопасности которого неразрывно связана с глобальной системой безопасности, новые и «традиционные» вызовы принимают динамичное развитие. Международный терроризм, религиозный экстремизм и этнонациональный сепаратизм, незаконный оборот наркотиков и оружия, нелегальная миграция нашли благодатную почву в Центрально-Азиатском регионе. Здесь пересекаются интересы многих участников международных отношений, будь то глобальные державы, такие как Россия, Китай и США, ЕС, или региональные, такие как Турция, Иран, Пакистан и Индия, а также международные организации, такие как ООН, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС и др.

В XX в. Афганистан и афганское общество подверглись непосредственному влиянию мировой политики и геополитических сдвигов и стали одной из осей конкуренции в биполярном мире. Политические, военные, социальные и культурные последствия холодной войны наиболее заметны в афганском обществе.

Модельное содержание холодной войны

Холодная война как противостояние двух противоположных систем и идеологий является феноменом XX в. и зародилась после двух мировых войн, когда международные отношения перестали быть только европоцентристскими [13, р. 207], изменилась идеология конфликта. Он уже предстал не только как конкретное действие или цель, а как многоуровневое и дезинтегративное явление.

Современная историография предлагает различные подходы и мнения по раскрытию содержания холодной войны, которые, как правило, основаны на той или иной составляющей, имеющей значение для формирования биполярного мира. Начиная с 1990-х гг. в исследовательскую среду входят новые работы, в которых рассматриваются не только экономические (энергетические), политические, дипломатические и социальные слои проблемы, но и межнаучные – культурологические и информационные проблемы.

Если рассматривать холодную войну как форму и средство конфликта, то лозунги и информационные механизмы, используемые двумя противоборствующими сторонами («лучше красный, чем мертвый», «антикоммунистическая опасность», «колонияльные народы в свете “факела свободы”»¹, «нет капиталистической эксплуатации»²), указывают нам на то, что холодная война была периодом отклонения от быстрых темпов улучшения социально-экономического существования послевоенного общества, поиска новых закономерностей развития, что проявлялось в определенных закономерностях цивилизационного конфликта (угроза ядерной войны, идеологическое противостояние, марксизм – опасность распространения ленинизма, парадигмы революционно-имперской власти и т.д.).

Холодная война, развернувшаяся между СССР и США в 1940–1980-х гг., представляла собой особую форму международного конфликта, в котором взаимодействовали факторы идеологической борьбы, политической и дипломатической конкуренции, угрозы применения силы.

Чтобы лучше понять историю послевоенного круга советско-американских отношений, нужно как можно точнее понять, что происходило между ними. А произошел довольно сложный и нетипичный процесс вражды и соперничества в сочетании с не менее важными и решающими элементами сотрудничества. Такое сочетание политической повестки создало условия для того, чтобы две сверхдержавы помогали друг другу строить и поддерживать определенный мировой порядок (би-

полярный миропорядок), а другим странам – выживать в условиях острой конкуренции и вражды.

Обусловленные этим обстоятельством модельные проявления холодной войны были в разных частях мира – от Кубы до Дальнего Востока, где посредством распределения и баланса интересов две сверхдержавы реализовали политику мягкого и жесткого контроля над остальным миром. Если рассматривать политику холодной войны в модельном варианте, то можно выделить ряд конкретных моделей, в которых политика холодной войны проявлялась в «теплых» тонах. Так, модели можно разделить на корейскую, кубинскую, вьетнамскую, ближневосточную, афганскую и другие, где заметны доэскалационные, эскалационные и постэскалационные этапы модельного развития конфликта.

Следует отметить, что эти модели имеют существенные сходства и, конечно же, различия, поскольку регионы и инструменты политики холодной войны в разное время имели технические, идеологические, военно-стратегические и другие различия. Единственным заметным и показательным явлением был принцип управляемости (трансформации) шеллинговского конфликта [10]. Действительно, каждый конфликт, возникавший и развивавшийся в странах третьего мира, рассматривался одним из противоборствующих лагерей с преобладанием интересов, поэтому гонка за расширение влияния в странах третьего мира приводила к конкуренции (с использованием технологий «мягкой силы»), а затем к использованию механизмов взаимного сдерживания и, наконец, к эскалации, что в основном приводит к негативным результатам.

Афганистан в водовороте холодной войны

Будучи многонациональным государством, обремененным религиозными и традиционными, экономическими и коммуникационными проблемами, Афганистан также пытался соединиться с двумя противоборствующими центрами холодной войны, чтобы использовать определенные позиционные возможности, геополитическое значение собственной страны, создать и развивать легкие связи с технологическими центрами.

Данное обстоятельство вызвано прежде всего крайней бедностью и отсутствием технологических инноваций, которые стали основной мотивацией такой политики, проводимой афганской элитой. Особенно в период, когда на посту премьер-министра находился Мохаммад Дауд, эти подходы и выгоды от совмещения возможных интересов мировых игроков стали основой его политической повестки дня. Как любил говорить М. Дауд, «я чувствую себя счастливее, когда могу зажечь свою американскую сигарету советскими спичками» [18, р. 37].

Опыт Дауда в коммерциализации внешней политики в 1950-х гг. позволил иностранным инвесторам инвестировать в области, имеющие экономическое и стратегическое значение для страны, – от энергетической безопасности до вооруженных сил. Афганистан заключил перекрестные соглашения как с США [1, с. 126, 117], так и

1 Советские антиамериканские плакаты. Плакаты времен холодной войны. URL: <http://surl.li/mwdwl>.

2 Там же.

с Советским Союзом, втягиваясь таким образом в водоворот геополитического союза двух сверхдержав. Политика советской экономической поддержки Афганистана, которую некоторые западные исследователи охарактеризовали как «экономическую атаку» [11, р. 124], имела целью не только перестроить экономический портрет афганского государства, но и попытаться внести свой вклад в афганскую миссию «строительства нации», во-вторых, осуществить попытку инкубации коммунистической политической системы.

Экономические интересы США связаны прежде всего с желанием извлечь выгоду из изменений политической карты региона, поскольку разрушение британского колониального господства открыло новую перспективу для американской политической и экономической экспансии. Афганская политика США в 1950-е гг. была направлена на то, чтобы остановить региональное продвижение Советского Союза, и инвестиционные проекты, реализуемые в долине Хаймленд, были направлены именно на эту цель.

В первый период политики премьер-министра Мохаммада Дауда, несмотря на экономическую и военно-финансовую поддержку, оказываемую Советским Союзом Афганистану, обсуждение «проблемы Пуштунистана» и территориальных проблем с пакистанской стороной несколько раз втягивало страну в реальные войны. Умеренные успехи внутренней политики режима М.Дауда в сочетании с второстепенным вниманием к афганским интересам во внешней политике подорвали стабильность режима.

Геополитическое расположение сил в послевоенном Средне-Азиатском регионе было неблагоприятным для Афганистана. С образованием в 1947 г. нового государства на южных и юго-восточных границах Афганистана в лице Пакистана Афганистан получил потенциального противника, который впоследствии примет статус военного и политического союзника США. В начале 1960-х гг. обострение афгано-пакистанских противоречий и ухудшение отношений рассматривались местными оппозиционными консервативными силами как результат отклонения от традиционных путей политического и экономического развития (ограничение власти традиционных элит и духовенства, особенно в зоне пуштунских племен, некоторые социальные реформы) страны [12, р. 37]. В такой ситуации было вполне понятно, что Захир Шах потребовал в марте 1963 г. отставки премьер-министра Мохаммада Дауда, которого сменил Мохаммад Юсуф, в интересах обеспечения внутривнутриполитической стабильности и восстановления отношений с Пакистаном. Естественно, это был самый заметный раскол в системе государственного управления, основы которого ведут к политике холодной войны.

В послевоенный период (после 1954 г.) были зафиксированы значительные результаты в области общества и общественных отношений, выросла не только экономика и военный потенциал, но и интеллектуальный и культурный уровень определенной части общества. Иностранные инвестиции, имеющие многоаспектность и различные политические оттенки, способствовали поляризации общественного мнения, что было индикатором незамеченного политического кризиса.

Последняя попытка модернизации общественного и государственного строя, Конституция 1964 г.³, хотя и установила существование в Афганистане конституционно-монархического строя, но предоставила исполнительной, законодательной и судебной власти широкие возможности для самостоятельной деятельности, однако между тем не установила юридических ограничений на власть племенных и религиозных лидеров. Можно отметить, что эта попытка модернизации, несмотря на наличие прогрессивных элементов, не ответила существовавшим внутренним и внешним вызовам, в результате чего страна столкнулась с новыми кризисами и политическими потрясениями [6, с. 535].

Следует отметить, что предоставленные этой Конституцией политические свободы и возможности сформировали новую перспективу для прогресса афганского общества, политической культуры. В общественной среде начали формироваться политические партии со своими средствами прессы и партийными членами. Параллельно с формированием партийной системы в политической системе начали возникать различные политические течения и взгляды. Например, Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) была нацелена на установление в стране социалистического строя, а целью радикальных партийных слоев было исламское возрождение и укрепление религиозной идеологии в Афганистане [15, р. 30]. Естественно, что идеологические и финансовые источники этих партий также обеспечивались двумя противоборствующими группировками [5, с. 259], в результате чего и советский, и западный полюсы использовали партийную систему и ее потенциал для решения политических, экономических и даже культурных вопросов внутри Афганистана.

Задачей всех правительств [1, с. 122], следовавших за М.Даудом, по сути, было предотвращение развала существующей «демократической» системы ценностей и рискованных проявлений, а те среднесрочные решения, которыми последние попытались решить существующий общественный и социальный кризис, имели обратный эффект.

Наряду с деятельностью партийных органов, одержимых либеральными, прогрессивными идеями, активную деятельность вели также фундаменталистские организации «Мусульманская молодежь» и другие организации, получившие финансовую и идеологическую поддержку со стороны пакистанских, египетских и других фундаменталистских организаций, то есть здесь тоже было присутствие западного блока, их скрытое присутствие. Кризис вступал в стадию кульминации.

На развитие общественной и политической мысли огромное влияние оказали новосозданные партии и их средства массовой информации, которые сильно воздействовали на развитие общественной и политической мысли, а основным объектом их влияния стала городская, в основном кабульская, образованная масса населения.

В этом контексте была отмечена деятельность газет «Хальк» и «Парчам», издаваемых НДПА, а также идейно-политическая деятельность профессорско-препо-

3 Constitution of Afghanistan 1964. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Afghanistan_1964.pdf?lang=en.

давательского состава богословского факультета Кабульского университета [8, с. 12, 56], которые, объединив вокруг себя прогрессивные и радикально настроенные слои общества, стали реальной оппозицией действующей власти и показателем раскола элиты внутри государства.

С точки зрения оценки внешнеполитической обстановки и событий вокруг Афганистана и афганского общества подчеркнем тот факт, что в 1960-е гг. два блока снизили не только геополитический интерес к этой стране, но и финансовую поддержку, и ослабили инвестиционную политику в Афганистане. Например, отметим, что инвестиции США в конце 1960-х гг. сократились в несколько раз⁴ [17, р. 144], а советских – примерно в два раза⁵ [17, р. 144].

В условиях такой фоновой геополитической реальности в 1973 г. к власти вновь пришел бывший премьер-министр М.Дауд. Переворот в значительной степени удалось совершить именно благодаря его репутации [6, с. 418].

Внутриполитический опыт Дауда, вовлечение различных политических сил и организаций в сферу политической и государственной деятельности привели к формированию «афганской модели» республиканского порядка – по определению афганиста В.Г.Коргуна, «прогрессивного афганского национализма», который затем превратился в «национальный национализм», или «даудизм», – социальный прогресс без насилия, реформы под лозунгами ислама, идеология без подражания другим [3, с. 379]. Во внешней политике Дауда заметна комплементарная составляющая, а в целях обеспечения нейтралитета внешней политики последний исключил из звеньев управления как представителей просоветской (НДПА), так и радикальной, левозэкстремистской, оппозиции («Афган меллат», «Шоалей джавид») [3, с. 379, 381]. Основной целью этой политики было сдерживание растущего советского присутствия [14, р. 57].

Несмотря на теплоту отношений с советским руководством и взаимные визиты, в последний период власти режима Дауда было заметно охлаждение отношений, которое было использовано для обеспечения советского присутствия альтернативными способами. НДПА, по сути, стала единственной политической организацией, противостоящей властям. Под давлением официальной Москвы две фракции НДПА – «Хальк» и «Парчам» – объединились под единым Центральным Комитетом (ЦК) [14, р. 17].

Режиму Дауда не удалось сплотить вокруг себя все идееспособные силы общества, создать баланс социальной справедливости и внешней политики, что привело к кризису, который стал результатом накопившихся нерешенных проблем, поэтому попытки правительства Дауда изменить ситуацию (изменение конституционного, внешнеполитического курса) уже не были в состоянии улучшить внутриполитический кризис, и в данном случае успех Саурской (Апрельской) революции 1978 г. был результатом этого [2]. Было ли непосредственное участие СССР в подготовке и ор-

⁴ Гранты и кредиты США Афганистану сократились с 387,9 млн долларов (до 1967 г.) до 1,440 тыс. долларов (помощь в 1969–1970 гг.).

⁵ Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг.: Док. и материалы / МИД СССР, МИД Афганистана. М.: Политиздат, 1971. С. 202, 231, 242, 254, 310, 343.

ганизации Саурской революции, насколько она управлялась советскими спецслужбами? На эти вопросы до сих пор не получено убедительных ответов от историков, но то, что революция и уход Дауда со своего поста отвечали интересам региональной политики СССР, однозначно. В этом вопросе мы можем согласиться с мнением М.Слинкина о том, что «афганский кризис не свалился в одночасье с небес. Он явился имманентно плодом политического и социально-экономического развития страны и общества. Вместе с тем он не был и не мог быть свободным от внешнего влияния» [6, с. 540].

После Саурской революции Афганистан был провозглашен Демократической Республикой Афганистан, образовано новое правительство и Нур Мухаммад Тараки стал генеральным секретарем Центрального Комитета НДПА. Следует отметить, что, несмотря на громкие идеи и усилия революционного правительства, некоторые западные исследователи характеризуют программу радикальных реформ как «неправильно реализованную программу» [16, р. 29], а, по мнению представителей российской историографии, новое правительство проявило «чрезмерный радикализм и неоправданную поспешность, незнание природы общественных отношений села и часто игнорирование национальных особенностей и исторических традиций» [3, с. 407; 2, с. 44]. Однако некоторые советские авторы высказывали мнения о том, что Тараки пытался повторить опыт СССР в Средней Азии. Мы считаем, что намерения нового правительства, направленные на реализацию этого программного пакета, коснулись важных для афганского общества социальных институтов – утверждения гендерного равенства, свободы брака и выбора, запрета детских браков, обязательного школьного образования девочек, которое не было принято и не воспринято традиционным обществом. Однако при постановке этих вопросов революционные власти недооценили исключительно важную роль ислама и мусульманского духовенства в духовной и социальной жизни афганского общества.

Советская сторона стала основным донором афганской внешней политики, с которой были заключены многочисленные меморандумы и договоры, целью которых было «обеспечение безопасности, независимости и территориальной целостности двух стран»⁶.

Столкнувшись с разногласиями внутри элиты НДПА, снижением роли Нур Мохаммада Тараки и завоеванием власти Хафизуллою Амином, возможной отменой доминирующего советского присутствия, расширением политики безопасности США и другими проблемами, в конце 1979 г. советские войска вошли в Афганистан и осуществили насильственное отстранение Х.Амина от власти, после чего было сформировано новое, просоветское правительство. Ввод советских войск был оправдан подписанным с Афганистаном Договором о дружбе и сотрудничестве, который не был понят международным сообществом. Генеральная Ассамблея ООН (A/RES/ES-6/) приняла резолюцию «Ситуация в Афганистане и ее последствия для международно-

⁶ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1978 год: Сборник документов / Сост. И.А.Кириллин, Н.Ф.Потапова. М.: Международные отношения, 1979. С. 223–231.

го мира и безопасности», осуждающую ввод ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан (104 голоса «за», 18 – «против» и 18 воздержались). Этой резолюцией Генеральная Ассамблея ООН призвала к «немедленному, безусловному и полному выводу иностранных войск из Афганистана» и предоставлению афганскому народу права «определить свою собственную форму правления <...> без какого бы то ни было вмешательства, <...> принуждения или нажима извне»⁷.

Чтобы передать более гармоничный и идеологический характер советскому присутствию, СССР начал распространять советскую идеологию и устанавливать систему, эквивалентную советской модели государственного управления, как и в остальных коммунистических странах, но игнорируя обычаи и культурные нюансы восприятия и распределения власти афганского общества. Этот процесс имел противоположный эффект, способствуя росту негативного отношения к советскому, окончательному расколу кажущегося единства общества, что в конечном итоге привело к расширению и общественной поддержке в афганском обществе религиозных идеологических движений (исламского фундаменталистского движения).

В рамках афганской политики советского государства изначально местные традиции и общественные настроения Афганистана не считались приоритетными. Лишь позже профессиональные группы советских ученых начали изучать этнические проблемы афганского сообщества, причинно-следственные связи раскола и отсутствия общественного единства, но и эти принятые меры не сделали возможным восстановление общественного единства. Те подходы и концепции, которые применялись советскими акторами, игнорировали присущие этническому сообществу показатели, такие как: бурное состояние обычной и этнической принадлежности, общественная поддержка лидеров и авторитетов (героев) в правящих клановых системах, настроение общества. Те программы и мероприятия, которые были реализованы советскими военными и гражданскими представителями, получали поддержку только среди представителей элиты, сосредоточенной вокруг Кабула, а большинство общества не было причастно к содержанию и выгоде от реализации этих программ [7, с. 191-192].

Ввод ОКСВ в Афганистан получил самые противоречивые оценки в российской и западной историографии. Различные авторы трактуют это событие с совершенно противоположных позиций, характеризуя его как «советско-афганскую войну», «интервенцию», «оккупацию» или «агрессию СССР», а что касается необходимости ввода войск, она представлена западной историографией с двух позиций – как часть «большой стратегии» [4, с. 143] расширения СССР или как продолжение политики безопасности и обороны. В российской историографии также высказывались разные мнения о том, был ли ввод советских войск в Афганистан правильным, отвечал ли он интересам СССР. В этой связи следует выделить признание востоковеда В.С.Христофорова о том, что «решение советского руководства о вводе войск в Аф-

⁷ 6th session – The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security [Requested by the Security Council on 10–14 January 1980]. URL: <https://www.un.org/en/ga/sessions/emergency.shtml>

ганистан нанесло СССР огромный ущерб как на международной арене, так и внутри страны» [9, с. 373], а, по мнению генерал-майора А.Ляховского, политической целью СССР была «поддержка кабульского режима» [5, с. 617-618], и жертвы, принесенные ради него, не оправданы.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, автор приходит к следующим выводам.

В результате Второй мировой войны формирование новой парадигмы геополитического баланса и политико-правовых отношений сопровождалось определением миропорядка баланса сил и сдержек, который мы называем «холодной войной». Политика холодной войны продемонстрировала элементарные подходы в разных регионах и странах, где пытались применить свою политику и военно-идеологическое влияние. Стратегическое, геополитическое положение Афганистана и проблемы внутреннего сообщества, непропорциональные подходы к реагированию на внешние и внутренние вызовы послужили основанием для рассмотрения Афганистана как средства обеспечения безопасности южных границ СССР. Советская сторона углубила политику развития афганской экономики, обеспечив различные отраслевые и профессиональные рамки, прямо и косвенно влияла на формирование афганской элиты и внутривнутриполитические отношения, а после прихода к власти НДПА полностью трансформировала свою афганскую политику, рассматривая Афганистан как плацдарм советского влияния в третьем мире.

Холодная война оказала непосредственное влияние на внутривнутриполитическое развитие Афганистана, где представленные партии и общественные организации сформировались и идеологически стали политическими органами, несущими советскую или исламскую систему ценностей. Внутривнутриполитическое единство не было обеспечено и потому, что афганская элита не могла сформировать идеологию, выражающую национальное единство, а отдельные ее части предпочитали обслуживать интересы того или иного игрока, поддерживая национальные интересы Афганистана.

Список источников

1. Ахрамович Р.Т. Афганистан после второй мировой войны [Afghanistan after the Second World War]. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
2. Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции [Afghanistan: Difficult Fates of the Revolution]. М.: «Знание», 1988.
3. Коргун В.Г. История Афганистана XX век [History of Afghanistan 20th Century]. М.: Крафт+, 2004.
4. Лундестаг Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996 [East, West, North, South. Main Directions of International Politics. 1945–1996]: пер. с англ. М.: Весь мир, 2002.
5. Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана [Tragedy and Valor of Afghanistan]. М.: ГПИ «Искон». 1995.

6. Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60-70-е гг. XX в.) [Afghanistan: Opposition and Power (60-70s of XX years)]. М.: Издательство МБА, 2020.
7. Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80-90-е гг. XX в.) [Afghanistan. Pages of History (80-90s of the XX Century)] // Культура народов Причерноморья. 2003. №. 41. С. 1-279.
8. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция [Afghanistan: Islamic Opposition]. М.: Наука, 1990.
9. Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР: 1979–1989 [Afghanistan: Military-Political Presence of the USSR: 1979–1989]. М.: ИРИ РАН, 2016.
10. Шеллинг Т. Стратегия конфликта [Conflict strategy]. М.: Социум, 2019.
11. Amin Saikal Modern Afghanistan: A History of Struggle and Survival, London: I. B. and Taurus Co Ltd, 2004.
12. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. London: Verso, 1988.
13. Cassels A. Ideology and International Relations. London; New York, 1996.
14. Firdous T. Central Asia, Security, and Strategic Imperatives. Gyan Publishing House, 2002.
15. Hammond T.T. Red Flag Over Afghanistan: The Communist Coup, the Soviet Invasion and the Consequences, Colorado: Westview Press, 1984.
16. Maley W. The Afghanistan Wars. Palgrave, 2002:352.
17. Newell R.S. The Politics of Afghanistan. London: Cornell University Press. 1972.
18. Rubin B.R. Afghanistan: What Everyone Needs to Know®. Oxford University Press, 2020.

Информация об авторе

ПОГОСЯН Владимир Арменович. Преподаватель кафедры истории Армении и обществознания Иджеванского филиала ЕГУ, соискатель кафедры всеобщей истории ЕГУ. Директор библиотеки Иджеванского филиала Ереванского государственного университета. <https://orcid.org/0009-0001-9581-6453>. Адрес: Республика Армения, 4001, г. Иджеван, ул. Метатагорцнери, д. 50, vladimir.pogosyan@ysu.am

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 29 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Akhramovich R.T. Afghanistan after the Second World War. Moscow: Publishing House of East Lit., 1961 [In Russian].
2. Basov V.V., Polyakov G.A. Afghanistan: Difficult Fates of the Revolution. Moscow: Znaniye, 1988 [In Russian].
3. Korgun V.G. History of Afghanistan 20th Century. Moscow: Kraft+, 2004 [In Russian].
4. Lundestad G. East, West, North, South. Main Directions of International Politics. 1945–1996: Trans. from Eng. Moscow: Ves' mir, 2002 [In Russian].

5. Lyakhovsky A. Tragedy and Valor of Afghanistan. Moscow: Iskona, 1995 [In Russian].
6. Slinkin M.F. Afghanistan: Opposition and Power (60-70s of XX years). Moscow: MBA Publishing, 2020 [In Russian].
7. Slinkin M.F. Afghanistan. Pages of History (80-90s of the XX Century). Kultura narodov Chernomorskogo regiona [Culture of the Peoples of the Black Sea Region]. 2003; 41:1–279. [In Russian].
8. Spolnikov V.N. Afghanistan: Islamic Opposition. Moscow: Nauka, 1990 [In Russian].
9. Khristoforov V.S. Afghanistan: Military-Political Presence of the USSR: 1979–1989. Moscow: IRI RAS, 2016 [In Russian].
10. Schelling T. Conflict strategy. Moscow: Society, 2020. [In Russian].
11. Amin Saikal Modern Afghanistan: A History of Struggle and Survival, London: I. B. and Taurus Co Ltd, 2004 [In English].
12. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. London: Verso. 1988[In English].
13. Cassels A. Ideology and International Relations. London; New York, 1996 [In English].
14. Firdous T. Central Asia, Security, and Strategic Imperatives. Gyan Publishing House, 2002 [In English].
15. Hammond T.T. Red Flag Over Afghanistan: The Communist Coup, the Soviet Invasion and the Consequences, Colorado: Westview Press, 1984 [In English].
16. Maley W. The Afghanistan Wars. Palgrave, 2002:352 [In English].
17. Newell R.S. The Politics of Afghanistan. London: Cornell University Press. 1972 [In English].
18. Rubin B.R. Afghanistan: What Everyone Needs to Know®. Oxford University Press, 2020 [In English].

About the author

Vladimir A. POGHOSYAN. Lecturer at the Department of History of Armenia and Social Studies, YSU Ijevan branch, applicant for the Department of General History of YSU Ijevan Branch office of Yerevan State University, Ijevan, Armenia, <https://orcid.org/0009-0001-9581-6453>. Address: 50, st. Metaghagortsneri, Ijevan, 4001, Republic of Armenia, vladimir.pogosyan@ysu.am

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 29, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.
Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в VIII международной научно-практической конференции **«Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения»** (далее – Конференция), которая состоится **23 мая 2024 года**.

Организатор Конференции: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК). Генеральный партнер конференции – Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Планируется участие ведущих российских и зарубежных ученых и экспертов, представителей органов власти и дипломатического корпуса зарубежных стран.

В первой части Конференции планируются пленарные доклады российских и зарубежных спикеров. Будут рассмотрены проблемы структурирования мирового пространства в контексте Мирового Большинства и Запада, социальной динамики постсоветского пространства и ее влияния на внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы, перспективы интеграции славянского мира и другие актуальные вопросы.

Во второй части Конференции планируются секционные заседания и научные дискуссии:

- Интеграции: пересборка союзников и партнеров?
- Политические элиты современного мира: возможности конструктивного диалога.
- Факторы суверенности и субъектности в современном мире.
- Стратегические регионы России: Север.

- Наука о России на постсоветском пространстве (специальная секция с участием профильных специалистов зарубежных стран и представителей зарубежных вузов).

По результатам Конференции издается сборник материалов (РИНЦ).

**Дополнительную информацию
Вы можете получить на сайте Конференции:
<https://russiaworld-dialogue.ru/>**

Дополнительно информируем Вас о работе зарубежных сессий VIII международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2024. Силы притяжения».

8 апреля 2024 г. – Межрелигиозный диалог ради мира и сотрудничества. Республика Беларусь

12 апреля 2024 г. – Цивилизационный диалог России и стран Центральной Азии. Республика Таджикистан

19 апреля 2024 г. – Роль непризнанных государств в современном мире. Механизмы развития союзных отношений. Республика Южная Осетия

22 апреля 2024 г. – Традиционные ценности как фактор сближения стран и народов. Грузия

26 апреля 2024 г. – Политика памяти: национальные, культурные и символические аспекты. Кыргызская Республика

В случае Вашей заинтересованности и желания принять участие в работе зарубежных сессий просим Вас зарегистрироваться на сайте Конференции: <https://russiaworld-dialogue.ru/>

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Ваше участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р фил. н. Л.Е.Бушканец

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2 Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 20.03.2024
Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 2000 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Filol) Leah E. Bushkanets

Proofreader – CandSc (Filol) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House «Project Media Group» (Department of media-projects)
5, 2d building, 1st floor, 2d office, Gagarinskiy pereulok, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 20.03.2024

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast
Circulation 2000 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

perspectum

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

ЕРСПЕКТИВА
ПОКОЛЕНИЕ ПОИСКА

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

"Амазонки русского авангарда" – так вслед за поэтом Б.Лифшицем сегодня называют художниц Н.Гончарову, А.Экстер, Л.Попову, О.Розанову, В.Степанову и Н.Удальцову, чье творчество стало знаковой и неотъемлемой частью искусства XX века и нашим вдохновением при создании дизайна этого номера.

Дизайн обложки сделан по мотивам картин Н.Гончаровой.

Наталья Сергеевна Гончарова (1881, Чернский уезд Тульской губернии – 1962, Париж) – живописец, график, скульптор, художник театра, иллюстратор книг. Бриллиант русского авангарда начала XX века, она работала в самых разных стилях – импрессионизм, неопримитивизм, фовизм, лучизм, кубизм, религиозная живопись – при этом сохраняя свой уникальный, особый взгляд. Участница первой выставки «Бубнового валета», экспозиций «Синего всадника», выставки постимпрессионистов в Лондоне, «Русских сезонов» Дягилева.

Её работы продолжают украшать частные коллекции, изредка появляются на зарубежных аукционах, остаются актуальными и в XXI веке.

